

Борис Щербаков

ПУТЬ К АБАЮ

БОРИС ЩЕРБАКОВ

ПУТЬ К АБАЮ

Путевые заметки

С губернатором Бакаевым
и организатором
этой поездки
Виктор!
Спасибо!
Александр
2008г

Усть-Каменогорск
Издательство «Медиа-Альянс»
2005

КНИГА ПРЕДСТАВЛЕНА К ИЗДАНИЮ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИМ ОБЛАСТНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ КУЛЬТУРЫ,
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИМ ОБЛАСТНЫМ МУЗЕЕМ ИСКУССТВ,
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ
В РАМКАХ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА»

Главный редактор Сагымбаева Н.К.

Рецензент Пуссен Г.Н., заведующий ЛМО ВКМИ

Рисунки автора

Щербаков Б.В.

Путь к Абаю. Путевые заметки. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2005.
– 148 с.

ISBN 9965-704-48-1

В книге «Путь к Абаю» автор с большой любовью и наблюдательностью описывает путь от Усть-Каменогорска до Жидебая, которым в конце XIX века проехал наш великий земляк.

Описание картин степного края, настроение, которое испытываешь в дороге, автор усиливает поэтическими переживаниями самого Абая.

Выполненная в манере путевых заметок книга Бориса Щербакова не только привлекает, но и полезна с краеведческой точки зрения как путеводитель для каждого, кто пожелает посетить этот уникальный край.

ISBN 9965-704-48-1

© Щербаков Б.В., 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга Б.В. Щербакова написана в жанре путевых заметок. Как и все его предыдущее творчество, связано с уникальной природой Восточного Казахстана, с его людьми, их судьбами и свершениями. Борис Щербаков как ученый-биолог многое сумел сохранить, открыть и поэтому предостерегает нас от поступков, направленных на разрушение окружающего мира.

Его книги и работы удивляют своей емкостью, точностью описания и умением преподнести материал читателю.

«Путь к Абаю» – одно из таких открытий, хотя из исторических источников знаем, что в 1898 году Абай был в гостях у своего друга Е.П. Михаэлиса, проделав путь из Жидебая, где он жил последние годы, до Усть-Каменогорска и обратно. «Сколько можно, – скажут абаеведы, – писать об Абае? Все понятно и ясно: великий, единственный, разносторонний...».

Но вчитайтесь в повествование, и вы невольно окажетесь в степи, широкой и разной, родной и пугающей. Писатель входит в мир Абая через собственное восприятие окружающей его природы. Он постоянно задает себе вопрос: «Какие мысли, чувства испытывал Абай на этом пути?». И ответ находит частично в стихах великого акына, но, пожалуй, и это главное, он находит ответы среди самой природы – в горах, степи, звездном небе, для которых столетия, разделяющие творцов, – миг! То, что вдохновило Абая, это же вдохновило и автора.

Так же, как и прежде, «... без усталости и печали, на все голоса и мотивы, поют над степью ветры»; безмолвны, «... словно объ-

тые раздумьем», горы; также «Тихой ночью при луне луч в воде дрожит слегка» (Абай).

Автор взял на себя задачу: сделать описание дороги, по которой прошел и проехал Абай, увязав это с поэтическим видением великого поэта. Более того, он побывал в Каркаралинске, там, где построена отцом Абая Кунанбаем мечеть, чтобы материал был более полным и осязаемым – ведь маленький Абай тоже приезжал туда. Каркаралинские впечатления вошли в основу классических стихов Абая «Четыре времени года».

В повествованиях присутствуют три героя: Абай, автор и степь, живая и равнодушная ко всему: то рыжей лисицей бежит за автомобилем, то поет каждой былинкой и кустиком... У нее свой характер, свои привязанности. И если вместе с автором пропустить через себя эти степные картины, становится близким и понятным абаевское восприятие Родины. Боее чем за полтора века на этой земле мало что изменилось, и слава Богу, что мы видим почти все то, что было близко и понятно Абаю, когда-то сказавшему: «Я приятелей тьму обрел без труда». Мы же, прочитав новую книгу Б. Щербакова, приобрели еще одного друга – степь, поэтому с уверенностью можем сказать: ближе и понятнее стала нам Родина нашего земляка, и помогли нам с этом путевые заметки Бориса Щербакова – «Путь к Абаю».

Если кто-то пожелает побывать в абаевских местах, настоящая книга станет хорошим и добрым путеводителем.

В добрый путь!

Т. Тусипбеков,
начальник областного
управления культуры

*Разъединение со мной моей природы
Один невежда полной смертью назовет.
Абай, 1895.*

Прошло 160 лет со дня рождения Абая Кунанбаева. Имя великого поэта и мыслителя – «начало всех начал» – также велико в культуре казахского народа, как и Пушкина в истории русской культуры. На XXVII сессии ЮНЕСКО, проходившей в ноябре 1993 года с участием представителей 180 стран, Абай признан не только как крупный поэт, но и как великий мудрец и философ, мыслитель, посеявший в сознание человечества семена гениальности. Никто до него не представил миру с присущей ему полнотой полудикуую Великую Сары-Арку, населенную кочевым народом. Не удивительно, что Абай прочно занял достойное место в рядах признанных титанов мысли мирового масштаба: «...национальным достоянием мирового порядка» его творчество назвал Чингиз Айтматов. Ярко и точно выразил признание его как гения Сабит Муканов: «Не все гении поэты, не все поэты – гении. Абай был и тем, и другим».

*Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?*

Строки эти написаны другим сыном казахского народа – поэтом, акыном XX века – Жамбылом.

«Нужно, – писал известный писатель Л. Леонов, – поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о далях, видных с поднебесной высоты...».

Произведения Абая следует рассматривать не просто как талантливого поэта-акына, философа, борца за справедливость и права своего народа, а как человека, сказавшего главное слово о Степи и народе, ее населяющим. Его имя – явление национальной культуры кочевого народа на громадной территории Евразийского континента – между Каспием и Алтаем, представляющей вплоть до конца XVIII века своего рода «Степную Ойкумену».

В произведениях Абая автора этих строк привлекает восприятие и философское осмысление природы, окружающей современников поэта, тесной связи степного кочевника с явлениями, подмеченные и наблюдаемые им на земле, «сотворенной волей Аллаха». В слове «Тридцать восьмом» он писал: «Я хочу писать о мире людей, наделенных Аллахом восьмью божественными качествами».

Абай обращается к потомкам, и поэтому слова его понятны живущим уже в XXI веке: «Приглядитесь и вдумайтесь, – писал он. – Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножается рыба. Солнце греет землю...».

Как видно, тема эта в его произведениях раскрывает гармонию, взаимосвязи в природе, законы, по которым живет и развивается человечество, и она поставлена во главу «эго» – человека. «И весь этот мир предназначен для людей, – продолжает он. – Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные – мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы – рыбу, а рыба – икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед и воск, а

черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому Аллаху, ибо он властелин мира и ни в чем не нуждается». «Всемогущий Аллах всеведущ, справедлив и милосерден».

Из сказанного совершенно очевидно, Человека, его предназначение в природе Абай видел как бы через призму конкретной его значимости. Это отвечало уровню бытующих в то время представлений о Всевышнем, Природе и Человеке. С тех пор в сознании нашем изменилось многое, однако гармония зависимости человечества от природы осталась такой же, как и прежде. Значит, Абай был и остается прав... К сожалению, однако, мы все еще живем и действуем, как прежде, по законам средневековья, не ушли далеко от мировоззренческих позиций мыслителей XIX века.

Вместе с тем в своих рассуждениях о сущности человечества на земле Абай напоминает: «Нет, всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего». Мыслитель предостерегал нас от излишней самооценки в отношении с природой, о чем мы в наше время совершенно, к сожалению, забываем...

Справедливо, что мысли Абая покажутся кому-то старомодными, но как философ и аналитик он пришел к выводам, не потерявшим актуальность и в наше время. Все это лишний раз заставляет задуматься над величием Природы, созданной, по его словам, волей божьей, и это значит, что мы должны заботиться о ней, считаться с ее законами. Мы не должны забывать и того, что Всемогущественный «не сделал людей полновластными хозяевами земли», и это еще один важный и актуальный показатель мудрости нашего времени, заключенный в «Словах назидания». Как видно уже, тема природы не чужда Абаю.

По-своему переживал он свои отношения со своим окружением, все прелести и тяжды, невзгоды, которые выпали на его долю. Он, наставляя, и напутствовал потомков. И эти переживания нашли отражение в бессмертных произведениях поэта о Великой Степи, о человечестве, о близких и любимых, о совести, о долге...

ИРТЫШ – ВСЕМУ ГОЛОВА

С тех пор, как в нашей области вышел в свет первый литературно-культурный, художественный журнал «Ақ Ертіс – Иртыш», прошло почти три года. Журнал увидел свет благодаря поддержке областного акимата и личной инициативе акима Восточно-Казахстанской области Талгатбека Абайдильдина, также Государственного фонда культуры и группы писателей. Несмотря на истекшее время журнал все еще пребывает в стадии роста и саморазвития. Заметим еще, что в процессе его становления играют важную роль авторы и наши читатели: от их опыта и таланта зависит «литературное меню» номеров, их «вкусовые качества». Редакционной коллегии много проще было бы публиковать известных и авторитетных поэтов, писателей, публицистов... Но определена изначальная цель: знакомить широкую читательскую аудиторию не только с видными региональными деятелями искусства, но и молодыми, мало еще известными авторами, которых мы ищем и находим. Поэтому на страницах журнала публикуются произведения и «ранних» авторов: студентов, школьников. В их число также входят уже заслужившие трудовой отпуск на все времена. Двери в журнал открыты каждому, кто хотел бы войти в страну художественного слова. Мы за то, чтобы постоянно литературные круги росли и пополнялись новыми именами. И особые надежды возлагаем на молодых, особенно проживающих в периферийных населенных пунктах области.

Практика показала, юных талантов у нас – как нераскрывшихся бутонов в майском саду... И наша задача – помочь им.

В новое время, в период становления Казахстана как независимого государства и стабилизации экономики как никогда прежде представляется реальная возможность публикации представленных материалов всех начинающих авторов. Только работай...

Перед членами редколлегии стоит и другая задача: установить контакты с широкой читательской аудиторией области. Естественно, мы хотим, чтобы читатели, как говорится, знали в лицо своих региональных поэтов и писателей.

Вот с этой целью малая бригада в лице главного редактора журнала, известного поэта Серика Габдуллина, водителя и автора этих строк позднее – осенним днем выехала в отдаленные абайские земли.

Нужно было заехать в Семипалатинск, с давних времен закрепившего за собой высокое звание духовного центра на Востоке Казахстана, потом уже побывать и на родине Абая, Шакарима и Мухтара Ауэзова – путь к священным местам, где более ста лет назад вспыхнуло и горит ярким светом неугасимое пламя огня духовности и страстей, в горниле которых был выкован громадный монолит властелина мысли и мудрого поэтического слова...

Мне лично давно хотелось побывать на родине великого земляка, о котором слава выплеснулась далеко за пределы Евразийских степей, и он, Абай, признан в наше время цивилизованным миром как один из великих сынов Евразии. Однако все шло так, что ни на открытии мемориала, ни на других мероприятиях, посвященных творчеству региональных писателей и поэтов, участвовать не приходилось.

Как автору произведений, связанных с вопросами исторического диалога между Природой и Человеком, мне показались очень волнующими бессмертные строки Абая о природе, душевном состоянии поэта, которые написаны в разные времена года. Они, как правило, полны утонченной лиричности, глубокой диалектичности и сложных переживаний. Например, в «Четырех временах года» сочными красками, философскими мазками поэт рисует картины жизни полудиких степей, на фоне которых про-

ходила жизнь его соплеменников. Она, жизнь, как черно-белый аркан: добро и зло в нем – темное и светлое – уживались, как вечные, неразлучные подруги. В этих произведениях жизненная философия кочевника-созерцателя ограничивалась довольно конкретными представлениями:

*Благодатною радостью мир наполнен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.*
Абай, 1890.

В своих произведениях Абай перед потомками открыл исторический занавес средневекового уклада в жизни кочевого народа, его непростую судьбу. Благодаря Абаю жизнь прошлой степи видится как сквозь призму во всех ее достоинствах и пороках. В произведениях поэта мы находим строки описания природного окружения Великой степи во всей ее тонкой текучести. Незримые нити поэтического полотна Абая крепко связаны не только с человеческими судьбами, но и гармонично вписываются в будни и праздники «Четырех времен года».

Однако необходимо заметить, что до сих пор тема природы в произведениях поэта не получила должного освещения у абаяведов всех рангов прошлого и настоящего. А надо сказать, что прозвучала она с особой, присущей только ему силой и озарением. Рентгеноподобное, всепроницающее видение, материализованное до осязаемости, передает неуловимые нюансы утонченных его личных переживаний:

*Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях задохнусь,
Замру от страсти огневой.*
Абай, 1889.

Яркими вспышками сверкают образы в его стихах при описании степной жизни. И это еще одна из сторон его поэтического и философского осмысления, достойная подражания в мастерстве стихосложения. Поэт передает не только увиденный им мир при-

родного окружения, прежде не раскрытый в творчестве казахской культуры, но и образно описывает явления, происходящие в степи: это и краски неба, и музыка ветров, и голоса птиц. Нас это сегодня волнует как уже безвозвратное, потерянное навсегда время.

Никто, кроме Абая, не взялся так смело, с такой силой отразить личную боль за судьбу своего народа, выразив тем самым великую печаль, подобную темной стороне Луны:

*И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых,
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!*
Абай, 1887.

Душевные муки, отлитые в «мыслей золото», стали символом мудрости и художественного постижения, геральдикой высокой интернациональной идейности. Еще и в этом заключается важнейшая грань его незаурядного творчества, масштабность, сила духа и талант.

Абай очень разный, и это заметно в каждом его произведении: он суров и справедлив и к себе, и к своему времени, он могуч и бессилён... Дух его мужества взял на себя «великий грех» – говорить сильную правду, и только правду, глядя в глаза времени. Он делал все, чтобы разбудить сознание родного и любимого им народа, чтобы приобщить его к культуре, и прежде всего к культуре близкого ему русского народа:

*Пойми, что загадкой я был,
Искал пути в бездорожье.
Бился один на один,
Не обессудь!*

Глубоко переживая пагубность бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых местными правителями, Абай постоянно испытывал душевную боль за участь простых, угнетенных соплеменников. Например, его «слова» и стихи – поток безутешной скорби о злосчастной доле кочевого, родного ему племени рода Тобыкты:

*Средь чужих – племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы.
Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит.*

*Среди людей чужих племен
Наш род презреньем заклеямен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.*

Абай, 1887.

Абай, однако, не ожесточился несмотря на все те лишения, с которыми столкнула его жизнь. Как выстрел бича рождает страх у скотины, так и обличительные строки в его произведениях приводили в негодование тех, против кого было направлено острие сатиры. Это были прежде всего властолюбцы, лодыри, склочники... Абай был беспощаден к порокам феодально-родовой чиновничьей знати, чванливых бездельников и приспособленцев, потому оставаясь иногда не услышанный, не понятый:

*Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова – родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл – лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.*

Абай, 1886.

Или:

*Велика у меня,
Широка родня, –
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я
И живу среди людей один.
Как могила шамана, я
Одинок – вот правда моя!*

Абай. 1889.

В произведениях поэта, как бы мимоходом, по настроению, обрисована вспоившая его земля. О ней пишет он в ключе особой, лиричной наполненности и тональности, чего до него прежде не сделал никто. Без его пейзажных картин не было бы полноценного описания степных кочевий. Именно такого рода летучие штрихи создают особые трудности переводов его произведений на другие языки.

А в стихах его слышны «громы холодных ветров», «громы соловьев»... В них уживаются и грусть, и восторг, и радость, и тревога... В афористичных сравнениях Абая как поэта угадываются выражения завуалированные, генетически близкие к мислобразам философской лирики Востока:

*Мысль – щенок, забытый в степи,
Не найти кочевья ему...*

Абай, 1895.

В его стихах находим и то, как он передает столь же адекватное состояние собственной «забытости», некоторой даже беспомощности, но совершенно уже другими словами:

Я – один, наглых невежд не сочтешь...

Или:

*И, как заброшенный щенок,
Душа моя скулит...*

Абай, 1900.

Достаточно ближе познакомиться с поэзией поэта, чтобы убедиться в том, что ум его, талант и совесть – главный источник его побед и душевных мук и терзаний.

ПРИЗНАНИЕ «СТЕПНОГО ГОМЕРА»

Абай – великий поэт-акын, композитор и философ, мудрый и дальновидный, и, конечно, талантливый просветитель. Такие, как он, становятся кумирами истории не только своего народа. Он сам сказал о таких, как он:

*Чьей мысли золото дано
Блестать стихам серебряной оправой.*

В его биографии есть еще черта, определяющая его: мать поэта Улжан, словно предвидя судьбоносное предназначение любимого сына, по наитию своему изменила истинное имя его Ибрагим, которое дал отец Кунанбай, на ласковое Абай, что означает осмотрительный, вдумчивый...

В «Год Абая», который отмечался довольно широко, мне повезло оказаться вместе с государственными и научными деятелями, с деятелями культуры Казахстана в столице Индии – Нью-Дели. В университете имени Индиры Ганди, где проводилось торжественное заседание с участием филологов, философов, писателей, критиков, литературоведов Индии и небольшой делегации от нашей республики, мне пришлось выступить по делийскому радио. В выступлении я кратко коснулся вопроса о необходимости углубленного изучения темы: «Природа в произведениях Абая», которая, на мой взгляд, остается все еще нетронутой целиной, требующей специального глубокого анализа, литературоведческих исследований. Приступив к данным «путевым заметкам», я не ставил задачи раскрытия этого малоизученного направления. Эти всего лишь дорожные впечатления, приоткрывающие дверь в «Поэтический Храм Природы» «Степного Гомера».

Об Абае написаны горы критической и исследовательской литературы. Многие абаеведы построили и себе памятники в округе его «Храма литературы», но тема природы все еще ждет своего пахаря. И, несомненно, что со временем она будет изучена основательно с привязкой к конкретному окружению его, на его же земле, и сделано это будет специалистами-литературоведами. Надо надеяться, что будут сделаны достойные выводы, отражающие полнее всю поэтическую и философскую многогранность великого земляка.

К сказанному остается лишь добавить, что несмотря на все гонения и даже преследования, прямую вражду и нелюбовь некоторых своих соплеменников, которые испытал Абай, плюс к этому недоверие к нему со стороны властей, судьба к нему все-таки проявила великую благосклонность: он был не только современником, но и связан тесной дружбой с такими видными

русскими интеллигентами, революционерами семидесятых и восьмидесятых XIX века, как Евгений Михаэлис, Нифонт Долгополов и Северин Гросс,.. сосланными в те годы в Семипалатинск. Дружба эта была крепкой и они, как известно, не только у себя принимали Абая, но и сами приезжали в гости к нему, бывали на его джайляу, наслаждаясь прелестями летней кочевой жизни. Друзья помогали ему, как могли, способствовали его самообразованию, и много чего сами почерпнули от Абая.

Знакомство Абая и Михаэлиса произошло в Семипалатинской общественной библиотеке. Е.П. Михаэлис – человек исторических времен, бурных, так или иначе был знаком и дружил со многими передовыми людьми своего времени, революционерами-народовольцами, поддерживая живую связь с ними, и находился в курсе всех политических событий того времени. В этой плеяде был и Н.А. Некрасов, способный предугадывать и чувствовать веление времени. Передовые статьи, ставшие классикой русской литературы, публиковались в журналах, редактором которых был сам Н.А. Некрасов. Там печатались Белинский и Добролюбов, Достоевский и Толстой, Тургенев и Салтыков-Щедрин, Чернышевский и Островский... Благодаря им русская литература была поднята на недостижимую высоту. В этот круг, как рыцарь своего времени, входил также Е.П. Михаэлис. Общение с передовыми писателями и революционно настроенной творческой интеллигенцией, изучение их творчества оказали самое плодотворное влияние на общий кругозор и поэзию нашего великого земляка.

Но главное влияние на Абая оказывал самый близкий его друг Евгений Петрович Михаэлис. Первая встреча их состоялась в 1870 г. в библиотеке имени Гоголя. Между Абаем и революционером-демократом 60-х годов завязалась крепкая дружба, оказавшая впоследствии положительное влияние на русско-казахскую интеллигенцию этого края. В дальнейшем в круг друзей Абая в Семипалатинске вошли Александр Блек, Павел Лобановский, Николай Коншин... Но так случилось, что после обыска царской охранкой дома Абая прямо у него в ауле всех его друзей выслали из Семипалатинска в отдаленные уезды. И несмотря на

все это Абай находил много нового для себя, изучая русских классиков, и тут же переводил на родной язык, приобщая к ней своих соплеменников. Только через книги и друзей, через духовного лидера, которым Абай был признан почти с молодости, замкнутая до некоторой степени жизнь кочевого народа Великой Степи приобщалась к достижениям мирового искусства.

Но несмотря на сложности времени, когда явно проявлялась вражда между простыми людьми и теми, кто был ближе к власти, дружба между передовыми людьми, в числе которых был Абай, не только сохранялась, но и закаляла их, становилась еще крепче. Например, по воспоминаниям Б. Герасимова Абай «гостил в Семипалатинске с декабря по март, проводя все вечера в беседе с Михаэлисом». Однажды при прощании Евгений Петрович сказал ему: «У вас, у казахов, слишком мало образованных людей... А для того, чтобы разобраться, где правда, а где обман, нужно много знать, только тогда вы будете полезны своему народу. Русские книги вам в этом сильно помогут... А я с удовольствием буду вашим, так сказать, советником...».

«Михаэлис открыл мне глаза на мир»

Абай.

Евгений Петрович Михаэлис – самый близкий друг Абая. В жизни поэта он сыграл немаловажную роль, влияя на его мировоззрение как борца за справедливость, за судьбу простого народа. Как личность незаурядная, Михаэлис оставил после себя различные научные труды, открытия в области геологии, географии, изобретения... Н.В. Шелгунов о нем писал: «Пылкий, умный и смелый...».

В 1882 году после 13 лет ссылки он выбирает Усть-Каменогорск и переезжает туда из Семипалатинска. Здесь он развивает еще более бурную научную и общественную деятельность: в 1885 году первый составляет геологические карты Усть-Каменогорского уезда, изучает ледниковые образования на Русском Алтае, исследуя, в частности, район Катунских Альп или «бел-

ков». Он побывал на Белой и Черной Берели, на Рахмановских ключах... Такие же исследования проводит в Тарбагатае.

На Южном Алтае собирает материал еще совершенно неизученной фауны моллюсков.

Неуемный, наделенный недюжиной силой, энергией, он сам строит большую лодку и отправляется на ней по Иртышу к озеру Зайсан и выше. Цель его путешествия – наладить пароходство по Черному Иртышу. На основании материалов этой экспедиции он впоследствии составил подробную карту.

Дружил с ним и использовал его сведения известный томский профессор – ботаник и путешественник В.В. Сапожников. Вот его впечатления от встречи с Михаэлисом: «...одним из тех самоцветов, которые вправлены в безнадежную серую раму нашего захолустья; тем праведником, ради которых Бог щадит унылые города».

В 1889 году, находясь в кругу таких политических ссыльных, как О.Ф. Костюрин, Н. Федоров, при участии таких передовых людей того времени, как Г.А. Вистениус, А.К. Галимонт, Д.Г. Панкратьев и ряда других, берутся за озеленение города. При их непосредственном участии были заложены парки им. Джамбула и Кирова. Старые тополя и клены, которые были посажены этими людьми, к сожалению, в последние два года почти вырублены. Если придерживаться такого подхода, как это ведется в нашем городе, давно следовало вырубить посадки в Алматы, давно пора уничтожить Баумскую рощу и сто или двести лет назад срубить бы следовало четырехсотлетнюю липу в Киеве, под которой отдыхал Богдан Хмельницкий. Не место в Сайробе на юге Узбекистана для двух дуплистых платанов, которые простояли не менее полутысячи лет. Таких примеров множество...

В 1911 году сначала он изучает Семипалатинские пески и меры их закрепления в связи с наступлением их на город, затем принимает участие в создании зеленых насаждений около города.

Этой же группой передовых людей начато было строительство в нашем городе дамбы от наводнений, которые были регулярными до 1952 года, до постройки Усть-Каменогорской ГЭС.

Михаэлис – инициатор пчеловодства на Алтае. Он сконструировал воздухоплавательную модель, прообраз аэроплана, которая оказалась способной взлететь.

На этом ученый не останавливается: он исследует геологическое строение Калбы, изучая золотоносные месторождения.

В пятидесятые годы в Усть-Каменогорск приезжал академик Каныш Сатпаев, он попросил показать могилу Михаэлиса, которого глубоко уважал, и возложил на нее венок.

В честь Евгения Петровича названы улицы в Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

Жизнь Абая, как уже сказано, складывалась не просто, более того родовое окружение не всегда принимало и не хотело понимать его. Временами против него велась открытая травля, вплоть до более суровых мер. Передовой мыслитель казахского народа, на много десятилетий опередивший свою эпоху, не угоден был прежде всего власть имущим, с которыми был связан через своего отца Кунанбая. Из-за боязни влияния его на народ удалили подальше от него таких влиятельных и передовых друзей-единомышленников, как, например, Долгополов, Гросс... они были высланы из Семипалатинска.

Известно, что после переезда Михаэлиса в Усть-Каменогорск Абай потом сам приезжал к нему. Вот как вспоминает дочь Евгения Петровича Валентина Евгеньевна: «...В 1893 году Абай приезжал в Усть-Каменогорск к отцу погостить. Друзья не расставались несколько дней, поистине замечательный человек ласкал меня, брал на руки. Впоследствии, когда я подросла, отец рассказывал мне об Абае как о талантливом своем друге».

Но мир не лишен загадочности и странностей: как правило, в деяниях, направленных на искоренение чего-то, эффект, как часто бывает, срабатывает обратный, по принципу «запретный плод сладок». То же произошло и в личной жизни великого сына казахского народа: несмотря на преследования и старания царской охранки ограничить влияние Абая, усилия их оказались не только тщетными, они дали другой результат – препятствия и запреты еще больше укрепляли пламенную дружбу между вели-

кими современниками. Столь же стремительно рос их авторитет в народе.

В исторической нити жизни нашего земляка достойна внимания поразительная «деталь»: дом-музей и мавзолей Абая и Шакарима по воле Небес оказался в самом центре громадной долины Жидебай, окруженной невысокими, синееющими у горизонта, горами хребта Канчинги. Их называли и называют «горы Чингизтау». И это не все. Духовная сила поцелованного Богом человека оказалась прочнее самого времени. Прошло более полутора века, как не стало Абая, однако любовь народа к нему остается по-прежнему безграничной как к великому мудрецу и непревзойденному поэту. Душой и *сердцем* народа остался навсегда он. Абаю Кунанбаевичу же, признанному «Степным Гомером», в полной мере подходит слово, определяющее главную черту его характера, «*Смелость*».

В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЯКА

Наверное, мало среди нас тех, кто не желал бы соприкоснуться со следами истории жизни Великой степи, особенно тех мест, где родился Абай, где жили и работали его ученики-последователи. Мне также хотелось побывать в долине Жидебая, подышать воздухом этой земли.

Следуя из Усть-Каменогорска в Абайский район, нам, естественно, пришлось в лишь ничтожной степени соприкоснуться с далеким прошлым – его временем, его природным окружением на пути, который, пусть мимолетно, но Абай созерцал во время своего приезда в Усть-Каменогорск.

Зная, что Абай приезжал в наш город погостить к своему большому другу – Е.П. Михаэлису, в «Год Абая», проводимый ЮНЕСКО, одну из скалистых вершин у Усть-Каменогорска – урочище Чечек, откуда начинаются предгорья «Золотоносной Калбы», я назвал именем великого земляка – «*Вершина Абая*». От нее, как и задумано было, начался наш путь на родину Абая.

«ВЕРШИНА АБАЯ»

Невозможно определить, откуда и где начинаются те или иные горы: начинаются они там же, где и кончаются... В нашем случае это наиболее подходящее определение для места, где начинаются горы Калбинского Алтая или Калбы у Усть-Каменогорска. Это типичные для казахских степей небольшие горушки, выходящие к берегам Иртыша у нашего города. Но от них-то, собственно, и начинается наша поездка к Караулу, к Жидебаю, где были зимовки Абая и где он жил. И так, и так правильно будет считать, что начало гор находится не там, где они встают с равнин или обрываются перед ними, а там, откуда к ним подходим мы. В частности, для жителей нашего города Калба или Калбинский хребет начинается с урочища Чечек, расположенного в пяти километрах от Иртыша. Это благозвучное старинное название перевала с казахского переводится как «Цветок». Здесь у небольшой малозаметной речушки встает и начинается невысокая скальная гряда гор, обращенная к долине Иртыша. Через этот перевал исстари от Усть-Каменогорска к Таргыну, Самарке, к Кокпектам и Зайсану проходила гужевая дорога. Но все уже в предание ушло: сейчас это прекрасное асфальтированное шоссе, уводящее в глубину гор, к немногочисленным поселениям, рассыпанным среди невысоких алтайских сопок.

Названный перервал – всего лишь первая ступень на подъеме. И здесь же, у подножья, около спрятанного в щели под скалой родничка с начала прошлого века стоял небольшой «заезжий дом». На подворье его стояли лошади и коровы, около паслись гурты баранов, да еще были кролики. Они свободно бегали по степному лугу около дома, постоянно подвергая себя риску: за ними охотились лисы, волки, хорьки, которые даже еще в 50-х годах прошлого века были обычными.

Этой трассой каждую зиму в город обозы везли рыбу из Зайсана. «Обозники» обычно останавливались в заезжем доме обогреться, отдохнуть, попить чаю или переждать, пока очистят от снежных заносов дорогу. Помнятся годы, как мы с товарищами будучи еще школьниками, набегавшись по горам Чечека, охотясь за многочисленными лисами, серыми куропатками, тетеревами, зайцами, устав от сугробов, снежных наметов, тоже заходили к Акимке – хозяину этого дома, обогреться, попить чаю или просто поговорить.

Сопки Чечека не отличались ничем особенным, как и сейчас ничем особенным не отличаются они от соседних горюшек: все те же ковыли и типчак, покрывающие их склоны, по ложкам полыни и заросли караганы кустарниковой – дерезы, которую режут на веники. Но с каждой весной с приходом раннего тепла по склонам, как и прежде, зажигаются разноцветными фонариками цветки: синий прострел, известный как сон-трава, у нас же называли их всегда ветродуйками; ирисы кожистые покрывали самые оголенные каменистые склоны. Их же всегда называли романтичнее – «кукушкины слезки». Целыми букетами по горам горели пунцовые букеты цветущих пионов, потом открывались свету белые колокольчики рябчика мутовчатого и многих-многих других красиво цветущих растений. Видимо, за этот апрельский «ситец», которым укрываются горы весной, и назван был этот перевал – «Чечек»!

В тесной лошине у мало-мальской речушечки, бегущей мимо родничка, образуют живописные непроходимые заросли ивы, черемухи, насмерть опутанные хмелем. Ближе к воде долина покрыта зарослями солодки, татарской жимолости, тростника, вейников...

Тут же по крутому склону приречной сопки в тени и прохладе стояла великолепная чистого осинника роща. И снова вокруг непролазные чащобы черемухи, ивы ломкой, ежевики, тростника... А над всем этим возвышается самая высокая здесь и самая заметная скалистая вершина, о которой пойдет речь дальше.

В те же самые годы в этих горах с зарослями «таразайника», так называли местные жители кустарники по логом и сопкам, нередкими были косули, многочисленными – лисицы: за день можно было поднять их с лежек десятков и больше. По сопкам, оповещая всех и каждого об опасности, свистели живые столбики – сурки, а по скалам бегали суетливые длиннохвостые суслики. Последних называют у нас почему-то «кысочками» или «кошечками». Словом, это был прекрасный дикий уголок нашего детства, и прямо около города.

Здесь же, в распадке, по мочажинам у речушки регулярно гнездились небольшие светлокрылые хищники – луговые и степные луны, которые теперь включены в Красную книгу. Были годы, когда в соседних скалах у вершины упомянутой горы гнезда устраивали даже беркуты. Но всегда здесь были многочисленны мелкие соколки – степные и обыкновенные пустельги. По полям от предгорий до города, где раскинулся теперь рабочий поселок «КШТ» и выстроились придорожные коттеджи, с весны до середины лета, не умолкая, били перепела. На полях до самого города колосились пшеница, рожь, магар или чумиза. В отдельные годы на их местах выращивали подсолнечник, ближе к горам – бахчевые. Но еще много оставалось свободных вспаханных земель, и они зарастали густым чернобыльником, коноплей, что привлекало множество пролетной и зимующей птицы. Здесь же постоянно зимовали стаи серых куропаток, которых жители нашего края всегда называли рябчиками. Понятно, что охота здесь была всегда удачливой. Это была та самая окраина нашего города, о которой писал наш земляк, известный писатель Ефим Пермитин. Эту окраину я любил с детства.

Прошли многие годы: мне приходилось бывать в самых разных географических точках бывшей нашей великой страны и

дальнего зарубежья, а вот родины Абая до этого времени не видел. Желание побывать там долгие годы меня не покидало.

И вот ту самую скалистую гору, у родничка, источенную ветрами и дождями, с полупещерами, трещинами, я и решил в одном из методических пособий по краеведению в «Год Абая» назвать «Вершиной Абая».

С вершины открывается замечательная панорама долины Иртыша с нашим красивым, обычно потонувшем в темно-сизой дымке городом, в «атмосфере» которого торчат трубы крупных промышленных предприятий. Издали эти трубы похожи на гигантские постоянно чадящие сигары. Странно конечно, но этот самый серый войлок – так называемый «воздух» над городом, зачастую мешающий горожанам видеть звездное небо, – отсюда хорошо виден. Над Иртышом у железнодорожного моста встали рыжеватые утесы. Этими самыми утесами и заканчивается здесь Ульбинский хребет. Видны отсюда и самая высокая гора у города – гора Тарабайчиха и соседняя с ней гора Жыланды.

Стоя на вершине, нетрудно представить тот еще, старый «деревенский городок», как назвал его наш писатель В.М. Шапко, с серыми рубленными домами, избышками на стрелке Иртыша и Ульбы. Над всем городом в то время возвышались Успенский собор и колокольня городской «пожарки». Сейчас помещение ее лишь частично сохранилось на территории областного акимата. Неподалеку на Соляной улице у Иртыша в 1898 году и был в гостях у Михаэлиса Абай.

Главное в этом мимолетном обозрении – Прииртышская долина, уходящая по реке вниз. Этой долиной проходит автотрасса на Семипалатинск. По ней же в XVIII веке проезжали многие известные путешественники – географы, биологи... Несомненно, что этой же долиной подъезжал к городу и Абай. На чем он приезжал? На пароходе? На санях зимой? Неизвестно...

ВДОЛЬ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Из Усть-Каменогорска асфальтированное шоссе левым берегом уходит вниз вдоль Иртыша. По ней мы и отправились на родину

акына-поэта – в Караул. Время – поздняя осень: стояли последние дни октября, которые принято называть поздним предзимьем.

По левую сторону от дороги вставали, разбегались и исчезали, словно играющие в прятки, небольшие холмы. Перезревшие, утратившие свежесть осенние травы придавали всей местности омраченную хмурым небом глубокую задумчивость. Справа от дороги долина у реки прогибалась, заметно понижалась, и степь сливалась с поседевшими уже тополевыми рощами поймы. Сквозь них время от времени проблескивали свинцовые зеркала вод. Пойма в этих местах довольно широкая. Иртыш же, оставив теснины гор, что выше Усть-Каменогорска, вырывался на простор, наслаждаясь привольем и ширью степей и обретая покой и сытый, ленивый лоск. Местами русло расплеталось на протоки, образуя многочисленные острова и островки с остроклювыми косами, устремленными против течения.

Вглядываюсь в дали, в приречную долину, в пепельно-серые рощи... Хочется представить все это более ста лет назад: на что же мог обратить внимание Абай? Уверен в одном лишь: мысли мудрого человека, духовного лидера своего народа были невеселыми по причине того, что жил он в «невеселое» для него время. Это состояние постоянно превалировало в его настроении в течение всей зрелой жизни. И снова вопрос: плыл ли пароходом, с борта оглядывая берега, на телеге ли, слушая скрип шатких колес,.. может, верхом, подбадривая камчой ход коня, или же зимой на санях, запахнувшись покрепче в овчинный тулуп? Как бы это ни было, в любом случае картины эти же, мало с тех пор изменившиеся, шли чередой перед его вдумчивым взором, оставляя небольшой, но все-таки след в чуткой его душе. Абай ехал в город, предвкушая встречу с другом, по этой же дороге возвращался под впечатлением после встречи с Михаэлисом. Это значит, что на этом пути он переживал ожидание последней их встречи и также горечь ставшей последней разлуки... Все понятно: когда не стало друзей в Семипалатинске, он еще болезненное ощущал свое духовное одиночество. Эти серые, унылые степи как ничто другое, как казалось мне, отражали его настроение, внутреннее состояние оторванности от близких людей:

Ни друзей у меня, ни любимых нет.

Я устало пою на исходе лет...

Абай, 1886.

И еще:

Я ищу эту дружбу – нет никого.

Кровью сердца зову – повсюду мертво.

Я приятелей тьму обрел без труда,

Но любимого друга – ни одного!

Абай, 1886.

КАЖДЫЙ О СВОЕМ...

На пороге ноябрь... Сбросив летний камуфляж листвы, батальоны тополей сиротливо толпились, с трудом скрывая гибкую плеть Иртыша. Сквозь серые их рощи виднелись частые старые села. В те давние годы здесь еще нигде не практиковались придорожные лесонасаждения. Теперь же по обеим сторонам тянулись нескончаемые гряды неряшливых постаревших тополей, кленов и вязов... На корявых стволах, на ветвях, утратившие признаки жизни за многие десятки лет с такими же ветреными днями, с морозными зимами, теперь сгустками, ржавыми мотками темнели гнезда отлетевших уже к «югам» грачей. И чем стремительнее мчался наш «джип», словно сорвавшийся с привязи скакун, тем чаще выныривали на пути все те же ували-

стые холмы и горушки, так типичные для предгорного пояса Калбы.

В калейдоскопе этих унылых холмов и равнин столь же удручающе смотрелся другой берег Иртыша: голые берега сменяли голые гряды серых невысоких гор. За одной из таких гряд показалось село Предгорное. Название оно получило, по-видимому, из-за серой, лишенной какой-либо растительности, горы, под которой ютятся жилые постройки. Громадным, тяжеленным камнем наваливалась тоска от всего увиденного на этом участке пути. Тяжесть ее давила: она стояла над уснувшей, почерневшей от первых заморозков, далью, свивала свое серое гнездо где-то в глубине сердца... Лучше смотреть на пойму с ее тополями, селениями, протоками и островами...

И подумалось еще: удачно, все-таки, назван журнал «Иртыш». А он, Иртыш, настоящий, древний, живой и могучий, вскипал под напором неустанного ветра, пульсировал и бился серебристой жилкой, – один из немногих в могучем ветвлении рек Старого Света.

Трудно представить, что когда-то здесь, по степям и долинам, веками и тысячелетиями кипели страсти кочевого народа – воинов, скотоводов, рудоизнателей...

Велико и прекрасно оно – Прииртышье! И страшно представить: а не было б здесь реки? Лежала бы от горизонта до горизонта сухая, безводная степь с каменистыми сопками, какие рассыпаны по всей Великой Сары-Арка, а она тянется и властвует от Каспия и Арала до самых предгорий Алтая, до самых Западно-Сибирских равнин. И тогда в безводной степи вместо славного Прииртышья доставало б сюда желтое свиное крыло необъятных и сухих степей казахстанского мелкосопочника.

Без журнала можно, а без Иртыша?..

Иртыш был и остается главной, животворной артерией на этой земле на все времена. Вон сколько около него сел, старинных и построенных за советские годы. И всюду тучные поля со стогами, пашни, луга да выпасы...

Мои спутники также вглядывались в осеннюю даль...

О чем же думал Абай, – размышлял я, – когда он проезжал по этим местам...

ОКТЯБРЬ – ВРЕМЯ ПОЭТОВ

Люблю осень свою. Нет, ни пушкинскую, ни пришвинскую,.. а в какую влюбился с детства. В конце октября – пора особенная, глубоко лиричная...

*Потянулись на юг косяки журавлей,
Люди едут за хлебом с кочевки своей,
По аулам – уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит все слышней. Все слышней.*
«Осень». Абай, 1889.

«Унылое» время, как говорит Абай, то самое, когда природа бесстыдно обнажается и становится, как женщина, – совершенно незащищенная. А ведь совсем недавно залитые зеленью и пестро-разноцветные дали обратились теперь в монотонную, перзревшую ниву. Поднявшие головы с далеких равнин горы тоже стоят безмолвные, словно предались глубоким раздумьям. Но без усталости и печали, без отдыха на все голоса и мотивы поют над степью разудалые ветры.

Глядя на просторы, «видится» мне далекое прошлое: не в весенней, праздничной степи, а в такой вот – осенней, погружен-

ной в печаль сезонной поре. В помутневшей от серых туч и степной пыли даль тонула и меркла... Время осени, наиболее подходящее и выразительное, приоткрывающее одну из страниц душевных переживаний поэта:

*Тучи серы, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок...*

Разные, порой противоречивые ассоциации складываются, когда перед глазами плывет поздняя осенняя степь. Представляя эти полыннные дали в ушедшем столетии, сквозь туманную дымку времени также «видел» краски, которыми рисовал свою степь Абай. В произведениях его, как ни странно, но тоже много осени, талантливо окропленной философской лирикой:

*Ноябрь – преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Абай, 1888.*

Наша постоянная теперь попутчица – типчаковая степь с отдельными пучками чия по сторонам. А вдалеке по-прежнему свинцовые воды катит Иртыш. Он скрывается за степными уступами, прячется за тальниками, за тополями, блеснет, сверкнет серыми, небесными красками меж седых тополей и снова куда-то исчезнет. То вдруг, испугавшись словно чего-то, умчится дальше еще – к противоположному каменистому берегу.

Но вот железное сердце «джи́па», которым с необыкновенной легкостью управляет наш водитель, снова мчит с нами около реки. А Иртыш уже вновь расплетается на ленты протоков с галечниками, с тальниками...

Но навязчив вопрос мой: «На чем же ехал, каким транспортом добирался Абай до Усть-Каменогорска?».

Никто не знает этого, кроме степи и этих береговых скал... Кто знает, может быть, все это время об этом рассказывают нам ветры, что рвут и терзают за окнами серую даль, но языка их, к сожалению, не понимаю.

Поздняя осень – не только время унылых пейзажных картин, не только сезон студеной, порывистых ветров, это еще и время беспокойных по жизни поэтов. Обычно осенью и весной, как в

половодье, сердца романтиков переполняются творческим настроением. Настоящему поэту стоит лишь обмакнуть перо в собственную душу, и на чистый лист бумаги ляжет звонкая и чистая, как льдинка, строка. «Если поездка нашего великого земляка проходила осенью, то чувство это, естественно, коснулось чуткой его души и острого взгляда. Да, осень не только время серых ветров, сошедших с ума, бушующих в осеннем загуле, осень еще и время лириков. Абай был именно таким, он все это видел. В руках у меня томик его стихов:

*Настроение осенней степи –
В поле ветер машет гривой,
Оседлай и догони.*

Абай, 1896.

Волнуется и бушует неугомонная ковыльная даль. Ветры сотрясают машину, кружат и свистят над нами зловещими птицами. Степь же сама тоже серой птицей летела навстречу к зиме.

На спидометре за сто... И трудно понять: то ли ветер, летящий навстречу, гудит и свистит, то ли гонится он следом за нами. Кажется, что он хочет догнать и шепнуть что-то такое, о чем не догадываемся. И куда бы ни глянул – от горизонта до горизонта бегут и бегут травы. Они кланяются господину ветру, касаясь макушками самой земли.

В прежние времена степь измерялась от кочевья до кочевья, от аула до аула, по однодневному переходу отары. Мы же следим за цифрами на «километровых» столбах, ориентируемся по спидометру и селам с названиями на щитах. Позади череда Прииртышских селений – Отрадное, Предгорное, Макеевка...

СНОВА РАЗДУМЬЯ...

К дороге, как на смотрины, спешили сопки, оторвавшиеся от громадной гряды Калбинских гор. И чем ближе к дороге были они, тем стремительнее подрастали, и вот уже, совсем осмелев, встали во весь рост у обочины, очерчивая тупыми вершинами чуть задымленный пыльный горизонт.

Оглядываюсь и вспоминаю: вон на той стороне Иртыша находятся давно известные Прииртышские могильники древних кочевников. И с этого берега места давних захоронений видны. У села Зевакино в 70-х годах минувшего века велись раскопки, которые раскрыли далекое прошлое этой земли. Они рассказали о временах, когда долины и степи отражали топот летящих коней, звон и жужжание стрел, гиканье всадников, не знающих ни к кому ни жалости, ни пощады. Из века в век приходили на эти земли все новые кочевые племена и каждый раз победители вытесняли прежних... Но время беспощадно ко всему: века и годы рассеяли вновь пришедших... Оставив для нас свои загадки. И снова новые столетья, и снова «проклятая» кипящая кровь азиатского кочевника, не дающая покоя, побуждала к новым походам... Было все! Было время, когда неисчислимые орды воинов, подобно стаям кочующей саранчи, устремлялись в новые неизведанные края, над которыми остановилась Звезда Севера.

История, традиции древних народов Центральной Азии, пожалуй, не сравнимы с историей других народов, творящих свой мир, свой уклад на других континентах, в других частях света. И только Великая наша Азия тысячелетиями и веками переживала самые кипучие страсти и потрясения. Знала она годы угасания и гибели целых цивилизаций. Но каждый раз снова и снова, как птица Феникс, возрождала все новые и новые волны жизни,

подгоняя воинствующие кочевые народы, продолжавших ее историю.

Многое, что связано с прошлым этой земли, исчезло, казалось бы, навсегда и сгинуло во мраке и глубинах вечного. Все, казалось бы, уже прошлое предано неотвратимому забвению. Но так, видно, устроен мир наш: на дно чаши истории кипящих страстей выпадали и оседали кристаллы, хранящие память о былых культурах. Только она, культура, превосходит и переживает в этом мире все – силу и мощь великих сражений, это она оживляет славу царей и владык, прах которых обращен в тлен, развеян, расщеплен до молекул... Часто малый осколок сосуда, наконечник стрелы, петроглифы, фигурки зверей, человека способны воскресить сокрытое толщей времени и подземных глубин очень далекое прошлое. Благодаря таким вот могильникам и курганам герои ушедших времен «возвращаются снова к жизни»: они говорят и рассказывают о себе, и мы их теперь слышим. И как все это не парадоксально звучит, но все так и есть. Не парадокс ли, что мрак подземелья сохранил и «оживил» свет древних костров, разбудил боль оставленных пепелищ и теперь обреченные на вечное молчание курганы оказались самыми «болтливými», а «голоса» их – более живые и красноречивые, чем песни самого Орфея. Найденные при раскопках предметы рассказали о битвах, о боевых конях, о воинах и покоренных. Потомки кочевых народов, племен должны поставить самый лучший из лучших памятников на земле боевым коням, друзьям своим и помощникам. Благодаря им, коням, без усилий и напряжения научился кочевник преодолевать великие степные просторы, которые измерялись числом кочевий и количеством сражений. Поэтому рассыпанные по степям и долинам Заиртышья курганы, оставленные теми, кто жил здесь сотни и тысячи лет назад, делятся с нами, поколением XX-XXI веков, волнующими тайнами так волнующего нас прошлого. Там же, из Зевакинских захоронений археологи извлекли разную утварь. Найден, например, медный кувшинообразный сосуд с изображениями сидящих в беседе мужчин с поджатыми под себя ногами, как это ведется у степняков. На другой стороне – крупная птица, скорее – дрофа. Почему и нет? Даже в абаевские времена по этим самым степям громадными стадами

бродили замечательные птицы. Другое дело наше время: не осталось уже старожиллов, которые помнили бы о них.

И пока внимание мое было направлено на тот самый берег, у дороги уже по увалам ошетинились гранитными скалами другие побежавшие сопки. Бег этот напоминает смену поколений, когда взамен ушедшему приходит свежее, другое. Показалась вершина самой большой, «Острой» сопки, что ближе всех к Иртышу. Скалы ее, как ожившие скульптуры, удалялись прямо к реке и на той стороне они выходили сказочными богатырями – там, у села Зевакино. Около села вздыбилась угластая сопка с обрывами скал, лишенная какой-либо древесной растительности. Встала крутым обрывом над самым берегом. Ближний к горе рукав Иртыша, услужливо обогнув скалистую сопку, свинцовой петлей опоясал ее и углубился снова дальше в степь. Пойма Иртыша здесь вся в густых зарослях деревьев, кустарников... Место это не только красивое со стороны, но и удобное: здесь через Иртыш издавна налажена паромная переправа.

Прошлое этого края, как говорилось, насыщено событиями, и каждое село, каждая скала с петроглифами, которых здесь немало, хранят много тайного, оставленного древними художниками.

За окнами машины, обгоняя ветер, по-прежнему кружила осенняя даль и насколько хватало глаз, на все стороны были поля и пашни... Давно земля эта избрана и обжита.

Позади более пятидесяти километров. Вдали по правому берегу также бугрились сопки и такие же гнались они за нами, но уже на нашей стороне. Местность тем временем повышалась и вот на пути – большое село. Название его проливает свет на давнее, связанное с переселенцами из Причерноморской Тавриды. В лихолетье тавричане искали для жизни удобные земли... Появились они здесь и навсегда поселились, покинув родные Таврические степи. Но им хотелось и в этих краях сохранить хоть что-то, что напоминало бы Родину, и назвали они село это Таврия.

За селом сразу же потянулись серые, рыжие поля, словно окропленные фигурками лошадей, отарами овец, рассыпанных по полю, будто спелые пшеничные зерна. Где скот, там пастухи

и собаки. Последние норовят обогнать и обляять и машину, и каждого.

Села всегда походят на людей: они цветущие, богатые, сырые... Несколько лет назад богатым было и это село. Теперь же поражало своей запустелостью. Окна придорожных домов смотрели глазами побитых собак, печальными глазами окон, не знающих тепла и жизни. Нечто такое же считывалось с лиц самих тавричан... Все в этом мире не вечно и жизнь устроена так, что время расцвета сменяется угасанием, депрессией и – вновь обновление, возрождение и новый расцвет. И уже не кажется, это на самом деле: пришел этот день и новый праздник стоит у каждых ворот, на каждой улице.

В дороге не всегда замечаешь, что мысли, как птицы, кем-то растревоженные, роятся и разлетаются, пропадая в осенней дали.

Знать бы хотелось: такими ли видел края эти и села Абай? Что ему думалось здесь?

Может, там, где слова его об осенних аулах, взяты, считаны с этих селений, разбросанных вдоль Иртыша...

Вырвавшись из обветшалой деревни, дорога асфальтовой серой лентой теперь устремила к северу.

ДУБАГАЛЫ

За Таврией где-то вдаль, под самыми облаками, показалась мутная громада горных вершин Дубагалы. Ближняя из них, под которой спит зеркальное озеро, статью и силуэтом удалась в царственную пирамиду Хеопса. Островерхая, крутобокая, закованная в гранит, олицетворяет и мощь, и красоту всего горного края – Калбы. К этой горе припаяна гряда других вершин, которые цепью отворачивают и уходят вдаль, где, ветвясь, сливаются с горами Ак-Тас, Кызыл-Тас, Аир-Тау... В этих горах и сейчас сохранились десяток-другой диких баранов – архаров. Только сознание того, что эти легендарные животные все еще есть, придает гордость за свой край, за его красоту. И хотелось, чтобы и будущие поколения могли сказать о том, что «в наших горах живут архары...». Но вместе с тем трудно поверить в то, что

пятьдесят лет назад, а это не так уж и большой срок, в этих горах водились горные или сибирские козлы – тау-теке. Этой гордостью нам больше не удивить наших гостей. Об этом помнят теперь только старожилы. И этот факт, это огорчающее событие должно послужить нам уроком суровой правды, связанной с нашей дикарской деятельностью, нас – нечеловеков.

Скальные громады старыми замками, монастырями, с зубастыми вершинами торчащих глыб встали над равнинами и стоят одинокими шатрами и юртами, рассыпавшись по степям, словно пристанища исчезнувших кочевий. Удивительно то, что горы появляются среди степей всегда неожиданно, как всадник или одинокое жилище чабана.

Величие особой красоты этим горам прибавляет Дубагалинское озеро, в котором своим отражением любителю гора Дубагалы.

Название этой горы загадочно: принято считать, что связано оно с жившим здесь когда-то племенем. Но это всего лишь догадка. Мы знаем, что географические названия навсегда переживают своих крестителей. Во всех старинных названиях всегда можно найти нечто, привлекающее меткостью глаза и точностью наблюдения. Если уж название есть, рой глубже: найдешь в этом какую-нибудь тайну, сокрытую в недрах времен. Не случайно же название «Калба» женского рода. Она в отличие от гор Алтая по-женски, по-своему, по-особому кокетлива: каждая гора ее и сопка не может не любоваться своим отражением в чистых озерах, как легендарный Нарцисс. Таков каприз этих гор и матери их – самой Калбы. В этом причина столь частых повсюду озер, брошенных к подножьям гордых вершин.

И вот здесь под пирамидой горы Дубагалы лежит трапециевидное озеро более двух километров длиной и шириной – вполтину. Берега в зернистых песках с блестками слюды, добавляющих солнца и света. По склонам над самой водой – отвесные скалы, заросшие густым кустарником: можжевельником, кизильником, спиреей, жимолостью, шиповником...

Впечатление остается просто фантастическое. Что может сравниться в природе с дуэтом воды и гранитов..? Но особое очарование приходит в эти горы, к озеру в час Луны, когда «ноч-

ное солнце» плывет над вершинами с гребнистыми скалами – то рисует свои, неземные картины. Луна бывает здесь, в горных условиях, настолько чиста и громадна, что приходится невольно сравнивать ее с той, какую я видел в песках Кара-Кум, в пустыне Кызыл-Кум, близ Аральского моря. И Калбу также без Луны невозможно представить в тихие летние ночи. В торжественный час свой светлым огнем ночное светило поджигает скалистую «пирамиду». И удивительным кажется этот мир, когда из густого мрака лунный свет выхватывает выпуклости, грани и углы скал и каменных глыб. Когда каждый камешек, листок и спящая травинка озарена зыбким волшебным сиянием. Скалы в холодном блеске источают чуть пульсирующий свет. Озеро же, озаренное огнями ночи, горит и сверкает. В этом призрачном свете все обретает неземную таинственность, и тогда вместо скал и кустов видятся странные неземные создания и чудища, имеющие самое прямое отношение к тайнам этого часа.

Время летит вместе с километрами и степь, бегущая за нами, возвращает к действительности. Под низким небом – осень: поблекшие краски, пронзительный ветер... И потому снова скука, и все так же стоят и медленно отдвигаются на задний план печальные силуэты горных вершин... Однако память упорно возвращает к черной воде Дубагалинского озера, в котором при луне тонут опрокинутые небеса усыпанные колкими блестками звезд. Небесный огонь насквозь прожигает озеро. Еще немного и, кажется, оно закипит и исчезнет. Но в памяти – снова сияющая луна, разлившаяся золотом на полусонной воде:

*Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
Абай, 1888.*

«Джип» наш летит, не теряя скорости, и с каждой секундой горы Дубагалы уплывают с той же скоростью. Опять впереди горы и степь, а память все еще не отпускает гранитную «пирамиду» и лежащее под ней озеро.

Помнится... была ночь,.. воздух стоял, насыщенный прохладой и свежестью, сырým запахом свежей рыбы. Неуловимый ветерок

дышал ароматами пахучих трав и горячих, еще не остывших камней. В такой час у озера, до краев налитого небесными огнями, повисает несмолкаемый звон кобылок, отрезвевших от хмельного зноя сверчков и цикад... В такой час сам пьешь густую горечь воздуха, настоянную на разомлевшей за день полыни. Нет, кажется, на земле столь уютного уголка, где бы так свободно дышалось, где с такой щедростью разливалась томящая красота и царил покой.

Во всем, что здесь есть, виновата земля Казахстанская!.. Виноват край!.. Вина его в том, что здесь родились Абай и Шакарим, Гребенщиков и Ауэзов, Павел Васильев, Анатолий Иванов и Оралхан Бокеев... Их слова и мысли переживут века, украшая свежестью сравнений и новизной взглядов. Их слова уже начертаны на скрижалях Евразийской культуры. И надо винить край наш, который волей Всевышнего имеет особую географическую историю, связанную с судьбами кочевавших и воинствовавших когда-то народов. Как нигде в другом месте здесь, в центрально-азиатском поясе, сокрыты несметные богатства подземных кладовых, но исключительная красота земли этой вдохновенна. Она побуждала творчество наших земляков, настезь отворяя двери, распахнув окна душевной красоты и немеркнувшего их таланта.

Дорога все не кончалась: бежали горюшки с торчащими на них, как попало, скалами. Выпирали нелепой формы валуны, похожие на булки, сундуки, на башни, сплошь устилающие склоны сопок. И вот одна из них, будто отлитая из серого гранита, вздувшимся пузырем поднялась у дороги. Из-под серой чадры ее, как у кыпчакской вдовы, глядели черные и печальные глаза, залитые пустотой. За ней вереницей стояли другие, похожие скалы, изъеденные, словно оспой, частыми ветрами. Скалы эти, как плакальщицы, сосредоточенно смотрели на густеющие грозовые тучи, в широкие пятна зарослей кустов, темнеющих по всей степи.

Плывущая даль изменчива и капризна: то она светлеет, то темнеет, морщится и беснуется, то волнуется, как побеспокоенная непогодой вода. Настроение ее передавали отовсюду бегущие за ветром травы. Но вот вокруг только ковыльные волны и уже, кажется, не едешь шаткой степью, а плывешь, врезаясь в бегущие серебристые волны.

Мелькнул сверток к поселку землепашцев Багратион. Стаи кем-то спугнутых голубей черной тучей кружили над складскими постройками зернохранилищ, видных за бетонным забором. Проскочили мостик, зависший над размытыми берегами почти пересохшей Карасу – малой степной речушки. Глядя на пересохшее русло, приходишь к мысли: нет, пожалуй, на белом свете речек скучнее ее...

Вдоль трассы бредущим стадом снова возвышаются бритоголовые горушки. На них снайперами засели и выглядывают из ковыльных волн невысокие скалы... Таковы пейзажные этюды Прииртышья. Часто, как из-под земли, неожиданно встают вдруг перелески и горы, и снова будто разливы полной воды топят бескрайние степи. Со всех сторон в белоусых ковылях тянется бесконечная ровная даль. Солнце выглянуло из-за туч и вся даль вспыхнула сединой типчака, посветлели пятна полыней и верблюжьей кошмой зарыжели массивы усохшего уже чернобыльника. Но скоро-скоро сбегаются вновь горушки, отставшие от низкой горной гряды, уходящей в неизвестную даль. Теперь степное полотно оживляет бредущее стадо пестрых коров, подгоняемых одиноким всадником. Все здесь так же, как сто и двести лет назад. Все так же, как во времена Абая... Трудно поверить в то, что в наше-то время можно еще никуда не спешить. А куда? Зачем идти, торопиться, бежать если даль все равно обгонит здесь каждого. Не трудно догадаться, что характер степняка веками складывался среди этих степей, одномерно одинаковых почти по всему Казахстану. Отсюда и песни народа, живущего здесь, столь протяжны, неторопливы, полны бескрайности и раздолья.

Вот снова скрывшееся было солнце выглянуло и вновь сквозь низкие облака светит сияющий лик, и степь в мгновение ока неузнаваемо перекрасилась. Она походила теперь на старый сырмак с размытым, подгоревшим под солнцем узором. Несомненно, подумалось, что в это время она одарила когда-то идеей создания рукотворного национального узора. Степь была расписана поэтическим узором.

Местами сквозь редкую растительность просматривалась ржавая и рыжеватая почва с пятнами солонцов. По таким же

рыжим холмам и глинистым равнинам белым бисером рассыпались кварциты. Они и доказали, что в «стародавние» времена колыхались под этим небом исчезнувшие озера, оставив после лишь цветную осевшую глину. Наступил период безводья и дали пересекли редкие и утлые речушки с пересохшими руслами. В бочажках, где повлажнее, где отстаивается дождевая вода, густеют ивняки, рогоз, степной тростник и наземные вейники:

*...Бьют с берегов молодые ключи,
Нежно и робко шуршат камыши,
Ветры не резки и не горячи.*

Абай.

По всей степи, словно крадущиеся лисы, бесшумно ползут тени от облаков. Куда ни помотришь, простор настолько однообразный, что начинает казаться – степь много просторнее и шире, чем само небо. Она, как море, скучна. В ветреную погоду она в движении. Даже в самый погожий день она способна меняться, перекрашиваться, замирать, оживать...

Там, где кончается скучная проза равнин, буйным припевом воздымаются горы и поэтичной строкой скучные дали пересекают малые речки, но степь, как скучная повесть, не кончается... И вскоре она вновь птицей взлетает на плечи нескончаемых сопкок и мягко, словно рыжая тень, сбегает в долины либо беглою пленницей крадется и прячется между скалистых сопкок нескончаемого казахского мелкосопочника.

На пути – Каиндысу. Названная речка начинается где-то далеко в горах и там на бережках ее обычны потрепанные ветрами березовые перелески с искривленными танцующими стволами:

*Словно выжжена степь. Ни тюльпанов, ни трав...
Не слышать быстроногих ребячьих орав.
Как иссохшие старцы, стоят деревья,
Листок за листком, всю красу растеряв.*

Абай, 1889.

Русло и берега речушки унылы и невзрачны... Название «Каиндысу» или «Березовка» совсем не к лицу ей в этой степи. Может, когда-то и был по ее берегам березовый наряд. Но это ее далекое

прошлое. Была она такой до нашего пришествия в этот мир. Название не надумано – была она в своем верхнем течении «Березовой»...

В убийственной одинаковости, в монотонности этих степей под пологом облаков что-то было невысказанное, неуловимое... Но что? На этот вопрос разве что ответ находим у мастера и художника слова, передавшего ее состояние и настроение, волнуемое веками душу кочевника:

Ветер пыль поднимает – над степью черно...

Осень, сыро... Но так уже заведено –

Коль очаг разожжешь, будет копать

езде,

В наших юртах теперь неуютно, темно.

Абай, 1888.

Степь – громадное пространство, «населенное» безлюдьем. Это спящее поле раздумий, край земли, где столкнулись Земля и Небо, высекая искры человеческого и великого...

СТИХИЯ, СТИХИ И ПОЭТЫ...

Наш водитель – с большим стажем. Горячий... Он постоянно поджимает на газ и стрелка спидометра блуждает между цифрами, как верстовыми столбами, за сто... Сильнее прежнего гудит и свистит за окнами ветер.

– Останови, – просит Серик, – поразмяться бы...

Остановились...

Пронизывающий ветер словно поджидал. С дикой яростью он набросился на нас. Потуже, чтобы не сдернуло, Серик натягивает на голову калбыз и, поплотнее запахнувшись в синий плащ, уходит в степь. Он долго-долго бредет ковьями, вслушиваясь в их рокот. Вглядывается в далекие сопки... Он – поэт... Когда-нибудь в стихах его зазвучит музыка ветра осенней степи.

Казахская степь словно расширяющаяся Вселенная: вширь и даль без рывков, без переходов, без усталости и границ разбегается она. Поют ковьями, шепчет что-то коротковолосый типчак, гнутся к земле порыжевшие травы. Странно: из окна «джипа» все каза-

лось таким скучным, унылым, теперь же все пело, отовсюду слышна музыка. Нет, не так уж все одиноко. Разве скучно, если поют опаленные за лето травы, и ветер в порывах движений подобен смычку, который с лихой силой трогает скрипичные струны трав. Он – музыкант и всему здесь глава и властелин.

В западинах, разных степных понижениях, где скапливаются вешние воды, травы сочнее, погуще, повыше. Нередки здесь островки тростника. Упругие стебли его, похожие на лисьи хвосты, несут рыжие султаны-метелки. Стебли их, как скелеты, стоят, нахлобучив рыжие малахаи. Ветер по ним бьет со всех сторон. И словно его пленники, все травы танцуют и гнутся, склоняясь до самой земли. У тростников свой голос, особый. А степь же пела на все голоса.

Музыка в осенней степи – томная, грустная, разудалая. Много ее настроения в поэзии Абая. Он, несомненно, также слушал эти мелодии с самого раннего детства. Не потому ли в степной стихии печальных мотивов более чем достаточно? Не потому ли так близки слова *стихия – стихи*? Не потому ли так много стихии в поэзии «Степного Гомера»?

*Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков, и детей.
Абай, 1888.*

ВДОЛЬ ПРЕЖНЕГО ИРТЫША

Степь то и дело по мере нашего движения снова и снова рыжими крыльями прикрывала Иртыш. Ближе к Семипалатинску на скучных пейзажных холстах проявлялись лесистые, с обрывками, синеющие воды реки. Дальше по правому берегу сразу за поймой темно-лиловой грядой от горизонта до горизонта потянулся сосновый бор:

*Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.
Абай, 1888.*

Река, острова, протоки, пристани имеют здесь свою историю. Есть здесь место и «человеческой» страничке, связанной с первыми пароходами, с «капитанами-первопроходцами». Был «миг» – и многое здесь навсегда изменилось. Было лето, были день и час, когда под удар колокола сработала точка отсчета. А было это в 1863 году: вековую тишину над Иртышом вспугнул навсегда гудок первого парохода...

Судоходство по Верхнему Иртышу к Зайсану, к границам Китая обещало в то время России выгодные торговые отношения. Начало пароходству было положено с экспедиции на пароходе «Ура», снаряженной купцом Г.Б. Беренсом, при поддержке и по инициативе семипалатинского губернатора И.Ф. Бабкова. Руководил экспедицией бывший моряк, полковник Н.И. Зрехов. Среди этих спящих берегов мимо «лилового» бора прошли они вверх. Затянулась экспедиция на целых четыре месяца. За это время пароход прошел от Омска до Черного Иртыша и китайского пикета Маниту-Гатул. Так впервые было доказано – пароходство по Иртышу возможно!

Спустя 8 лет, в 1872 году, с этой же целью, этими местами к озеру Зайсан отправился пароход «Хрущев», спонсированный купцом Колчиным. В 1898 году на пароходе «Зайсан» под началом П. Аминова и известного путешественника и ботаника, профессора Томского университета В. В. Сапожникова прошла еще одна экспедиция. Поэтому не исключено, что Абай до города также плыл на пароходе, так как уже в последние годы его жизни по Иртышу из Сибири, а также от Семипалатинска до Усть-Каменогорска и на Зайсан прошло более сотни пароходов.

Иртыш не всегда таким был, каким знаем его теперь. Он местами был проходимым. Пришлось кое-что менять в его характере: путейцы для углубления фарватера под водой в скалистых гребнях и грядах проббили проходы длиной 21 км. Если учесть технические возможности того времени, работа была не очень простая...

Может быть, странно звучит, но и в наш век, в век больших скоростей хотелось бы также проплыть Иртышем не на ракете или быстрходном катере, а на простеньком пузатеньком пых-

тящем парходике, щедро смердящим смоляным дымком и подающим тревожные гудки у излучин и перед каждой пристанью.

С постройкой Шульбинской плотины первозданный береговой пейзаж на протяжении 70 км изменился до неузнаваемости: берега подтоплены, исчезли острова, затонули тополевые рощи... В образовавшемся водохранилище вода основательно в летнее время прогревается, «зацветает». Хорошо стало только околородным и водоплавающим птицам: во время сезонных пролетов останавливаются они на отдых и кормежку. Стали обычными здесь речные и нырковые утки-кряквы, шилохвости, атайки, также лысухи, крохали, чайки, крачки, цапли... Для речников удобно, хорошо и озерным лягушкам, но вот беда: новые берега утратили то, что принято было называть когда-то Иртышом. Прежнего его больше нет.

«РЕЛИКТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО»

*Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.*

Абай, 1887.

«Как в воду смотрел» поэт, сказав эти слова. Они как никогда связаны с дальнейшей судьбой бора, доставшегося поколению конца XX и начала XXI века. Но об этом потом...

Темную ленту боров, что тянется за Иртышом, не назовешь по-другому, кроме как реликтовое пространство. Оно начинается от слияния Убы с Иртышом, от предгорий Алтая, и в прошлом беспрерывным массивом доходило до Уральских гор, также сливалось с лесами Западной Сибири, достигая могучей Оби. По определению ученых Прииртышский бор принято считать реликтовым, относящимся к борам плейстоценовой эпохи. Это значит, что возраст его без малого не менее двух с половиной-трех с половиной миллионов лет, в который входит и наше время четвертичного периода. В допотопные времена климат средних широт планеты, резко меняясь, вошел в фазу похолодания, сопровождавшегося обширными континентальными оледенениями. В этот период как вид эволюционирует человек. О, если б удалось расшифровать и озвучить код истории бора, мы услышали б настоящий первозданный рекем ушедших времен. Современный же облик леса, если смотреть издали, сравним разве что с темно-синим, даже лиловым отвердевшим пластом, источающим забытье и дремучесть.

Был в истории этих лесов расцвет, и они успешно переживали периоды завоеваний континентального пространства. И вот наступили староцарские времена, а с ними все изменилось: пришла другая «эпоха», озаменованная началом строительства Демидовских металлургических заводов. Развитие промышленности, стремительный рост населения повлекли вырубку лесов. Особенно пострадали они за 150-200 последних лет.

Уникальные ленточные леса поражают чистотой и покоем, контрастом зелени пышных крон и золотом стройных стволов. Боры обладают необыкновенной притягательной силой, знаменующей красоту этой земли.

Жившие в прошлом тысячелетии поэты воспели красоту этих лесов. Имя им – Великие. Они – наши земляки, и один из них – Абай:

*Не разберешь. Остистая трава
До будущей весны полужива.
Согбенные бредут на горизонте,
Как древние старухи, деревья.
Абай, 1888.*

Боры Прииртышья – места грибные, едут сюда грибники со всех концов нашей области. Каждому любителю «третьей» охоты бор отдает свое богатство и щедро, и сполна...

В сравнение с сосной не идут никакие другие деревья. Совершенная в красоте и жизнеспособности, занимает разные неудобные земли – глины, пустыни, голые граниты... Обычна она в компаниях смешанного леса и прекрасно чувствует себя даже в неудобьях мрачной тайги. Ее встретить можно в степи, а на болотах – так на болотах... Как не удивляться: она – в знойных пустынях, и вот – на болотах. Словом, она там, где не могут выжить другие деревья, а ей лишь бы побольше солнца.

Воздух в сосновых лесах всегда «пересолен» фитонцидами и потому боры играют неопределимую роль в лечении дыхательных путей. В них строят профилактории, санатории... Сами по себе боры относятся к категории светло-хвойных лесов. Обычно там, где поселились только сосны, следом за ними, как за пионерами, идут и наступают отряды берез, тополей, осины, разных кустарников и трав...

Одиночные сосны, не стесненные себе подобным окружением, всегда раскидисты. Шатры золотистых крон их сказочно красивы. Нередко можно встретить битые невзгодами и временем деревья. Ветви, как руки у старого ревматика, узловаты, причудливо скрючены и всегда страдальчески обращены к солнцу, и только к солнцу. Сосны всегда отличаются от других лесных обитателей непредсказуемостью строгости и печали... Они то веселы и беспечны, то осторожны, как птицы, вспугни – и улетят, упорхнут на другую планету.

На завоевания соснами древнего пространства в Прииртышье ушли миллионы лет. Стоять бы этим борам еще миллионы и миллионы лет, но уникальное реликтовое пространство тает на глазах: идет бесконтрольное, бездумное истребление. Если еще пройдет таких же лет десять, бор окажется в глубоком неизлечимом трансе. Поэтому можно сказать: сегодня сосновый бор находится в стадии «вымирания».

Животный мир сосновых лесов не блещет роскошью и богатством. И хотя боры чисты, светлы, они всегда бедны и безголосы... Состав птиц и зверей в них не богат и ограничивается малым числом видов. Это – дятлы, синицы, пеночки... В Иртышских борах почти исчезли водившиеся прежде и поступавшие на рынки глухари и рябчики. Редкими совсем стали многие звери. Самым главным украшением соснового бора является крупная белка-телеутка, которая в сравнении с таежной – настоящая красавица.

На пороге нашего времени зреют новые беды: их несут пустыни, окружающие старинный и прекрасный на Иртыше город Семипалатинск. Агрессивность песков оценил в свое время лучший друг Абая Е.П. Михаэлис. В 1911 году он предложил борьбу против наступающих на город песков: произвести посадку сосновых лесов между Иртышом и городом. Так была создана у города зеленая зона. И странно, что есть и созидатели, и разрушители. Девиз последних: только для себя, а после нас «пусть все оно пропадет пропадом». С каждым днем и часом проблема реликтового бора усугубляется: как сохранить от нового поколения, жаждущего рубок, плодящего пожары, не желающего понимать исторического преступления? Кто-то должен же воспевать красоту родной земли, гордиться ей, как это делал Абай. Кто-то должен вслушиваться в ритмичное дыхание бора, в ямбический шум сосен на осеннем ветру, слушать глухарей на весеннем рассвете... Неужели больше это никогда не повторится?

Такие мысли сами лезут в голову, когда за Иртышом проплывает темно-синее «реликтовое пространство». И снова вспоминаются слова Абая, обращенные к соплеменникам, равно и к каждому из нас, и к каждому дереву: *«Все жаждут жить спокойно и привольно»*. В покое и приволье жить должны и те, кто будет после нас. Эти слова – ко всем. Мы сами должны заботиться о будущем нашей земли.

СТЕПЕЙ ДЫХАНИЕ – ТУЗУН

Вездесущие руки ветра перебирали травы, упруго давили в окна «джила». Но мы уже привыкли, не замечаем, и будто это не пронизывающий ветер, а лишь резвящийся воздух. По сторонам время от времени белеют, как снег, белые осколки кварцитов. Местами они словно кем-то собраны в небольшие груды. Белизна камней оживляет серую, ненастную степь. Но что это? Воздух темнеет, на небе ни облака, а солнце, кажется, прикрыла громадная туча. Но причина ясна: над степью поднялась сплошная «дымовая завеса». Тонкая рыжеватая пыль поглотила даль и погасила солнце. Пропало из виду небольшое село, только что появившееся в стороне, исчез гурт пестрых коров, тянувшийся вдоль дороги.

– Что это?

– Ветры с Джунгарских ворот прорвались, – отвечает Серик, – со стороны Жангиз-Тобе, нашем самом ветреном месте, да и во всем Казахстане. Здесь у них свои проложены коридоры среди гор... – показал он на скалистые гряды. – Эти ветры называются тузун, – пояснил он.

И действительно, со стороны Калбинских гор в направлении Иртыша тянулись цепи параллельных каменистых гор, между которыми были долинные проходы.

Поднявший тучи пыли ветер напоминал песчаные солончаковые пустыни Средней Азии, когда с юга, как каприз осени, приходит нередко «афганец».

Ветер пыль поднимает – над степью черно.

Осень, сыро... Но так уж заведено –

Коль очаг разожжешь, будет копоть

везде,

В наших юртах теперь неуютно, темно.

«Осень». Абай, 1888.

Время от времени то там, то там поднимались пыльные тучи, застилающие даль: туманилось солнце, мутнел воздух... Все говорило, что приближаемся к песчаному городу на Иртыше.

ГОРОД НА ИРТЫШЕ

Мы были свидетелями восставших над степью двух или трех пылевых завес. Рыжие «фейерверки» песка и пыли поднимались и оседали у окраин Семипалатинска. Ветер не сбавлял напора – неумный, холодный.словно кто-то, вооруженный метлой, поднимал и закручивал над городом песчаные вихри. Песок тут же оседал. В приоткрытое окно «джи́па» тоже попадал и тонко хрустел на зубах.

Мы катим уже коридорами улиц между многоэтажных зданий, но все под пологом рыжих «облаков». Перед нами через асфальтированное шоссе, мелькая перед шуршащими колесами, бежали-прыгали шары перекати-поля, похожие на странных рыжих зверей. Они сбивались у кучи и застревали у обочин. Но все новые и новые растения-путешественники, не боясь транспорта, забегали на улицы с окрестных степей. Видеть такое удается не часто – какая-то степная экзотика в таком большом современном городе.

Эта непривычная картина и прокручивает в памяти прошлое: в XVII веке построенная на берегу Иртыша крепость Семипалатинская за последующие 60 лет по причине наводнений трижды переносилась на другое место. И только в 1776 году была от-

строена основательно. Через нее проходили водные и сухопутные торговые пути. Рост города стимулировал строительство жилых и государственных зданий: крепость Семипалатинская в 1782 году обрела статус города, а в 1854 году – областного центра. «Герб города Семипалатинска, высочайше утвержденный 23 ноября 1851 г., изображает на лазоревом поле щита золотой навьюченный верблюд и под ним – серебряная луна и пятиугольная звезда. Щит увенчан золотою городскою короною». Все это были символы безупречной синевы азиатского неба над песчаными холмами и «кораблей пустыни», исламские символы – луна, звезды, и могущество золотой короны.

В торговом центре города появилась зажиточная аристократия. По ее инициативе выросли новые здания улучшенной архитектуры с роскошной отделкой. Год от года город хорошел, формировалось свое лицо. «Он, Семипалатинск, – писал этнограф Завалишин, – очень красив, если глядеть на него из-за Иртыша, и хорошо отстроен, но город совершенно азиатский, но зато семь мечетей, из коих одна каменная Соборная с двумя минаретами, прекрасной архитектуры».

Итак, Семипалатинск по колориту – самый северный город азиатского типа. Он был тот самый, куда тринадцатилетним мальчуганом из степной глубинки приехал учиться Абай. Город на Иртыше дал жадному до знаний подростку, а потом и юноше первые знания, подарил круг друзей из числа передовой русской интеллигенции 60-80-х годов.

«ЧЕРТОВА ПЕСОЧНИЦА»

*Обучение детей – наш долг прямой.
Абай, 1885.*

О Семипалатинске, городе «отчасти русском», говорили: «Сходен он с Одессой своей ужасной песчаной пылью. Вместо кораблей – верблюды, вместо европейских негоциантов – азиатские купцы из Туркестана и Китая». Доставлялись сюда в те времена самые экзотические товары. Торговали рабами, скотом, птицей и разной сельскохозяйственной продукцией.

С пустыни, простиравшейся сразу за городом, пропитанной, прожженной насквозь солнцем, ветры несли тучи песка и пыли. Это и послужило в свое время мотивом называть город «Чертовой песочницей». Вот как писал об этом известный путешественник Григорий Потанин, посетивший его в конце XIX века: «Песчаная пустыня и степь вокруг города. И только бугры песка дальше от города становятся крупнее. Здесь нет ни красивого цветка, ни порхающей бабочки; серые колючие растения, свойственные алтайским степям, скудно покрывают почву».

Не лестно, но справедливо и о летнем зное: «И при адской семипалатинской летней температуре на солнце во время жары мы, случалось, пекли яйца в песке – так было жарко».

Естественно, не это было главным в прошлой жизни азиатского славного города. Много в истории его было эпохального и судьбоносного. Город на Иртыше волею Небес заслуженно становился главным очагом духовной жизни степного края, его народа.

Именно сюда, на далекую степную периферию как неблагонадежные ссылались прогрессивные политические силы царского времени. Сюда же приезжал из бескрайних малоллюдных степей, с гор Чингизтау юный еще Абай. Здесь он впервые переступил порог медресе Ахмета Ризы, вкусил мученические «преlestи» изучения Корана, а потом уже увлекся науками. Абай не только ходил на занятия в медресе узкими улочками купеческого полуазиатского городка, но и открывал для себя чудесный и громадный мир знаний. Любознательный, впечатлительный, он много читал, изучал географию, философию, историю... Учился письму, заражаясь вирусом страсти к знаниям. И было время, и был день, когда под рукой его закрипело перо: побежали по бумаге первые поэтические строчки, которые долгие годы он будет скрывать даже от близких людей.

*Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии мне уступал любой.*

Абай, 1885.

В этом же городке российской окраины по воле судеб жил и работал ссыльный Достоевский Ф.М., которого потом навеки свя-

зала дружба с ученым и путешественником Чоканом Валихановым.

На рубеже XIX–начале XX веков город становится просветительной Меккой: жизнь его тесно была связана с судьбой русских интеллигентов. Но таков уж этот городок. Пройдут годы и мир узнает о великих мастерах от пера и кисти, о могучих силачах и борцах, поэтах, ученых, художниках и музыкантах... Город на Иртыше, атакуемый и в наше время песчаными бурями, остается колыбелью духовного взлета, подвижничества на казахстанской земле... Почти десять лет своей жизни провел здесь юный Абай.

ВНИМАНИЕ – СОС-НЫ!

Нельзя представить Семипалатинск без Иртыша и невозможно видеть его без кружева сосновых лесов. Убеждать в том, что бор красив, нет необходимости. Сосновый бор у города – великое достояние природы, реликтовая достопримечательность Евразийского континента и всего земного шара. Подобные леса есть еще в Канаде. Они охраняются как настоящая святыня. Однако у нас мало кто задумывается над судьбой зеленого достояния. Силы тех, кто стремится к обогащению, личной наживе, превосходят, к сожалению, возможности тех, кто борется за его сохранение. Сегодня как никогда прежде бор в опасности: «Быть или не быть?..», – так стоит вопрос. Он по нашей вине обрел статус исчезающего природного ландшафта, хотя известно, что для восстановления его способности осуществлять почвозащитную, водоохранную и водорегулирующую роль потребуется уже не менее ста лет. Но мы продолжаем рыть глубокую яму, в которую сами же и попадем. И ныне живущим поколениям уже не дожидаться, когда бор будет восстановлен. Наше поколение в 90-х годах прошлого века оказалось в вертене перестройки политической жизни и экономики Казахстана. И вот результат пока еще первого десятилетия: ленточные боры Прииртышья в результате самовольных рубок, принявших промышленный характер, и масштабных пожаров, возникающих в результате умышленных

поджогов, оказались на грани существования. Согласно статистике с 1997 года по 2002 год лесная площадь его, пройденная пожаром, составила 153 тысячи гектаров. Это значит, ущерб, нанесенный государству, исчисляется более чем в 1 млрд тенге. Подсчитано, на восстановление этих площадей леса потребуется более 120 лет. А если примем условия, согласно которым ежегодно будем высаживать молодые деревья на площадях в 12 тысяч гектаров (?), потребуется не менее 10 лет.

При существующих темпах уничтожения, если беспредел будет продолжаться, на месте уникального бора всего лишь через два десятилетия возродятся «исторические» песчаные бури. Город снова будет подвержен бесстрашной атаке наступающих барханов, как это было. А было время, когда благодаря инициативе близкого Абаю друга Е.П. Михаэлиса в начале XX века были сделаны искусственные посадки леса, который и защитил город от наступающих песков. Страшно и представить: если рукотворное бездумье будет еще продолжаться, под угрозой окажутся не только сам Семипалатинск, но и близлежащие населенные пункты, где уже возросла атмосферная запыленность. Это уже вопрос здоровья населения. Не везет этой славной земле: избавились от ядерного полигона, на пороге другая беда. Тут уж никакие спонсоры зарубежья покровительствовать не станут: «сами выжгли и вырубил, сами залечивайте свои раны».

А не хотелось бы, чтобы прекрасный город на Иртыше вновь называли «Чертовой песочницей». Но пока все идет к этому.

Освободившись от зеленого плена, пески однажды скажут свое суровое слово. Действующий сценарий: лес – человек – топор, пожары – песок, который уже прокручивала кинолента жизни в истории древних городов и цивилизаций всех континентов, повторится, но теперь у нас. Это они, пустыни, погубили старинные города в Средней Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. Но печального опыта прошлого народа древних и средних веков нам, живущим в XXI веке, недостаточно. Мы еще не привыкли к Аральскому синдрому, а уже готовим себе новые испытания. Подумать только: за лето 2003 года в бору было потушено более тысячи пожаров!?

Город, освещенный славой духовности, улицы, дома которого – библиотеки, церкви и мечети – помнят наших великих земляков, должен быть защищен от варваров XXI века.

В 2001 году было закончено строительство моста через Иртыш в Семипалатинске. Аналогов грандиозному сооружению пока нет не только в нашей Республике, но и в ближайшем зарубежье. Железный монстр виден издалека. Прежде всего в глаза бросаются металлические рамы основных опор, удерживающие пилоны, достигающие длины 90 м. Длина этого сооружения – 700 м, а общая протяженность со всеми спусками – 1100 м. Высота плотин, на которых крепятся более 100 тросов, при толщине в метр поднята на 90 м. Мост широк, с шестирядным движением. В комплекс этого незаурядного сооружения входят 5 тепловодов, 8 км автомагистралей, две кольцевые развязки... Чего и говорить, могучее творение рук человека впечатляет. Мост – обусловленная требованием времени и масштабностью движения транспорта необходимость современного города. Но несмотря на то, что эта грандиозная конструкция признана одним из лучших современных мостов, с эстетической точки зрения он не впечатляет. Он не облагораживает город своей холодной и высокомерной «фигурой», исторически сложившегося городского «ландшафта». Он не есть произведение искусства, а всего лишь достижение современной науки и техники.

Говорили, что особенно красив мост вечером, когда зажигаются на его пролетах огни. Однако и в эти часы суток должного впечатления он также не производит. Железный гигант в простой нашей песне кажется чужеродным припевом. Потому мост, как мне представляется, чужой и «холодный». Мало того, что город утрачивает стародавнее лицо с его уютной азиатской простотой – улицами и старинными домами, с куполами мечетей и церковей, он постепенно теряет самобытность старого очарования. Испорчены берега с причалами и пристанями. И архитектурные жемчужины городка меркнут перед величиим этого моста, напоминающего надуманный шедевр «Квадрата Малевича». Но все еще среди многоэтажных домов бродят тени духовного величия... А такой мост должен бы «висеть» над застроенной многоэтажными шедеврами

Сеной, Эльбой или дополнять до предела такие урбанизированные города, как Токио или Рио-де-Жанейро...

Переехав через мост, которому уделено столько внимания, мы были снова в пути. Впереди разлилась ровная, безмятежно спящая красавица – степь. Едем в сторону синееющих у волнистого горизонта горной гряды Семей-Тау, издали напоминающих женскую грудь. Незаметно степь как бы прирастает, поднимается, и только мост долго еще бездушно смотрит пустеющей рамой мутного, безжизненного цвета.

У «СВЯТОГО» КЛЮЧА КУШЮКБАЙ

Мы, как в море, во владениях абсолютной равнины, которые казахи называют: «ми дала». Это та самая земля, где 40 лет действовал Семипалатинский ядерный полигон. Взрывов было 470 – цифра, которую следовало бы запомнить, как «Отче наш»! Разбуженное атомной силой подземелье оказалось страшнее дыхания ядовитого вулкана или еще какого монстра. Земля сотрясалась, тревожились травы, могилы древних...

Был день, когда впервые была прервана апрельская песнь степного жаворонка. Горы Аркат и Чингизтау, спавшие миллионы лет, ожили: лопались скалы, роняя камни, падали козырьки и рушились причудливые башенки – следы выветривания. И только с независимостью Казахстана степь обрела нарушенный на долгие годы вековечный покой.

Степь... Первые холода сказались – дремала, ожидая первого снега, даль, вся пожелтевшая, полумертвая, полусухая...

Тучи серые, хмурые, дождь недалек.

Осень. Голую землю туман заволок.

Абай, 1888.

– Такие степи, – сказал Серик, глядя в хмурые дали, – мы называем «сары дала», что означает «желтая равнина».

Действительно, от горизонта до горизонта желтела безмерная степь, запятнанная коричневыми островками низкорослых кустарничков.

И вот она, словно оводом укушенный стригунок, взбрыкнула, вспучилась легкими холмами, побежала навстречу ветрам. Призрачными замками вдали голубели приземистые горы. На придорожных глинах сургучного цвета волновались белесые ковыли. Коричневыми архипелагами плыли заросли сплошного чернобыльника.

Даль стремительно менялась: исчезла голубая гряда и навстречу мчались уже голые сопки. И вот «Девятым валом» поднялась перед «утлым» «джипом» поперечная гряда, разрезанная дорогой. По левую руку возвышалась аккуратно подстриженная ветрами самая заметная сопка Кушюкбай. Под ней синий вагончик – придорожная «забегаловка».

Остановились у родника с одноименным названием Кушюкбулак. В небольшой обрыв под кустом мелколистого вяза, обвешанного с ног до головы разноцветными матерчатыми лоскутами, вбита труба, источающая веселый напев животворной струи. Зашли в вагончик, поздоровались с хозяином харчевни. За старыми столиками водители большегрузного транспорта пили чай и оживленно беседовали.

Подошли к роднику.

– Это святой ключ – Кушюкбулак, – сообщил Серик. – Около него останавливаются все путники. Так было и в прошлом. Останавливался здесь и Абай...

– Кушюк, – пояснил водитель, – переводится как щенок, а Кушюкбулак – как Щенячий родник или ключ.

Странное название горы и родника, сокрытое тайной происхождения названия. Как знать, есть ли связь какая-либо этого места со стихами Абая? Но поэт неоднократно сравнивал себя, свое духовное одиночество с «заблудшим щенком». Что касается названия сопки и родника, возможно, и существовала какая-то связь с какой-нибудь историей, связанной с оставленным или забытым здесь щенком: Кушюк – щенок... А отсюда, возможно, и столь необычное сравнение в произведениях Абая со «щенком, заблудшим в степи»...

На сопке – красноватая щепенка, едва прикрытая сединой типца и ковыля. Слушая веселый напев родника, попили, умы-

лись... Для туристов это обязательное место для небольшого отдыха от долгой дороги.

Водитель и Серик достали носовые платки и за неимением тряпичных лоскутов, следуя давней традиции, от всех нас троих привязали их на куст, на котором сотни их, выцветших и потрепанных, бились уже на ветру. Подавляющий каждого простор оживляли лишь свистящие ветры, летящие с разных сторон. Около родника отдыхала, утомленная безлесьем степи, стайка зябликов. Тут же крутились и другие кочевники времени – большие синицы, обыкновенные овсянки...

– Где, откуда поэту взять здесь вдохновение, в столь унылых, убийственно печальных степях? Это удивительно!

Где найти слова, чтобы они звучали и пели, если вокруг тоска и серая безбрежная ширь? И все это земля Абая и Шакарима, Мухтара Ауэзова, где остановилось само время. Здесь говорить и слушать можно только с ветрами. В печальной одинаковости простора мыслей не должно рождаться никаких... Только степи, где глазу-то не за что зацепиться.

Здесь, в безводье, где море солнца, родник Кушюкбай – сокровище. Он одиноко поет звенящей струей. С него берет свое начало небольшая речка Муқыр. Став ручейком, русло его делает небольшую петлю и, повернув от сопки, направляется к северу и пропадает где-то в море пожелтевших трав и порыжевших холмов.

Название речки само по себе интересно: «Муқыр – служит названием проточного озера в Прииртышье в Павлодарской области». Скорее всего, это касается и нашей речки Муқыр. Вот как толкуют название ее известные географы, например, такие путешественники, как П.С. Паллас, побывавший здесь в начале XVII века, а также Левшин: «Сие название Мукорь значит на калмыцком языке *короткий* (выделил слово автор) и весьма хорошо приличествует сему недалеко простирающемуся сухому рву». По мнению автора «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» Е. Койчубаева в VI-VII веках это было связано с кочующими здесь мукринами. Но есть еще более «теплое» – корни происхождения названия, а именно название связано с

именем родовой подгруппы тобыктинцев мукур, указанной в их родословной, упоминаемой в вариантах шежре. Видимо, так оно и есть. Абай, кстати, принадлежал к этому роду.

От родника на округлую сопку ведет хорошо набитая тропа, оголившая по всей длине красноватый мелкий камень. Название сопки, как упоминалось, тоже «Кушюкбай», которое также восходит к этнониму родовой группы казахов «Кушюк».

Пожалуй, редкий путник, пребывающий сюда в добром здравии, удержится, чтобы не подняться торной тропой, уводящей на вершину сопки. С нее открывается грандиозная панорама. Сама же она напоминает догнавшую отару овцу: здесь эта го-рушка вливается в громадную отару мелкосопочника, рассыпанного по всей степи. Даже непрофессиональному взгляду становится очевидным: на этом месте плескались когда-то воды древнего исчезнувшего водоема. Теперь же на дне его на многие версты растекались красно-оранжевые глины, на которых «тонким» снежком проглядывали солонцы.

Главное то, что в 1858 году, когда маленького Абая везли в Семипалатинское медресе на учебу, отец его Кунанбай и сопровождавшие их спутники останавливались у родника. Поэтому его называют еще и родником Абая. Убежден, что и любопытный от природы мальчик тоже восходил по щебнистой тропе на сопку Кушюк, чтобы глянуть на ширь еще незнакомых степей. В его «Слове седьмом» сказано: *«И далекие дни детства представляются сейчас еще более прекрасными. То было утро, и мы стремились познать окружающее».*

Как знать, может, вспоминая восхождение на вершину сопки Кушюкбай в раннее утро детства, впечатления от увиденного пролились строками в его поэзии:

*Душа, должна ты встрепенуться,
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова – в высь, и снова – в путь.
Тебе бы к небу дотянуться.*

Абай, 1890.

Возможно, и тогда, как сейчас, столь же напористые ветры насвистывали ему похожий диковатый мотив и также над седыми равнинами кружили, налетая с разных сторон, ветры, поджигая шумом омертвелые дали. Может быть, также гудело высокое чистое небо, в котором чернели силуэты степных орлов...

*Надежд – без конца, коротка печаль,
Тебя не давил страданий гнет;
Ты верил тогда: голубая даль
К заветной мечте нас всегда ведет.*

Абай, 1891.

Ветер – прямо в лицо, с запахами и напором бесконечности. Жизнь в 13 лет казалась также бесконечной, и вокруг удивительное все и новое... Свойство обостренного восприятия было заложено во всей природе юного Абая и требовало постоянного освобождения. Казалось, сама жизнь, угадывая его желания, шла ему навстречу и потому он многое в ней разглядел: в привычном увидел необычное, исполненное глубокого философского смысла. Степь дала ему все, чтобы однажды громко и чисто он запел.

Ладонями черпаем родниковую воду и, ощущая ее слегка солоноватый привкус, ловлю себя на мысли: «В безводной степи глоток воды слаще меда». Знает это каждый путник, чабан и кочевник, знает камчигер, добравшийся на разгоряченном тулпаре, с губ которого слетает неостуженная жаркая пена. Даже солоноватая, она кажется сладкой, если во рту – горечь полынная, а на зубах – хрустящий песок. В поэтическом храме Абая можно найти полотна и строки подобной картины:

*Ни травинки в степи. Ни приветливый вид.
Только ветер избитой дорогой пылит.
В черных юртах нигде не найдешь ты огня:
Плох обычай: очаг разводить не велит.*

Абай, 1889.

МИМО РОДИНЫ АУЭЗОВА

Перед синей грядой приземистых сопок, поднявшихся над степью, бродили тени солнечных пятен, пробившиеся в окна между налетных облаков. Дорога пошла под уклон. Казалось, степь ненадолго склонилась перед величием неба. По-прежнему ни души – только равнинное ковыльное безбрежье.

Водитель разогнал «джип» еще – за сто, и степь ожила: кружила на широких рыжих крыльях, прогибалась и вздымалась, словно и вправду живая. Столь же стремительно менялась: становилась то серой, как волчий мех, то желтой и пятнистой, как лисица, как кошка... Она вдруг голубела, когда в ковыльной волнистости появлялась полынь.

Который час впереди – неизвестность, следом – ковыльная даль. Придорожный столб показал 79-й километр. Степь серой птицей летела следом, преследовала, пугая безлюдьем, совсем дикая, не прирученная.

Начался Абайский район. Вскоре у свертка мелькнул указатель на поселок Берли.

– Там, в ауле, есть прекрасный музей Ауэзова, – бросил через плечо Серик, не отводя взгляда от бегущей дороги.

– Время будет, заедем обязательно, – добавил водитель.

У каменистых гор справа в стороне от дороги обозначились скучившиеся дома, почти все из белого кирпича, под шифером – Каска-Булак! Не случайно так назван поселок. «Каска» означает «Голой» или «Лысый ключ», либо же «Лысая речка». Слово «каска» имеет и другое значение – «ровный», «прямой». Видимо, Каска-Булак можно перевести как «прямой ручеек». И здесь, как писал Мухтар Ауэзов в романе «Путь Абая»: «В один из тихих вечеров на каменистом холме урочища Каска-Булак сидел Абай, прислушиваясь к вечернему дыханию аула». Естественно, речь не только о ключе, но и о сопках, со стороны выглядевших угнетающе, совершенно голыми, скалистыми, с россыпями серого камня и щебня.

Поселок с «лысыми» сопками посреди неоглядной степи и есть родина большого писателя, ученого, драматурга... Мухтара Ауэзова. Много похожих аулов в Великой степи Казахстана, но этот – один и единственный, освещенный славным его именем.

Около аула, скучившись, встал кладбищенский «городок», вызывающий удивление роскошью и смелостью архитектурных решений. Такие картины типичны для всего Казахстана: аулы, часто убогие, с обыденными мазанками, но кладбища!.. Так казахи почитают своих предков.

По другую сторону от трассы на приличной дистанции видны извивы берегового контура громадного, погруженного во впадину, почти пересохшего озера Шолактерек. В переводе – «обрубленные» или «короткие тополя». Когда-то, по-видимому, здесь были тополя, сейчас и следов не осталось. И так всюду: названия часто переживают своих хозяев. Округлыми короткими языками озеро вытянулось к западу, заполнив громадный прогиб между тупоголовых ковыльных сопки. Весной, когда время торопит рост молодой травы, озеро становится полноводным. Берега и заливы оживают в шуме и гаме пролетной птицы. Воздух полнится шелестом крыльев и торжествующими голосами.

В это время на зеленые омолодившиеся пастбища чабаны и табунщики выгоняют скотину. Шолактерек – самое крупное озеро. С ним и сейчас крепко связана жизнь летних кочевий:

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья.

.....
Гусей и уток крикливых стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криком оглашая
Степной простор далеко вокруг.

.....
Табунчики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга –
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительный беркут
взовьется

И крупного селезня схватит вдруг.
Что было – прошло, и уже не вернется.

Абай, 1886.

Слова поэта полны сыновней любви к родному краю, где с каждым летом вскипает и бурлит, оживляя криками окрестные дали, жизнь.

Октябрьской осенью вместо полноводного оживленного озера лишь тускло светился плоский и белый, как разлитое молоко, солончаковый сор. Пожелтели береговые осоки и лишь контуры отступившей воды обрамляли заросли украшенного вялой позолотой кустов тамариска, обожающего засоленные почввы. Илестый сор растрескался и по щелям его светлели «мраморные» прожилки выступающей соли. Ни шороха, ни звука – только удручающее молчание всеохватной какой-то древней тишины и безмолвия. И трудно было представить, что здесь, как писал Абай, весной столько красоты и жизни:

*Сколько птицы! В любом приозерном пруду
Тронь осоку – и лебедь придет в высоту.
Скачешь – смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету...*

Абай, 1890.

Картины глубокой осени всюду печальны. Грусть дополняли поминальные песни неунывающего ветра. Степь снова гналась за нами следом, заглядывала в окна «джипа». Она забегала в извивы равнин, огибала осевшие и полусухие озерные впадины.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Дороги всегда создают особое настроение. В пути легко и свободно думается. Также бывает, когда смотришь на пламя костра или на реку. Дорога же, вдоль которой колышется ковыльное море, навевает свои, особые мысли, свое настроение...

В степи, казалось бы, нет места ярким переживаниям: подавляющая вокруг однотонность, некоторое уныние... Позади на быстрой скорости уплывают вдаль прижавшийся к голой гряде гор Каска-Булак да «уснувшее» до весны озеро. В сквозной чистоте неба плыла запоздавшая стая степных журавлей-красавок. Острым углом величавые птицы резали пронзительно голубое

небо. Нам не слышны были их прощальные крики, но светлой грусти в сердце почему-то прибавилось.

*Косяком потянулись на юг журавли,
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах – уныние и тишина.*

Абай, 1888.

Ярких эмоций ни с какой стороны. Но беспокойной галочьей стаей наваливаются и кружатся мысли – воспоминания о прошлой этой земли. Но только вопросы, ответов же никаких.

Степь, как тайну океанских глубин, до конца познать невозможно. Каждый раз только станешь присматриваться – сразу же удивляет своей обновленностью. И всякий раз способна зажечь страстью необъяснимого постижения. До боли в глазах вглядываюсь в ее дремлющий лик, в колдующую бесконечность, волнующую, загадочную, непредсказуемую. Порой, кажется, она просыпается и, расправив крылья, летит уже ширококрылой птицей и кружит, и кружит в лазурном Космосе, превращая горы и сопки в фантастические облака. И вот уже сам волей-неволей, кажется, обретая крылья, становишься орлом и, воспарив, видишь с высоты узор степного простора и только тогда начинаешь постигать ее магическую силу.

И снова вопрос: «Где, в каких кладовых кроется могучая сила степи, вдохновившая Абая и Шакарима, наконец, Мухтара? Где, в каких источниках, в каких недрах сокрыты фонтанирующие мудростью мысли?». Все это необъяснимо... Как так безликое, утомляющее однообразием пространство может быть столь продуктивным в рождении духовной мощи? Все похоже на то, что «диалектика» безлюдья порождает «эклетику», как бы предопределяя развитие от противного. К примеру – Ближний Восток, Средняя Азия и Средиземноморье, или же Африканская Сахара, где создавались великие культуры, «Чудеса света», формируя духовную надстройку человечества. «Пустыни» Востока и степи издревле окрыляли философскую мысль, изысканную поэзию, филигранную мудрость... Все – от «противного». В подтверждение приведу сказанное лидером партии «АСАР» Д. На-

зарбаевой, принявшей участие в праздновании 180-летия города Каркаралинска: «Степь формировала особый дух, мировосприятие»... «Этот степной край богат талантами и своей неповторимой историей» («Kazakhstan Today»).

И, к примеру, возьмем райские пояса планеты, где круглый год – благодатный климат, где теплые моря ласкают пальмовые берега. Там природа сама кормит человека. И вот парадокс: до сих пор изнеженные дети человечества сохранили наивную первозданность.

Вывод? Борьба за выживание в суровых природных условиях порождает волю, характер, величие и силу духа. Под небом степей нет места усталости и праздной лени. Упорство и труд кочевника, междоусобица, вражда, борьба со злом и враждебными силами природы закаляли его, способствовали его духовному росту. И вот однажды подобно птице, вырвавшейся на свободу, из степных глубин до самых великих высот поднимается сила духовная.

* * *

Мухтар Ауэзов – как продолжение затронутой темы: его талант, интеллект, отлитые в поющие силой народного духа художественные произведения, наполнили их новым, свежим, вошедшим в кровь и плоть казахского народа, дыханием. Он первый стал создателем художественной энциклопедии кочевого народа XVIII–начала XIX века.

Писатель и драматург из аула Каска-Булак принадлежал старинному роду арабских миссионеров Кожа. Он – сын Омархана и внук деда Ауэза, которые высоко чтити и ценили большого друга их семьи Абая. Шли

...Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

М. Ауэзов, 1954.

годы, и дружба эта с годами становилась только крепче. Но окончательно, навечно скрепил ее Мухтар Омарханович. В книге «Путь Абая» писатель увековечил историю своего народа, описав ее средневековый уклад и рассказав о жизни великого земляка. Благодаря Ауэзову Великая степь стала еще шире и выше: ее увидел весь мир.

Будучи в родственных отношениях с семьей Кунанбаевых, Ауэзов еще дальше понес эстафету Абая и Шакарима. Он стал художественным летописцем Великой степи.

В романе «Абай» Мухтар до дна, до последнего камешка высветил социальное дно полудикой степи того времени. Он с полной силой показал замкнутый в себе поэтический мир народа великих степей Сары-Арки. Потом же, спустя многие годы, мир услышит его слова об Абаяе: «...Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи. Гордым, тенистым кедром высятся он в истории своего народа». (М. Ауэзов, 1954).

Школу Мухтар окончил в ауле Абая. С ранних лет его волновала неординарная история края. Внимательный от природы, впечатлительный, он слушал аксакалов, слушал эпосы, кюи, жырау, айтысы, стремясь понять и вникнуть глубже в прошлое народа. Еще юношей он создает пьесу «Енлик-Кебек», лейтмотивом которой стала степная трагедия, похожая по сюжету на древнейший эпос в истории тюркоязычных народов «Козы Корпеш и Баян Сулу».

Пьеса писателя и драматурга стала новаторской: она открыла дальнейший путь казахскому театральному искусству. Впервые Мухтар поставил ее в 1917 году в своем ауле и своими же усилиями: доморощенные артисты играли ее в спаренных юртах. Пьеса имела огромный успех.

После окончания филологического факультета ЛГУ, аспирантуры при Восточном факультете Среднеазиатского университета, Мухтар Омарханович овладел пятью тюркскими языками и тогда приступил к сбору материалов об Абаяе.

Он сразу же заявил о себе на литературном небосклоне как звезда первой величины. Глубина, тонкий психологизм, образные сюжеты, интонационное многообразие – ироническое, ли-

рическое и другие достоинства художника отличают произведения, созданные им, силой и даровитостью. Например, о его повести «Серый Лютый» Ч. Айтматов писал: «...это творение идеального художественного совершенства и идейной цельности». В. Твардовский назвал его произведения «классической прозой». С особым психологизмом удается раскрыть писателю образ женщины Востока, жизнь которой была совсем непростой, до сих пор мало- и слабопрописанной в казахской литературе. Сам автор тоже по жизни прошел полем нелегкой судьбы: «Я действительно много повидал в жизни, – писал он, – были подъемы и падения. Видел я высоты и низины».

Как личность многогранная, он шел за Абаем и Шакаримом: занимался переводами Гоголя, Шекспира, Тренева, Погодина... Писал сценарии к фильмам «Райхан», «Песни Абая». М. Ауэзов мы знаем как видного ученого, основоположника абаеведения и как автора монографического исследования по истории казахской и киргизской литературы.

Ауэзов – разносторонне развитая личность: он и художник, и мыслитель, философ и гуманист... Жизнь и поэзия, поэзия и жизнь в его творческой судьбе едины – они переплетаются друг с другом. «Кровь древнего кочевника текла в его жилах, но не кочевника-воина, а кочевника-мыслителя». Так тоже было сказано.

Сегодня с высоты прошлого можно сказать, что его труд поднял казахскую художественную культуру на высокий мировой уровень, а сам Мухтар Омарханович занял достойное место в рядах ее лучших представителей.

Такие вот воспоминания проходили чередой, когда перед глазами проплывали степи на родине нашего земляка. И казалось, что степь не такая уж скучная, но еще более загадочная – генератор мысли, времени, чувств...

Вспомнилась небольшая книжка М. Ауэзова, написанная им после того, как он побывал в 50-х годах уже прошлого века в дружественной Индии – «Индийские встречи». Автор со знанием и с большой любовью рассказал об удивительном индийском народе, о культуре, традициях, встречах с ними. Он писал, что

«если есть на земле народ, достойный жить в коммунистическом обществе (коммунистическое общество согласно советской идеологии считалось самым справедливым), то это только индийский народ». Такие слова мог сказать человек, обладающий большим интернациональным чувством.

«Джип» наш легко скользил по прекрасному асфальтированному шоссе. Ветер все также рвался в окна, у дорожных обочин трепетали обтрепанные, объединенные скотом ковыли и чий, наводя своим видом еще большую скуку... Местность в рамках устойчивой одинаковости все же менялась. Снова в голубой дымке лиловая полоска гор, по мягким впадинам пошли сплошные заросли солодки с коричневыми ошметками, скрученных в спираль бобов, и степь будто переокрасилась в цвет перегоревшей ржавчины. На пути – округлая одинокая вершина, плавающая в зыбком мареве. Подобно горбатой рыбине, она плыла следом за нами, не уступая летящему «джипу». Но вскоре и этот сюжет начал таять вдаль: сопка отяжелела, осела и постепенно тонула далеко позади.

Лишний раз убеждаюсь: с первого взгляда степь кажется одинаковой и тоскливой. Все так и есть. Но одинаковость ее, оказывается, заключается в нас самих: по привычке не замечаем в ней главного, неповторимого. Видеть сразу и ширь, и глубину вокруг себя – искусство. Специально присматриваюсь, «принюхиваясь», и вижу все словно впервые: облик степи по окраске и настроению разный и неоспоримый. Даль безликая весной и летом бывает веселой, но осенью – грустной исполнительницей выразительной печали. Если б все не так, разве могла бы быть она богата историей проживавших на ее просторах кочевников? Веками и тысячелетиями она учила их законам, по которым жила сама. Была б она такая скучная, разве бы люди, жившие и живущие здесь, могли учиться мыслить, черпать и набираться из истории, из ее недр красоты и мудрости? Мечтательный ее лик наводит на раздумья, оттачивает зоркость, пробуждает мысли к пониманию окружающего глубже и тоньше.

Степь была и остается великим полем раздумий. И тот, кто познал законы ее, может мыслить теми же масштабами, теми же категориями, как она сама.

ПАМЯТНИК ЛЮБВИ И ЖЕСТОКОСТИ

На холме у дороги белеет мазар. Подобных надмогильных сооружений, перестоявших века, в казахской степи не счесть. Одинокие, на сотни километров от жилья, в стороне от дорог, они далеко видны. Мазары и кумбезы несут печать далекого прошлого и загадочности ушедшего времени, что называем историей.

Построены они всегда на видном месте, будь то сопки или долины. Эти надмогильные памятники не что иное, как индивидуальный след ушедшего поколения. Мои спутники, сколько мы едем, при встрече мазаров и простых полуразрушенных временем склепов как бы между делом произносят: «О, Алла!», при этом привычным движением рук «омывают» лицо ладонями. В традиции казахского народа коренится глубокое почитание памяти предков. Во время поездок по нашим степям и пустыням постоянно можно видеть, что ни один казах – молодой или старый, чиновник ли высокий или простой чабан – не пройдет мимо, не выразив почтение праху тех, кого давно уж нет на этой земле.

Мы остановились. Ветер сбивал волосы, услужливо поднимал воротники, дергал за полы плащей. На каменистом взгорье – надмогильное сооружение, увенчанное ступенчатой башенкой. На фронтальной стороне короткая надпись: «Енлик-Кебек». Внутри свода, открытого «воротами», на все стороны света – плита черного мрамора с небольшой пирамидой серого гранита.

...О драме, разыгравшейся в полудикой степи, знают, как говорится, и старый, и малый... Неоднократно и мне приходи-

лось слышать, но воспринималась вся случившаяся эта история как размытая временем легенда, как мрачная сказка. Однако, оказавшись здесь, перед одиноким «мавзолеем», в сознании возникло совершенно другое – чувство глубокого сопереживания о загубленной юности, об убитой любви молодых людей, судьба с которыми обошлась так жестоко.

Проезжающие здесь путники останавливали легковые автомашины, подходили к ограждению и подвязывали на свисающие между столбиками цепи свои платочки и тряпочки. Обходили склеп, бросали на черный мрамор плиты монеты. Молились, уходили молча, с задумчивыми лицами. Можно было видеть, как старые и молодые посетители поднимались на вершину холма, вглядываясь в далекие степные горизонты. Каждый думает здесь о чем-то своем... Несомненно, что чаще должны бывать у памятника «Любви» молодые. Этот одинокий, не покоренный временем исторический эпизод запечатлен теперь в мазаре, надгробье, пережил века и заставляет задуматься, что на свете есть другие ценности, более великие, чем сила, власть, богатство, чем то, что принесла нам современная цивилизация.

Произошло это в жизни кочующих здесь племен Тобыкты и Найманов. Судьба юных влюбленных как бы повторилась, то же самое произошло 1500 лет назад с влюбленными Козы Корпеш и Баян Сулу на берегах самой «великой» по протяженности степной речки Аягуз. Можно сказать, что история девушки Енлик и юноши Кебек теперь в одном ряду с древнейшим эпосом тюркоязычных народов и сравнима с такими эпосами, как «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта».

Абай, конечно, сопереживал случившемуся, связанному с судьбой молодых его рода. Сам он в жизни умел горячо и пылко любить – достаточно прочесть его стихи, в которых через край льется нежность восторга и пылкость страстей при встречах с любимой. Это нашло отражение в его поэзии:

*Бархатистые черные звезды очей
Льют в сметенное сердце потоки лучей.*

.....

*Если пальцы чуть тронут ее локоток,
 В самом сердце почувствуешь крови толчок.
 А лицо к ней наклонишь – горячая страсть
 Разольется по жилам, как бурный поток.*
 Абай, 1889.

Поэтому не случайно в мазаре на гранитной плите есть его слова, выбитые резцом времени:

«Много не жил, но много повидал любви».
 Абай, XVIII век.

Мазар возвышается на склоне каменистой сопки у дороги. Каждый следующий этой дорогой по-своему сопереживает судьбе юноши и девушки и по-своему выражает свое почтение.

Мазар стоит на «семи ветрах», которые не знают никаких преград. Холмистая степь производит впечатление самой великой стихии и, кажется, нет ни морей, ни океанов, нет ни гор, ни лесов, а только вот такая безмерная, усыпанная холмами, степь. Ветер печально насвистывал под сводом мазара, омывая холодное надгробье, установленное над отдавшими жизни за *Великую Любовь*. Теперь вокруг них только степная пустыня: за мазаром – чередой каменистые сопки, основательно зализанные ветром.

В природе межбрачных отношений у казахов тех времен был обычай похищения невесты. В данном случае все происходило при несколько других обстоятельствах: невеста Енлик была уже засватана. За нее был заплачен калым. Но девушка любила другого и выходить замуж за нелюбимого не хотела. Похищение невесты считалось нарушением закона. Но любовь девушки и юноши оказалась сильнее закона и традиций.

Род, у которого похитили невесту, считал себя оскорбленным. Приравнивалось это к большой кровной обиде. За это мстили, приговаривая иногда совершивших такой поступок к смерти. И в данном случае произошло то же: красивая девушка Енлик, смелая, своенравная, засватанная за богача рода Матай кочевавшего племени Найман, любила не нареченного жениха, а Кебека из рода Тобыкты племени Аргын. И однажды накануне

свадьбы юный джигит и девушка тайком убежали и спрятались в ближайших отрогах гор Чингизтау. Оскорбленные матаевцы, угрожая началом военных действий, потребовали от племени Тобыкты наказания джигита, совершившего проступок. Застигнутые врасплох, не готовые к противостоянию тобыктинцы не могли защитить молодых. И тогда мудрый бий Кенгирбай, посоветовавшись со старейшинами, решил обойтись без кровопролития: он вынес решение отдать влюбленных на волю оскорбленного племени. Влюбленных беглецов, которые прятались в небольшой долине среди гор, нашли и поймали: их привязали к хвостам лошадей и с гор, находившихся примерно в десяти километрах, волокли до этого места, где теперь стоит мазар. Считают, что благодаря мудрости Кенгирбая племена избежали в тот раз кровопролитного столкновения.

Мы стояли у мазара, затерянного в просторах Сары-Арка.

– Почему же им поставлен памятник, – спрашиваю, – если они совсем не герои? Из-за них могла случиться большая беда с соплеменниками?

– Потому что их объединяла любовь, – пояснил водитель. – А там как хочешь понимай. Любовь – вещь сильная.

Да, любовь оказалась сильнее смерти... Во имя ее нарушили суровый закон предков молодые, имена и могилы которых остались вместе на все века.

В это время из подъехавшего автомобиля вышли люди, подошли, встали и долго стояли... Мазар – памятник любви – хранил в себе неугасающий пламень светлого.

...Абай и Мухтар не обошли молчанием близкую их племени трагедию, да и можно ли умолчать о тех, кто совершил ради такого чувства столь смелый поступок, стоящий жизни. Поэтому история также нашла свое место в творчестве М. Ауэзова. Его первая пьеса так и называется: «Енлик-Кебек»! Сам же автор становится первым создателем казахской драматургии.

Мазар далеко позади. Даль пошла на понижение. Насколько хватало глаз – ни кустика, ни деревца. Пересекаем сухое, с обвалившимися берегами, русло речушки Ащису. Названа речка из-за горьковато-соленой воды. Лишь в пору любви – весной – пол-

няться берега ее мутными водами с привкусом соли и горьких трав, за это и получила она свое название Ащису. Горы впереди, как призраки, появляются, исчезают, чтобы снова и снова воскреснуть где-то вдали.

Ну что ж она такая, неприкрытая, однотонная, как серое осеннее небо, от края до края меланхолическая? Оттого, может быть, мысли текут так лениво, навевая сон и усталость дорожную... Откуда столь щедро разлито печали, порождающей чувство утраты, давнего чего-то, далекого, но незабытого? Степь и мысли о ее бескрайности несут в себе философическую эклектику – противоречие, незавершенность. И вот я, разочарованный только что, проклинавший ее, утомленный однообразной мелодией ветра, как мотив степняка, вдруг чувствую, что-то проснулось: слетает навеванный сон ее магического взгляда и уже «что-то» разгоняет и горячит мысль, уносится в ее просторы. Хочется обрести крылья – стать птицей, облаком, ветром... Из груди просится песня, песня – без слов. Не важно, что без слов, я знаю, обо всем расскажет мелодия. Все до капли передаст, ликует ли, страдает ли душа. Похожих толчков и порывов сколько угодно слышал я в песне степняка и наблюдал все это в его загадочном поведении. Много этого в поэзии самого Абая, сотканной их страсти и боли, восторга и душевного крика, облаченных в золото мудрых мыслей.

О ЧЕМ ОНИ, НОЧНЫЕ ВЕТРЫ?

А старикам – совсем беда, ложись и помирай:

И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Абай, 1888.

В степной дороге иногда кажется – сколько б не ехал, степь догонит и перегонит, от нее никогда никуда не деться. Она всюду – на всех меридианах и параллелях – рыжая, одинаково серая, она – Великая Степь. Волчицей рыщет, забегая наперерез, гонится с воем и свистом, не отстает, и потому вокруг одни и те же картины. Порой, казалось, не едем, под нами всего лишь вертится неизвестная степная планета, и на сотни километров одно

и то же. Кажется, мы стоим... Но время от времени где-то промелькнет одинокий мазар или белым дождевым грибом выглянет в долине у ручейка чабанская юрта, которая светлой слезинкой теряется вскоре же на желтой щеке азиатской степи. Иногда у самой кромки поднебесного купола робко всплывет цепь

сизых гребнистых гор. Они тоже быстро и стыдливо исчезают. Слежу за степью сквозь поднятую дорожную пыль: она широко и вольно течет и кружит – сказочная, великая, материковая и все еще безлюдная, и все еще древняя...

Иногда просыпается в ней что-то женское, и провожает тогда она уже долгим взглядом взгрустнувшей невесты – с тоской и упреком. Долго удерживает память печаль ее томных осенних глаз, а воспоминания тревожат и зовут, как на свидание. Не случайно, что так много прекрасных и душевных слов, поэтики посвящено этой самобытной земле. На разные голоса, в разные времена пели о ней акыны, повествовали историки, блистательными эпитетами, связанными со степными картинами, украшали свои стихи поэты и, сдерживая восторг, живописали о ее природе в бессмертных опусах путешественники всех времен и народов. Блистательными словами воспевали ее также поэты Востока и другие сыны человечества, чьи сердца остались навечно в плену ее материнского взгляда.

Вечерело. На ночлег остановились в чабанской юрте. В каждом степном жилище хозяин для тебя – все... Таков древний обычай, таковы традиции этой земли. Накроют дастархан, подадут не просто чашку кофе или чай с вареньем... Все, что есть, все ляжет на стол. И пусть это последний кусок этого очага – все для гостя! Есть непреложная аксиома: в другом доме – все вкус-

нее, как чужая жена... А если в юрте – вокруг ни людей, ни машин – вкус лепешки и баурсака, чашки чая и куска баранины неповторим. Не беда, если дастархан не богат, все равно бесконечно он щедр, потому что для тебя – как для себя, и даже лучше. Каждая юрта хлебосольна. В том, может быть, и секрет чабанской трапезы, что все от души...

После долгих дорожных мытарств быть не благодарным просто нельзя, когда расположишься на кошме за круглым столом, а в чаше – дымящийся бесбармак с колечками лука, сурпой, лепешки, баурсаки, сметана – кылегей и, наконец, чай по-казахски. По вкусу и аромату нет на земле ему равного. Ничто в сравнении с ним знаменитый кокчай туркменов, «подумаешь», цейлонский, таков же индийский, если этот и другой не приготовлен и не подан по-казахски. В юрте ешь – не наешься, пей – не напьешься...

За дастарханом открываются души людские: ведутся неторопливые доверительные беседы. Как не гордиться нам, если нас еще не коснулась холодная расчетливость европейского рационализма. Пусть завидуют потом нам потомки – мы знали душевность за простым чабанским дастарханом, который дороже изысканных обедов в ресторанах: не замечаешь времени, не испытываешь неудобства, не чувствуешь лишним себя... Такой же дух гостеприимства сохранился пока и в далеких таежных селениях.

Беседа наша с хозяевами затянулась за полночь. Сквозь шанырак виднелась густая черная пустота, пересыпанная латунными мигающими звездами. Страшно было представить, если б этот мир мы видели, каким он есть на самом деле: мы – на громадном шаре и все вниз головой над ужасающей Бездной, которая вселяет ужас холодом и бесконечностью.

Жители городов отвыкли от чистого неба, где ярус за ярусом парят, обращаются в жемчужную пыль и меркнут в бесконечности звезды. Мир Космоса был и останется и страшным, и чуждым для землянина; был и останется загадочным, не поддающимся осознанию простого человека. Чем больше в него вглядываешься, тем острее ощущаешь космический холод и непосредственность вселенческой пустоты. Наверное, нужно быть пол-

ным идиотом-лириком, чтобы воспевать его первозданный ужас... Степи Сары-Арки столь же волнующие, как и многоярусные звездные дали.

В осенней ночи восторг от пылающих звезд скоро угас: студеный ветер прошивал до костей... Хорошо, что есть уютное чрево степного человеческого жилища.

Однако взгляд ловил непривычной, кристальной прозрачности звездный мир, который был недвижный, великий и черный, не тронутый, не изгаженный еще цивилизацией. Но и в небесных просторах время от времени пролетали, подмигивая, «человеческие» звезды. Каждый спутник вещал: «Смотри, – мол, – мы и здесь проторили свой путь...». Лет сто назад в голову никому не пришло б, что над степью, которую на быстроногом скакуне не пересечь за многие дни, за считанные минуты теперь пролетает рукотворная «звезда». Кочевник времен Абая, поклонявшийся горящему полумесяцу, созданному волей Творца, подумать не мог, чтобы рядом с ним и с «дикими» звездами будут кружить и сиять с божественной высоты «звезды», сотворенные человеком. В этом большая разница времен – прошлого и настоящего.

Глядя в ночное небо, я удивлялся невероятному совпадению: над вечной обителью Абая под углом 48 градусов «остановилась» знаменитая из всех известных нам звезд – Полярная! Здесь, от этой юрты, недалеко от Жидебая воображаемая прямая, уходящая к Полярной звезде, пополам рассекает пространство, заключенное между степью и Полярной звездой.

Не спалось почему-то. Почти до утра слушал я ночную степь. Волновало и то, что более полувека на этой земле звездными крыльями укрывали такие же осенние ночи эту ветреную степь, где жил и творил Абай. Ветер с напором и силой ломился в хилое жилище, ходил кругами, трогал и тряс его, время от времени шумел крыльями и выл, как озлобленный зверь, и снова шумел где-то около жесткими травами... Всю ночь слушал «нечистую силу», затеявшую сабантуй. Это они, ветры, насвистывали и гудели, пели и нашептывали что-то на все голоса, перебалтывая звезды искрящегося Млечного пути. Сквозь отверстие шанырака я видел осколок звездной «Дороги Богов», что алмазным по-

током сиял в берегах черной Бездны. Это была необыкновенная ночь: над степью, поющей волчьими голосами, казалось, гудел и плескался Великий Космос: синеглазые звезды хищно сверкали так близко, что если бы не узнаваемые созвездья, не перевернутый «ковш» Большой Медведицы и не свежий народившийся месяц, не узнал бы ночного неба.

Картины все эти, несомненно, наблюдал и Абай...

И чем больше вслушивался я в голоса ночи, больше, казалось, я понимаю нервозность ветров, их язык. А они, шальные, схлестывались в споре и лихости, не переставая бесновались ночь напролет. Они о чем-то роптали, над кем-то рыдали, над кем-то смеялись, словно это были ночные духи, которым не спится даже в глухую осеннюю полночь:

На летних пастбищах гремят холодные ветры.

Абай, 1889.

Человеку, не ведающему законов природы Великой степи, понять и представить все почти невозможно. Труднее рассказать о ее диком норове, ее голосах, особенно в тот час, когда беснуются ветры, когда шатаются звезды, падая за земные границы. Все это, несомненно, видел и по-своему переживал, как поэт, великий Абай:

Только ветер великих просторов земных

Долетит через тучи до звезд золотых.

Абай, 1890.

ОРДА!

В ночи я кричал,

И громко звучал

Мне голос утесов ответный.

И днем среди скал

Я долго искал...

Все те же бездушные скалы вокруг.

Абай.

Как только местность повышается перед въездом в долину Жидебай, дорога стрелой врезается в гряды вставших поперек скалистых гор, ощетилившихся зубастыми и грудастыми скалами. Морды их источены временем и обращены к югу. Несколько десятилетий назад в этих скалах водились дикие бараны – архары, теперь же редко над ними пролетит орел, возвращаясь с охоты за степной дичью. И хотя всюду безграничная власть солнца, дымка над горами придавала некий налет северной романтичности, некоторой молчаливо отрешенной и вековой задумчивости. К месту будет сказать, что горы будто «притягивают» синеву с огромных расстояний. Это характерно особенно для таких вот степей, как Сары-Арка, где «морская» ширь накинула наlet на разбросанные, всплывшие из глубин, горные цепи, отдельные сопки или массивы. Такие же картины типичны для степной части Калбинского нагорья – на Алтае, и отходящих от них готических «башен» и «куполов», отлитых из серого гранита. Руины причудливых скал столь же характерны Кокчетавщине, Баян-Аульским горам, Каркаралинску. Горы их постоянно носят тонкие небесного цвета «одежды». На таких расстояниях в условиях повышенной влажности воздуха появляются особенные, почти чернильные краски. Это обычное явление в невысоких, покрытых лесами джунглей, горах в Юго-Восточной Азии, включая и Китай, в Гималаях, а также в горах Алтая и Тянь-Шаня, Саура. Художники-пейзажисты часто передают тонкость этого состояния атмосферы и картины их, полные воздуха и света, с налетом туманной призрачности, всегда выигрывают. Это свойственно играющим в пустынях миражам, создающим свой, виртуальный мир. Поэтому горы Орда и Чингизтау интересны, привлекательны для художников и туристов-фотографов.

И только они, такие синие, на желтых и рыжих полотнах Сары-Арки, как святыню, стерегут сердце Великой Азии, воспетой акынами и поэтами кочевых народов. Природное окружение степей и окрестных гор долины Жидебай в разной степени и с разной силой связаны с переживаниями, с настроением Абая:

*Время – пряди тумана вдоль гребней гор.
Ты с надеждой глядишь в туманный простор...
Абай, 1887.*

Дорога тем временем ведет нас мимо основательно выгоревших гор с отвесными стенами скал, скалами в виде грибов и башен, кубов и юрт, скал, похожих на булки, на сундуки. Они стоят либо давно уже скатились со склонов. Все они отчаянно расписаны молниями трещин и глядят темными дырами ниш изпод нависающих козырьков. Между скалами – провалы, расщелки, проходы и коридоры... Эти горы называются «Орда»: слева при въезде в долину Жидебай возвышаются Большая, справа – Малая орда. Некоторые из старых жителей их называют более для себя привычно – «Горы Чингизхана».

С другой стороны дороги горы называются «Ортенъ-Тау». Упрощенно – «Ортенъ», «Орттау» или, как зовут их здесь, «Горы Абая». В переводе с казахского эти названия примерно означают «Выжженные горы». Однако прямых причин воспринимать эти названия в прямом смысле нет. Кочевники, сотни лет выживавшие здесь за счет скотоводства, естественно, в оценке местности на первое место ставили пригодность как пастбища и зимовок... По-видимому, эти названия горы и получили из-за их пустынности, где уже начиная со второй половины лета травы выгорают и скоту совершенно нечем кормиться:

Место с плохой травой, с бедными пастбищами.

Абай (?).

«Горы Абая» – «Ортенъ», поднявшись однажды из мрачных глубин, стали символом взлета и мощи природы. Абай, словно глыба, всплыл и поднялся из мрачного средневековья, стал маяком, освещающим путь своим гением. И сколько б не появлялось на стратегической карте литературы и искусства разных его соплеменников, кумиров, все сравнимо разве что с ледоходом, когда в лоне русла, наполненного крошевом весенней стихии, встают, поднимаются глыбы льда, но падают, крошатся, рассыпаются... Так и в творчестве: на фоне других своего времени являются кумиры времен, но они, как и льдины, исчезают в ярких лучах гения, гаснут и меркнут

в потоке обновляющейся жизни... Забываются... Абай нерушим, как горы, названные его именем. Он поднялся над серой степью – и Гений его подобен Полярной звезде, сияющей незыблемо на небосклоне человечества. Имя поэта будет так же сверкать в духовной жизни степного народа.

Горы Орда – высокий, скалистый массив, с запада на восток протянувшийся километров на десять при ширине километров в пять. Составлены горы тремя вместе спаянными вершинами, которые возвышаются над равниной на пятьсот-четырееста метров. Горы сложены осадочными породами, и это совершенно очевидно даже не посвященному в тайны геологии. Понятно, что это оставшийся след бывшего великого средиземного океана – Тэтиса. Осевшие и окаменевшие впоследствии слои оказались вытолкнутыми из глубин на поверхность. Скалы дружно смотрят в сторону господствующих южных и юго-восточных ветров. Между ними – провалы, седловины, ущелья... Вокруг же по подолу гор – хаос свалившихся со склонов каменных глыб. Они и сформировали причудливые нагромождения, придающие предгорьям первозданный беспорядок.

Местность маловодная: кое-где по ущельям звенят ручейки, светятся мочажины, полузаросшие тростником и талом. В долинах, где повлажнее, растет краснотал, или кызылагаш. Стволики его имеют особую прочность и особую гибкость. Поэтому кочевники-скотоводы вырубали его для устройства юрт, для изготовления необходимой утвари в нелегкой кочевой жизни. Такие заросли, как музейные экспонаты под открытым небом, и теперь можно видеть прямо с дороги.

К востоку, теряя высоту, горы тонут и, наконец, горохом рассыпаются по желтой степи. Вдали они почти кажутся одинаковыми, мелкими. Это и есть «Бараньи лбы», с которыми в школе на уроках географии знакомили нас, когда изучали природу Центрального Казахстана. Видимо, название Казахскому мелкосопочнику дано было в связи с развитым здесь скотоводством – в основном овцеводства, главного занятия кочевого населения.

Со всех сторон горы окружены привычной ветреной далью. Тихи дни здесь – подарок расслабившейся на время природы. В

стерильно чистом небе, пронзительно прозрачном, как горный хрусталь, появляются теперь обрывки перистых облаков. И только здесь чаще, чем где-либо, можно видеть, как пустое степное небо чертят силуэты одиноких орлов. В сторону скал Орды часто летят типичные обитатели гористых степей – мелкие соколки-пустельги. Однако ветер, случайно загнавший в эти места табунок облаков, мчит их снова неведомо куда.

В произведениях Абая тоже находим отдаленно напоминающие состояния природы. В иносказательной форме он говорит и о личных переживаниях:

*Лишь орел к поднебесью взмлет, они
Пустельгу и ворона гонят в полет.
Ворон каркает, бьет крылом тяжело,
Пустельга от ворона не отстают.*

Дальше, как бы с обличением, поэт говорит о соплеменниках, используя метафоричный образ орла и воронья, где, не исключено, сравнивает себя или подобных себе с орлом:

*И, любуясь, как птицы дразнят орла,
До упаду смеются, разинув рот.*

Абай, 1886.

Степь – что пестрый нарядный сырмак на рыжей, пересыпанной кварцитами, глине. Щетинятся тырса, обгоревший до белизны типчак да сизые «заводи» полыни. Мелькнет небольшой сор – дно полноводного весной озера.

Нетрудно представить картины здешней весны, читая стихи поэта. Вокруг похожего, о чем писал Абай, много:

*И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных равнинах гремят соловьи.
Им кукушка зарей отзывается с гор.*

«Весна». Абай, 1890.

Еще более ярко отражена природа на джайляу: каждое лето аул, как свойственно многим обитателям Великой степи, чтобы найти лучшие сезонные уголья, с Жидебая предпринимал кочевки на летние пастбища к зеленым берегам Баканаса. Этому времени Абай посвятил следующие строки:

Лето – солнечная пора!
В тучных, шелковых травах
 степь
От душистых цветов нестра,
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу их найдешь, не вдруг.
.....
Стаи уток и лебедей
Оселяют крыльями луг...
 «Лето». Абай.

Дорога, не знающая усталости, что скакун под горячим всадником, не знающего пощады, вырывается из межгорной щели и оказывается снова в безбрежье... Там и там синими айсбергами всплыли из степных глубин останцы некогда высоких гор. Их видно за сотню и более километров. Может, под впечатлением от этих гор Абиш Кекильбаев, глядя в долину, на горы Чингизтау, сказал: «*Как одиноко возвышающиеся в широкой степи загадочные Чингизские горы явились следствием мощной вулканической деятельности, так и Абай – поэт был рожден столь же мощным духовным пробуждением народа. Подобно тому, как одинокая гора Чингизтау бросила вызов унылой гладкости и безликости степи, Абай, словно могучая скала, поднялся над безвестностью казахской культуры.*»

Кекильбаев, 1971.

Романтичны степные предания: в этих горах будто бы останавливалась орда Чингизхана. Поэтому горы и получили свое название. Есть и другое толкование: слово «орда» переводится как «начало». Трудно сказать, действительно ли название гор «Орда» связано с именем Чингизхана? Возможно, все-таки так и есть, память народа крепче гранита, шире степей, древнее и длиннее самого Шелкового пути, проходившего этими степями.

Об одной из горных вершин Чингизтау рассказал Эльдар – сын известного здесь писателя-абаоведа Камена Оразалина. Он поведал услышанное им от местных аксакалов. Эта история свя-

зана с синеющей вдали горой, возвышающейся на хребте Чингизтау, под названием «Хан-Тау». Вот, примерно, как все это происходило, прежде чем гора получила свое название.

Недалеко от небольшого районного центра Караул виден хребет Чингизтау, где с беркутом охотился Абай. Над его гривой подобно горбу верблюда-бактриануса возвышается одинокая округлая гора Хан-Тау. С названием ее связана довольно запоминающаяся история, самым прямым образом связанная с походами Тимуджина в начале второго тысячелетия.

Гудела и стонала степь от топота несущейся конницы. В панике разбегались дикие звери, неохотно на крылья поднимались отяжелевшие дрофы... Несметная орда воинов Чингизхана, не знающая поражений, жаждущая наживы новых земель, неустрашимо мчалась вперед. Гиканье, свист плетей, окрики погонщиков скота повисли над дикой степью. Воины непобедимого хана, вооруженные копьями, луками, не знающие пощады, жаждущие новой битвы, стремились к северу. Орда остановилась как раз здесь, у подножья диких скалистых гор, потревожив незнавших человека орлов. На пути непобедимых встали горы. Подъехали кибитки, подтянулись стада скота – овец и коров, лошадей. Появились походные шатры и над степью поплыл сизый дым пылающих костров. Дым стелился и расплзался по диким ущельям, долинам речек. В походных казанах варилось мясо забытых животных... Начался пир... Восхищенные предводителем воины, опьяненные победным шествием, прославляли своего предводителя. А когда он поднял голову и взглянул на вершину высокой горы, кто-то из советников крикнул: «Быть этого не должно, чтобы солнцеподобный, покоривший мир Чингизхан снизу вверх смотрел на эту гору. Такого быть не должно!». «Не на коне покоришь ее. На собственном троне! – кричали воины. – На руках вознесем на ее вершину!..». Эхом понеслись слова эти кричащей многотысячной орды, пугая кречетов и орлов. «На троне! На троне!.. На вершину горы! Гора должна быть у ног великого Тимуджина – повелителя миром... Выше – только наш создатель... Мы – твои верные слуги и воины, мы вознесем тебя ближе к самим богам!».

С этими возгласами воины на жерди натянули белый, как снег, ковер, расшитый золотыми и серебряными нитями, установили на него трон. Его тут же подхватили десятки рук и с восторженными возгласами на троне понесли полководца на вершину непокоренной еще горы. С тех самых пор гора и получила название «Хан-Тау».

Не случайно горы «Ортенъ» называют «Горами Абая», закрывающих собой северный горизонт. Они принадлежали отцу Абая – Кунанбаю.

ДОЛИНА ЖИДЕБАЙ

*В полночь – яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Абай, 1890.*

Дорога ведет долиной к райцентру Караул. Справа залегла громадная долина Жидебай. Многие годы она была ареной, на которой главную роль героя «играл» Абай. На север и юг, на запад и восток – бесконечная дивная степь... Глазу не за что зацепиться. Поэтому даль кажется скучной, тоскливой. Здесь, как на другой планете, секунды слиты в века, а века переплавле-

ны в мгновения. Всюду царит неуловимый дух перемен. Степь однако же неизменна: спит, как сотни и тысячи лет назад.

– Во-он, – говорит Серик, – видны обелиски мавзолеев Абая-Шакарима...

Там, где садилось солнце, с мелких сопок сползала темнеющая степь. По ней в ковыльных разливах темнели острова караганы, чингиля. И словно два белых одиноких паруса – мавзолеи. В тот миг, когда обозначились их купола, показалось, ветер утих, небо затаило дыхание. И всюду какое-то напряженное молчание... Но ветер не утихал: бугрились тяжелые ковыльные волны. Вдали за Жидебаем синей волной встала двугорбая, с глубокой седловиной, гора.

– Доголан-Тюбе называется, – подсказал водитель, вырубивая «джип» на показавшийся под горами районный центр Караул.

На юге у горизонта были видны гребни Хан-Чингиза или Чингизтау, который более чем на тысячу километров вытянулся с севера на юг.

В горах всегда есть роскошные джайлау. Туда на лето перегоняли скот, принадлежавший отцу Абая. Туда же к Абаю приезжали его друзья из Семипалатинска.

Интересно, что сама долина Жидебай расположена почти в центре равностороннего треугольника Семипалатинск – Балхаш – Усть-Каменогорск.

С древних времен здесь бурлила кипучая жизнь кочевников, полная различных событий, со всеми благими делами и всеми «смертными грехами человеческими». О них Абай сказал в своих сорока семи «Словах назидания». «Слова» его настояны на горечи бытия родного народа, просвещением которого он занимался. Но Абай не шел тропами лести, напротив, он вскрывает главные пороки соплеменников – «леность» и «зависть», «похоть» и «гордыню», «алчность» и «гнев», «чревоугодие». Нет, он не высмеивал эти пороки, он клеймил и делал все, чтобы открыть глаза своему народу на этот мир. Абай был заступником обездоленных, стоял за совесть и справедливость. Поэтому крик изболевшейся его души, крик кровоточащего сердца сопровождает почти все его произведения.

*Не болен я – печален я, однако
Задуматься над этим стоит, брат.
Куда ни погляжу я – козни, драка
За почести, и сплетни, и разврат.
Погоня за чинами, барымта.
Везде борьба за славу, за места.
Толпа плутов, хлыщей и казнокрадов
Проводит в буйном пьянстве ночи. Дни...
Абай.*

И вот перед нами земля, воспетая поэтом, где уживались глубокая вражда и еще более глубокая дружба, где было место и большой любви, граничащей с самопожертвованием. Время, как река, увлекала за собой века и судьбы людей, наполняя трагическим содержанием чашу истории края. Прошлое представлялось уже другим... Почему? Потому, что степь широка, как небо? Потому мысли и «Слова» Абая разлетелись по степи и по всей земле.

Прошло ровно сто шестьдесят лет со времени рождения Абая. С тех самых лет витает над Великой степью дух его неугасающей мудрости, осветивший силой и славой своего таланта необъятные просторы от Каспия до Алтая. М. Ауэзов писал: «Стихи и напевы, рожденные в Акшоки, переписанные, заученные наизусть, плыли в песках по бескрайним просторам, как тихий ветер Сары-Арки, медленно и плавно веющий над степью. Они облетели все жайляу Тобыкты, дошли до Кереев верховий, до Уаков низовий, до племен Каракесек и Куандык, долетели и до Найманов, населяющих долины Аягуз, горы Тарбагатая и Алтая...». Стихи его и песни полетели дальше, за пределы степей и пустынь, через моря и океаны, коснувшись души и сердца других народов.

– Жидебай переводится как место, где растут деревья лоха, или джиды, – ответил Серик на мой вопрос.

ЖИДЕБАЙ – ПЛАНЕТА АБАЯ

К вечеру следующего дня в сопровождении Эльдара, сына известного писателя-классика Камена Оразалина, посвятившего свое творчество великому земляку, едем из Караула в урочище Жидебай. Знакомой уже дорогой приближаемся к заветному месту. Ветер из-под колес выдирает рыжую пыль, унося ее косо вдаль. Словно старые знакомые, кланялись нам придорожные чии и ковыли. И так как приближался вечер, со степи к поселку тянулись табуны лошадей, стада коров и гурты овец. Дорога от свертка на Жидебай под прямым углом ведет к белеющим мавзолеям. Вокруг та же сухая степь, но как нигде на пути от Семипалатинска до Караула колыхались высокие травы с частыми зарослями караганы:

*Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Абай, 1886.*

В этот час долина также дышала сквозными ветрами. Теперь только можно представлять, какие стада лет сто назад бродили на превосходных пастбищах, принадлежавших Кунанбаевым.

Солнце совсем низко склонилось к горизонту. Глядя на ночь, ветер набирал силу и еще сильнее пригибал стебли чия, с шумом наваливался на заросли караганы: долина наполнилась шуршанием и перегудами. Ни на миг нас не покидало ощущение не только простора, но и все еще дикой Великой степи. И здесь впервые я испытал давление, которое приходит в окружении горных хребтов или таежных лесов, волей-неволей подчиняя своему могуществу.

С обочин дороги шумными ватагами взлетали, обнажая красноватые хвосты, табунки куропаток, поднимались жаворонки и, столкнувшись со стихией силы ветра, прижимались к земле и уносились куда-то вдаль...

Со времен Абая мало что изменилось: вширь и вдаль все та же степь – безлюдная, неоглядная, в которой загнанным зверем таилось еще вчерашнее «средневековье». Было во всем этом окружении что-то неуловимое, волнуемое, связанное с неистребимостью природы. Отсюда, наверное, воля и характер кочевого народа, жившего веками на этих просторах. Из поколения в поколение подобно дикой траве, которая нарождается каждой весной, обновлялся кочевник, прорастая, закаляясь, оставляя крепкое потомство.

Подъезжая к историческому месту, приятно был удивлен тем, что у маленького придорожного аула Жидебай сохранились жалкие, изрядно потрепанные ветром, обглоданные скотом, деревца джиды, давших название урочищу.

У МАВЗОЛЕЯ

Остановились около усадьбы с большим одноэтажным домом азиатского типа: плоская крыша, окна с овальным сводом смотрели сквозь голые ветки вязов, тополей и кленов. Асфальтированной дорожкой идем к мемориалу, расположенному метров за четыреста от усадьбы. По обочинам высокая, битая непогодой трава, кусты чингиля, усеянные гремящими на ветру коробочками. От этого своеобразного пустоватого шороха чингилей прибавлялось скуки и печали. Мемориал, окруженный степ-

ной равниной, при приближении быстро выросстал. Нет здесь ни кленов, ни дубов, как у могил его современников Некрасова, Тютчева, лишь сухие колючие травы да немереный простор... Мавзолеи стояли словно на старте ракеты, нацеленные в звездную вечность:

*Вблизи Чингизских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами;
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.*

*И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы.
Цветы желтеют грустно,
Как отравы...*

*Вблизи Чингизских гор его могила.
О. Сулейменов, 1962.*

И хотя ветер не унимался, казалось, что на какое-то время над степью повисла гнетущая тишина. Белые, слегка отливающие нежным сиреневым цветом мазары в этот час молча и грозно возвышались среди темнеющих далей, навевая тоску. Только просветлевший над горами Уортау уголок неба светился далеким пещерным огнем и там дальше еще солнце тонуло в розовом пожаре заката. В белых прядях войлочных облаков догорали багровые и оранжевые огни, обещая следующему на завтра ветер, и только ветер...

Лишь оказавшись рядом, можно оценить всю мощь и грандиозность уникального мемориала. Красно-коричневая гранитная цитадель «фундамента» по периметру протянулась на сотни метров. В каменной коробке метров пять высотой за ажурной кованной дверью – центральной вход. За мраморным амфитеатром ступени вывели наверх на площадку и мы оказались около мощных конических сооружений; с правой стороны от входа возвышается мавзолей Абая тридцати восьми с половиной метров – ровно столько, на сколько подняты стены московского Кремля. Совпадение? Случайность? Если последнее, то это сим-

волично: нить, связующая великое на Руси и в Казахстане, едина. Значит, мемориалу стоять гордо и красиво многие-многие лета...

Под сводами ребристого купола до лакового лоска отполировано гранитное надгробье с надписью на арабском языке:

*Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий – девушкой немой?
Воздушным льдом – пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?*
Абай, 1898.

И сам же поэт как бы отвечает:

*Можем ли мы человека умершим назвать,
Если оставил в наследство он мудрость
бессмертную слов?*
Абай, 1895.

Слева от надгробья Абая – другое, поменьше, брата его Оспанана. Не исключаю, в честь его названо в долине Жидебай озеро «Оспан». Хотя возможно и обратное: географические названия на этой земле часто имеют очень давнюю историю. Или это тоже совпадение? Но и в том, и другом случаях «Оспан» на казахском означает «Небо».

Отражающее небесный свод озеро с каждой весной полнится тальми водами; берега обрастают сочной зеленью и озеро обзаводится множеством околводной и водоплавающей дичи. Бурлящая жизнь озера не была не замечена поэтом:

*В голубых небесах – певчих птиц голоса,
На озерах по заводям – крик лебедей.*
Абай, 1890.

Но со середины лета, ближе к осени, степные озера по всей степи Сары-Арка пересыхают. На их местах остаются ослепительно белые соляные коркаи. Такова природа соров – озерных солончаков. Берега высохшего озера становятся пустынными и вместо голубой плескучей воды стоит мертвая белизна, издали напоминающая приземлившееся облако.

Оказавшись в долине Жидебай, испытываешь средоточие тишины, которая наваливается тяжелой глыбой гнетущих воспоминаний о прошлом этой земли. Пожалуй, это самое грустное место на земле.

Стремительно опускались сумерки. Нам хотелось еще до наступления темноты осмотреть весь мемориальный комплекс. Но солнце уже коснулось горизонта и ветер улегся. Тишина, вязкая тишина повисла сразу же над притихшей долиной. Тишине тоже хотелось, видимо, успеть сказать что-то свое, особенное. Синий сумрак в союзе с тихой печалью и горьким духом полыней растекался в совсем потемневший степи. Небо же играло и переливалось чистыми и холодными красками:

*Глянуть прямо на солнце – болеть слепотой,
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом, шатер золотой.*
Абай, 1890.

Было чувство глубокой одинокости. Оно с нами бродило, сжимало сердце, вселяя смятение и тревогу, непроходящее удивление: «Как мог этот великий человек в неподдающейся осознанию однообразной безмерности увидеть, уловить столько, сколько до него это никому не удавалось?». Ответа на этот вопрос никогда не найти. Без ответа остаются и другие вопросы: «Как сумел он, Абай, подняться до таких высот, чтобы мысли и слова его стали достоянием всего человечества?». Это он – «...миру давший бессмертные слова...».

Абаеведы объясняют этот феномен просто: поэт, мол, с детства дружил с поэзией Востока, работал над переводами стихотворений Саади, Фирдоуси, Хафиза... В молодые же годы многое впитал от Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя... Изучал и знал философию Запада... Но разве мало талантливых и образованных людей, которые также были начитаны, знавали также науку и философию? Но Абай – один! Только его язык стал на многие лета образцом литературного казахского языка.

ЖИДЕБАЙ – МЕСТО НА ЗЕМЛЕ ГРУСТНОЕ

Мы у склепа, где покоился прах человека, о котором скажут: «Абай постигается». Абай преломляется в сознании подобно всякой вершине, штурмуется с тем, чтобы читатель вобрал в себя всю его многогранность, весь масштаб того, кто «человечность ставил во главу». Его ученик тоже скажет: *«Он ро-*

дился в ничтожной среде и прожил унижительную жизнь» (Шакарим, 1914).

Чем больше вдумываешься и вглядываешься в то время, когда жил здесь этот светоч мысли, тем грустнее становится за то, что время не уберегло гиганта мысли. Давно известно, что путь художника, великого художника, всегда не прост. Чем больше и значительней имя, тем трагичнее его путь к вершинам. Мыслитель отвечает за свой народ, или даже весь мир, хотя и борется всегда в одиночку. Абай так же, взлетев на вершину степного Олимпа, оказался чужим и непонятым в водовороте полудиких нравов и традиций собственного народа.

Жидебай – грустное место на земле.

Грусти прибавляется, когда узнаешь, что жизнь его постоянно калечилась: многие годы он оклеветанный и опальный... Не понят, не принят... Казалось бы, кое-чему народ учится у истории. Ну хотя бы уважать тех, кем потомки будут гордиться, чье имя будет стоять на переднем плане славы в истории народа. Но, как и прежде, так же все продолжается... Нет, ни трагическая история, ни самая умная литература ничему нас не учат.

Похожими были судьбы Шакарима и Ауэзова. Весь бытующий позорный «сальеризм» пережили почти все гении и таланты. Вспомним Пушкина, Лермонтова, Достоевского, нашего зем-

ляка Павла Васильева, итальянца Гарсиа Лорку... Разве счесть число всех жертв и всех павших... В нашу просвещенную, казалось бы, эпоху все прокручивается по старому сценарию и все еще «судьба» играет в жестокие игры с людьми достойными. Аксиома известна: пройдет время, и оно все расставит на свои места. Но, увы, для тех, кто прошел через все это, как Абай и его последователи, это уже ни к чему – поздновато оно приходит.

Безветрие в тот вечер было недолгим. В этот короткий час, тот самый неуловимый миг, когда день уходит в прошлое, вдруг снова ветер вспугнутой птицей взмахнул крылами и закружился, как сумасшедший, над сумрачной далью. И вновь рука незримого музыканта пощипывала упругие стебли чия, которые звенели, словно струны, и степь опять напевала древнюю свою мелодию.

МАВЗОЛЕЙ «ДИОГЕНА»

С трепетом и волнением я подходил к мазару Шакарима – поэта и философа, этого самобытного, загадочного, как сама степь, свободного, не покоренного, как ветер.

«Шакарим – лучший ученик Абая, – сказал М. Ауэзов. – Таких поэтов было четверо. Двое из них – Акылбай и Магавья – сыновья Абая, остальные двое – это Кокпай и Шакарим».

Многогранность его могучего таланта до сих пор не до конца вычислена литературоведами. Колодец его мудрости еще не испит и ждет своего часа. Он первым был из тех, кто осилил преграды средневековых границ, которые, словно тени, преследовали в неудачах каждого переводчика. Шакарим первый справился – он успешно перевел Пушкина и Толстого, передал свойственный им художественно-эстетический накал классических произведений. Освоив художественный опыт великих русских писателей, он сполна передал их духовный мир, сочно и образно. В результате переведенные им произведения как бы обрели самостоятельную идейно-эстетическую ценность. Такое под силу только владыке художественного слова, каким и был Шакарим. Он шел по следам своего друга и учителя – Абая.

Этот великий мыслитель тоже родился не в свое время... Он также не был понят, не был принят своими же современниками. Это они предали поэта, а потом на многие годы «забыли».

Два опальных, два кровных певца и философа были связаны не только родственными отношениями, но и всеми превратностями и невзгодами немилосердной судьбы: им пришлось продира́ться сквозь мрак и дебри средневекового невежества. Оклеветанный и униженный Шакарим был расстрелян, рукописи его уничтожены... Но его дастаны память народная сохранила.

Конический купол прежнего мавзолея, построенный из кирпича-сырца, теперь облачен в беломраморный саван мазара.

К нам подошел невысокого роста, с открытым лицом мулла Турдыгали Мухашев. Он охотно поведал о том, как шло строительство мемориального комплекса; рассказал, что мрамор везли с Западного Казахстана – с Мангыстау; камни для фундамента собирали в ближних горах... Мемориал по размаху и грандиозности не знает аналогов во всей Великой степи. Это ли не признание национальных героев...

Для души нет предела совершенства: Шакарим всю жизнь, как говорилось, следовал стопами своего учителя, единственным путем, благодаря которому открывал мир науки, литературы и искусства. Владая девятью языками, он упорно продолжал изучать русский, арабский, турецкий, персидский, постигал знания

по географии, истории и другим естественным наукам – физике, риторике, музыке... Философия открылась ему в бессмертных трудах Канта, Шпенгауэра, Платона, Спенсера... Но самое любимое занятие – изучение фольклора и литературы – русской, восточной, европейской. Поэт утвердился в мысли: главной наука – наука совести, которой нужно учить с детства. Эта тема была главной в поэзии его учителя и в книге Шакарима «Три истины», над которой он работал почти три десятилетия.

Под тяжелой гранитной плитой – прах истинного мусульманина, совершившего хадж в Мекку и Медину. Тяжелое надгробие «хранило» и «согревало» холодом вечности посетившего в свое время Турцию, Францию, ходившего в Аравию. Он один из тех, кто жил здесь, на этой земле, отважился с риском для жизни отправиться в далекое и опасное странствие. Он жаждал знаний и черпал их из колодцев мудрости – крупнейших архивов мира – Стамбула и Парижа.

Просвещенный отец, пребывая в кругу соплеменников, погруженных в летаргический сон спящей степи, вооруженный языком правды, также оказался чужим среди своих. Но назад пути не было. Взлетевший однажды, должен лететь дальше либо больно упасть...

Шакарим, пребывая в отчаянии, осознавая свое положение, решает покинуть общество соплеменников и с этого времени ведет отшельническую жизнь, поселившись в горах Чингизтау. И он, «Степной Диоген», в последние свои годы ютился не в бочке, а в саманной кибитке у родника.

В наше время от его жилища сохранились лишь небольшие руины – останцы разрушенных временем стен да разросшийся около родника куст чингиля. Время разрушает и возрождает: тот самый родник, который утолял жажду утомленного жизнью поэта, в котором он омывал лицо и руки, тоже «постарел»: полуживой, обратился в жалкую лужицу...

Останцы его жилища были свидетелями непрерывного творчества поэта. Шакарим был на редкость, до удивления, верный и преданный своим идеалам. Через всю нелегкую жизнь, полную лишений, труда и отчаяния, в своем сердце он пронес лю-

бовь к своему народу, к учителю и к единственной возлюбленной. Поэтому имя его достойно стать символом верности и любви. До последнего вздоха поэт посвящал ей, любимой, свои бессмертные стихи:

*Не стало истинно влюбленных,
Их больше нет среди живых...
Всегда хранил я правду века,
Встречал достойных я порой,
Но где найдешь ты человека,
Что сердце отдал лишь одной?*

Поэзия опального поэта полна отчаяния и ностальгической тоски: взгляд в прошлое печалил взор мыслителя. В «ненасытном желании счастья» он постоянно искал утешения, полностью отдаваясь только творчеству. Поэтому стихи направлены на постижение совершенства, на приобщение к общечеловеческим ценностям.

Тема любви, которой, как божеству, поклонялся, стала основной в поздних произведениях. Она с присущей ему силой прозвучала в таких знаменитых поэмах, как: «Енлик – Кебек», «Лейли и Меджнун», «Калкаман – Мамыр»... Академик К. Сатпаев эти произведения считал «Наиболее значительной гранью творческого наследия Шакарима Кудайбердыева».

Как историк, исследователь, одержимый исследованиями этнического происхождения казахского народа, он написал книгу, в которой сумел дать ответы на многие вопросы о «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (Шакарим, 1911 г.).

Постижение культуры, науки, жизненный опыт поэта сыграли важную роль не только в его жизни, но и в научных исканиях и художественном творчестве: он – автор целого ряда научных трудов, рассказов, романов, басен, афоризмов, загадок. Шакарим, как и его учитель Абай, – пропагандист русской классической литературы. Он создает переводы в стихотворной форме на родном языке широко известных повестей А.С. Пушкина «Дубровский» и «Метель». Также увлекался переводами произведе-

ний Л. Толстого, с которым переписывался и считал его своим учителем.

Шакарим всегда призывал свой народ шире смотреть на мир, и прежде всего приобщаться к русской культуре и науке, сравнивая их с чистым источником, с полноводной рекой. О поэзии Шакарим писал:

*Но разве я не настоящий царь?
Мои войска – ряды стихов моих.
Стихи бессмертны и теперь,
как встарь,
И все переживет правдивый стих.*

Вслушиваюсь в сумрачную тишину, что затаилась под сводом купола мавзолея поэта-мученика: вокруг витала все та же печаль и все та же, ожидающая первых снегов, безмолвная степь, потемневшая, как лежалая овчина. И как не удивляться, что от нее, такой прозаической, протянулись лучи света ко всем людям мира...

Мавзолей Шакарима несколько меньше абаевского: на тридцать семь метров поднялся он в высоту. Не высота, не размеры определяют истинное его назначение.

Разве похожи Солнце и Луна?

Около Шакарима находится надгробье Абдрахмана, которому ветренная Геба пообещала вечную юность – умер «талантливый сын» всего лишь на двадцать седьмом году. Ему бы только раскрыться, только творить... Все здесь наводит на грустные размышления. Словно проклятье стояло над «золотой» долиной Жидебая. И в этот вечерний час, казалось, весь мир на время оглох: исчезли звуки и шорохи, над Жидебаем в скорби склонились века. Мавзолеи белыми птицами неустрашимо плыли над просторами, сквозь времена. Как два колокола, они звонят о смутном времени прошлого.

Здесь каждая секунда, каждая мысль, каждое слово звучало, кричало и отзывалось болью в висках. На памяти вновь горькие отцовские слова:

*На двадцать седьмом году
Мудрый мой Абдрахман угас.
Люди добрые, где найду
Столь достойного среди нас?*

*Редкий сын был мне богом дан...
«Умереть от горя нельзя», –
Говорят, у нас Абдрахман...
Это – правда: не умер я.
Абай, 1895.*

Отсюда, с насыпного фундамента мемориального комплекса открывалась необъятная ширь потемневшей степи, серой кошмой стелилась она до черных гористых горизонтов. Унылой песней кочевника звучала ее тишина и небо все тихой печалью, но все равно куда-то упорно звала. На сердце было тревожно... Между божественными небесами и осенней степью, как меж двух полюсов, стояло глубокое напряжение. Здесь столкнулось прошлое и настоящее: мудрость великих и земная греховность простых обывателей.

Охваченные отсветами умирающего солнца вершины гор, окружением вставшие по горизонтам долины, горели теперь тихими сиреневыми огнями заката. Над Жидебаем в льдистых небесах застыла феерическая картина величия мира... Последний угасающий луч еще задержался на беломраморных куполах, взметнулся и розовой птицей присел на вершину лиловой Тау-Хан, и только после погас. Над степью, отходящей ко сну,плыли тихие сумерки, прошитые зыбкой синевой. Потянуло холодом. Ветер вновь набирал силу, становясь все более жестким...

Кто-то из литературоведов, помню, сказал: Шакарим, мол, родился «в свое время»... Согласиться с этими доводами, как кажется, невозможно: в «своем» времени он не нашел себя, не был признан своими людьми... Капризная, гибкая ветвь судьбы его оказалась совсем неблагоприятной. Достаточно только вспомнить хотя бы стихотворение, посвященное «Габидолле», где Абай сказал о себе как о человеке, не ко времени родившимся. Так и Шакарим, своей

мудростью и своими действиями опередивший сознание своего народа. Уж очень стремительно забежал он вперед времени, оказавшись далеко впереди своей эпохи. О таких, как он, говорят: они видели звезды днем не только в глубинах колодца.

Имя Шакарима «забылось» на многие годы. Но настало время, когда над степью были открыты новые горизонты истории. Все, как говорится, встало «на круги своя»: Жидебай обрел статус святыни. Учитель и Ученик, два мавзолея... Оба, как две звезды, как два крыла, взметнулись над безликой, бездушной равниной, а время навсегда спаяло их силой и неугасающей памятью родного народа.

*Подснежник ранний, ветреный и нежный, –
Ему еще неведом путь земной,
Пустился в рост в надежде безмятежной
Перерастаи деревья над собой...
И приняла осенняя земля
Сухую степь не выше ковыля...*

*Ты тоже был исполнен нетерпенья,
Достичь того, что виделось вдали,
Но пыл иссяк, погасло наважденье, –
Морщины сплошь чело пересекли.*

Абай, 1897.

Строки эти написаны Абаем, но они в полной мере относятся к Шакариму.

В СИЯНИИ ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

Коридором еще пустующего отдела музея, где будет представлена древняя письменность, спускаемся к выходу. Проходим через небольшой мощный гранитный амфитеатр. И как во времена древних эллинов народ сходил для зрелищных турниров, здесь тоже происходят жаркие схватки акынов, поэтов, сказителей, жирау, проявляются лучшие человеческие качества – великодушные и доброта, нежность и мужество, талант и мастерство нашего времени.

Мы знаем, что поэзия высоконравственна и откровенна, у нее «...нет старости, нет страха перед будущим...» и каждый поэт, млад или стар, становится прорицателем и кудесником.

Покидая мемориал, прикасаемся к земле, взятой с могилы Абая, лежащей в чаше красного гранита. Чаша – под стеклянным куполом в центре входа в мемориальный комплекс.

Сумерки с осенней поспешностью и жадностью поглощали краски долины. Уже за воротами мемориала мы пошли под своды четырех столь же белоснежных, «спяянных» вместе, каменных «шатров». На их вершинах красовались острогоргие полумесяцы.

– Это мечеть. В ней, – как пояснил мулла, – во время молитвы упоминаются имена главных девяносто девяти святых.

Меня давно интересовали те числа, где фигурировали только девятки. И вот слышу магическое число с цифрами «девять». На это, стало быть, священное число с древности делался особый акцент: например, во время предсвадебных церемоний в присутствии сватов жениху показывали приданое, состоящее числом из «девятки»: девять ковров, девять женских платьев, девять халатов, девять рубах. У богатых цифра эта увеличивалась в десять раз – счет шел уже на многие десятки овец и отдавалось не девять, а девяносто штук.

В такой же кратности назначался приз для победителей на скачках – в байге: к примеру, девять лошадей или назначались призы в девять ямбов серебра, девять верблюдов, девяносто лошадей и девятьсот баранов. И вот в мечети слышу о «девяносто девяти святых!?!». Оказывается, у древних тюрков и монголов число девять считалось священным. Фигурировало оно в древней интеллектуальной настольной игре, которая называлась «тогыз кумалак» или «девятка». В основу этой игры ставились числа 81 (9x9) и 162 (2x9x9), то есть было положено число девять.

Мы вошли под сумрачные своды мечети. Полы застланы коврами... Присели на корточки: зазвучала заунывная монотонная молитва «нашего» муллы...

Мемориал покидали уже когда на узкий окаем неба выплеснулись сиренево-бордовые краски, а в небе блестела первая звезда. Белоснежное одеяние пирамид все еще источало нежно-ро-

зовый свет, хотя в вертикальных складках их саванов отчетливо видны иловые тени:

*Когда удлиняется тень
И закат прохладно-багрян,
И, время окончив, день
Шагнет за дальний курган.
Абай.*

Относительную тишину степного «вечера» вдруг нарушил звонкий, похожий на плач, голос пищухи – маленького замечательного создания. Посвист зверька похож на трель птицы – звонкая, отрывистая и чуть-чуть печальная. Когда перекликаются пищухи, они, кажется, выплескивают все накопившееся горе и отчаяние. От их звонких голосов в этот час прибавилось грусти...

ЧЕТЫРЕСТА ШАГОВ

Навалившаяся тяжесть впечатлений во время нашего знакомства с мавзолеями долго еще не оставляла нас. Да и как иначе, если такой человек, заслуживающий только уважения, почти всю жизнь прожил в окружении непокоя и постоянных тревог. Но он всю жизнь шел своим столбовым путем. Он вел за собой народ, но сам шел в одиночестве. Творчество и любовь, на какую он был способен, посвящены только им – простым людям. Всю свою боль он выплеснул в стихотворении «*О, казахи мои, мой бедный народ!*». Великий человек Великой степи звал соплеменников в мир большого просвещенного Человечества. Однако, как знаем, его голос остался не услышанным. А он, как свойственно тем, кто приносит себя в жертву, как горьковский Данко, освещал кровоточащим сердцем путь к свету и знаниям, к совести... Шел он, раздвигая силой интеллекта, невежество средневековья и мракобесие. И потом уже целых три года, когда стал волостным управителем, пользуясь должностными привилегиями, стремился добиться одного-единственного – хотя бы просвещения народа. Но сытых и ленивых феодалов только раздражала гуманная и просветительская деятельность Абая. Они тоже

старались, но творчество их было направлено на то, чтобы строчить клевету и доносы.

Однако память людская оказалась выше клеветы и крепче самого гранита. Потомки скажут потом: «Первый поэт казахов – Абай Кунанбаев. Ни в раннем, ни в позднем периоде истории казахов неизвестно имя поэта, превосходящего его по величию духа» (А. Байтурсынов).

Абай был тот самый, о ком говорят, что он «поцелован Богом»: и разве не так, если сумел всколыхнуть, растревожить конфликтную степь... Природный ум его, молодого еще юноши, с присущей жадностью сполна испил из родников народной духовности все главное – доброе и вечное...

Учителей не было, были образованные друзья... Работа над собой. Самообразование – его надежные университеты: самостоятельно постигал Абай культуру Востока: творчество Фирдоуси, Навои, Саади и других. Он – ученик шаиристов и в равной степени восприимчив к русской и западноевропейской литературе в лице Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гете, Байрона, Дюма. Он самостоятельно осилил философию Бокля, Милля, настойчиво занимался самообразованием, постигая арабский и персидский языки. Уже к двадцати годам сумел прославиться как блестящий оратор, вдумчивый, справедливый и рассудительный... Он полностью оправдал свое имя, которое могла дать только так любящая его мать. К своим сорока посвящает он себя творчеству и за оставшиеся еще девятнадцать лет создает оригинальные поэмы, стихи. В эти годы много работает над переводами произведений русских классиков и одновременно пишет такие бессмертные философские трактаты, как «Слова-назидания».

Проницательность и неустранимость переполняют все его произведения. Сопричастность к происходящему болевим нервом пронизывает каждое стихотворение. Каждая строка блистательна, отточена до полного совершенства. Каждая – сама мудрость. «Слова» его стали библейскими заповедями степного народа. Глубокая философская мысль, афористичность и лаконичность некоторых строк приближены, на мой взгляд, к арабским четверостишиям – рубаи, которым в совершенстве владел бессмертный персидско-таджикско-

кий поэт и философ Омар Хайям, написавший их почти тысячу лет назад. Поэзия нашего земляка стала великим национальным праздником его эпохи. Настоянная на зрелых и перебродивших идеях, она несет нечто высокое, общечеловеческое. Размахом и глубиной своей она раскрыла неуловимые тонкости и прелести в жизни и культуре степного народа.

«Зима не без мороза» говорит старая русская пословица. Не бывает, как показала жизнь и вся история человечества, чтобы гений не испытал на себе яда «сальеризма». Великому таланту как бы самой судьбой предначертаны великие испытания. Поэтому путь каждого художника и мыслителя в этой жизни не прост... И существует неписанный закон: чем значительнее личность, тем сложнее и трагичнее ее жизненный путь. Так уж «задумано» где-то на небесах. Художник в своей жизни отвечает за все, что его окружает. Он всегда бьется в одиночку, но судьба его индивидуальности остается глобальной. И всегда найдутся противники и завистники, рожденные под звездой Сатаны. Они были, есть и останутся, как инфекция... Ненависть, клевета и предательство – главное их оружие. И нет, как считают на Востоке, большего греха, как предать учителя, который хоть в чем-то однажды помог... И дабы не потерять след, не сбиться с пути, следуя за библейским кумиром Иудой Искарриота, они не теряют ни желания, ни надежд на укрощение воли и духа художника.

Все это было с Абаем, все пережил Шакарим, испытал это и Мухтар Ауэзов. Однако удары судьбы не сломили их. Абай сумел удержать два конца времени, сумел соединить прошлое и будущее. «Слова» его и поэзия навсегда останутся неугасающим пламенем на сквозняках истории. Они, как эти надгробные пирамиды, обрели вечность и будут веками сиять самой яркой звездой.

Поэзия, его мировоззрение, энергия проповеди соединены беспощадной исповедальностью. А книга «Слов» его наполнена стремлением пересоздать и улучшить мир. Абай писал: «Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам...». Его творчество, как все истинное и откровенное, притягательно. Оно плодотворно рождает последователей и подвижников. Известный наш писатель-земляк Калихан Искаков на свои деньги

издавал его произведения. А организатор первого музея Абая А. Букейханов стал одним из первых основателей абаеведения: «Еще не было казахского поэта, так возвысившего духовное творчество народа», – писал он.

Дорогой жизни великого поэта пошел М. Ауэзов, создавший эпопею «Путь Абая», в которой отразил не только личную жизнь поэта, но и создал яркий «фильм – живую модель» полнокровной средневековой жизни кочевника центрально-азиатской степи. Другой наш земляк Ролан Сейсембаев широко, с большим знанием дела занимается пропагандой творчества Абая за рубежом: в Лондоне он создает «экзотический» музей Абая.

Абай, его произведения – пирамида северных широт, возведенная интеллектом и вставшая на все века над горизонтами казахской литературы. И только теперь наступила эпоха признания гения: оживлены родники его творчества. Они превратили его в единый мощный литературный поток абаеведения. Достаточно сказать, что каждый год проводятся в городах, и обязательно в самом Жидебае, состязания поэтов, айтысы, научные семинары, литературные вечера и празднества, посвященные нашему земляку.

ДОМ В СТЕПИ

Одиноким ковчегом в бескрайней степной шири на легкой волне возвышения стоит дом, построенный по проекту самого Абая.

От мемориала той же тропкой возвращались к этому дому – «живому» свидетелю, пришедшему из XIX века. В той стороне, где только что погасло солнце, небосвод уже сверкал крупными одиночными звездами.

Здесь все, как казалось, шло своим чередом: как и сто лет назад, в доме светились окна и на ветру полоскали листьями тополя, вязы, березы. Ожидалось: залают собаки, откроются двери и в дверном проеме появится фигура поэта с крупной головой. Он весь внимательный, с тревожными глазами: поздоровается и пригласит нас, незнакомых из XXI века, в свое, прошлое время.

Мы заходим под своды плоской крыши большого степного дома. Прихожая с высоким потолком, стенами, вымощенными камнем. В доме все так же, как при живом хозяине, все «живое», настоящее. Словно Абай ненадолго вышел и с минуты на минуту окажется дома, и поэтому в этот вечерний час стояла напряженная, ожидающая хозяйина, тишина.

Пришли нас любезно сопровождающие – директор и научный сотрудник музея Гульсара Кусаинова. Несмотря на ночь, она приехала, чтобы рассказать как можно больше о жизни Абая. Но какими бы ни были слова о жизни хозяина дома, какие бы не употреблялись сравнения и не назывались факты, они, увы, остаются лишь символами и, естественно, не могут передать настоящее, теплое. И сто лет назад жилой дом лишился души своей... Теперь это дом-музей. И, пожалуй, надобности такой нет во всех подробностях рассказывать о нем, нужно просто побывать здесь, как говорится, лучше один раз увидеть, чтобы полнее соприкоснуться ко всему, чем жил и дышал Абай. Лучше своими глазами оценить, как и где работал этот великий человек. Предметы быта и все прочее, что окружало его, сами способны теперь рассказывать о нем. Все – посуда, одежда, мебель – интересно, все самобытно. Но есть «деталь» в его рабочем кабинете – простенок у окна, как книжный шкаф, набитый до отказа старинными фолиантами, и это впечатляет. От книг и исходит особый аромат времени... Многие из них изрядно поизношены. Некоторые хорошо сохранились и блистают, как новые,

«золотом» тисненных названий. Все эти увесистые тома изданы в середине и конце XVIII – начале XIX века. Это Лермонтов, Толстой, Некрасов. Сразу же на память приходят момент встречи Абая с Михаэлисом и момент, когда через месяц после знакомства Абай собрался уезжать из Семипалатинска в аул. Евгений Петрович подарил ему в тот раз некоторые из этих книг. Широту интересов собранной библиотеки характеризуют также книги по всеобщей истории Европы и Востока, по географии, которые Михаэлис советовал своему другу непременно прочесть.

У окна большой, обитый зеленой фланелью, тумбовый стол, стул, типичный для господских домов того времени. В двух комнатах в глаза бросаются голландские печи, обитые жестью, окрашенной в черную краску, и на полу у печи – большие серебряные самовары – подарки друзей. Они, как известно, время от времени навещали Абая. Это упомянутые уже Михаэлис, Долгополов, Гросс... Сейчас их фотографии висят рядом и сразу, как только зайдешь в прихожую дома-музея, на тебя смотрят со стен их благородные лица.

На круглом напольном столике привлекают внимание самодельные шашки на самодельной игровой доске. Вместо пешек – окрашенные в красный цвет надкопытные бабки от мелких барашков. Те самые, которые в народе называют «альчиками» или «асыками». Прежде их использовали во время разных народных и детских игр. Обычно асыки ставились на кон вместо денег.

В гостевой зале, где Абай принимал друзей, все обставлено по-восточному: никакой мебели, на стенах и на полу только ковры. Видимо, беседы и деловые разговоры проходили сидя и полужа на коврах среди подушек.

Побывать на родине Абая – моя давняя мечта. Однако в памятные дни торжества, посвященные великому поэту, мне это не удалось. И вот сейчас при искусственном освещении несмотря на беглый осмотр жилища молчание того времени, тишина и уют, стены и утварь красноречиво рассказывали о жизни удивительного человека. Иногда казалось, что рядом, в другой комнате, находится он – Сам, сыновья, жены... Ждешь, – всколыхнется занавес, скрипнет дверь и выйдет он, настоящий... Но стены

молчали, сияли блеском камня в седлах для женщин, ветер уныло гудел в трубах... Все, как всегда, как при его жизни. И подумалось: дома-музеи следовало бы посещать не только в светлое рабочее время, но и в вечернее, как это удалось нам. В вечерней обстановке, когда воздух по-домашнему становится плотней, отблески зажженных огней отражают бокастые самовары, а за занавесками, в углах, в тиши сеней прячутся тени, когда кажется, чьи-то глаза внимательно наблюдают за тобой, тогда приходит особое ощущение реальной жизни. И по-иному все воспринимаешь под куполом ночного неба, когда перед окнами степного дома останавливаются искристые звезды и насвистывают шквальные ветры.

АТРИБУТЫ КОЧЕВНИКА

Каждому, кто знаком с бытом и жизнью степного кочевника, невозможно представить юрту, на стене которой не висел бы любимый народный инструмент – домбра.

Казахский народ по своей природе отличается особой музыкальностью. В их кочевой жизни зарождение музыкального творчества начиналось с таких струнных инструментов, как сыбызгы, кобыз, домбра, шан, дабыл... У каждого из этих старинных

инструментов свой, особенный звук, как говорится, своя душа. И все они по устройству удобны при кочевой жизни, и в изготовлении сравнительно просты.

Абай тоже был очень музыкальным, он не только играл на домбре, но и сам, как мы знаем, занимался музыкальным творчеством, обогатив музыкальный клад своего народа собственными сочинениями. Поэтому не удивительно, что на стене в одной из комнат его дома висел кобыз. Глядя на этот инструмент, вспомнилась старинная легенда о юноше по имени Коркут, стремившегося к бессмертию. Он искал его всюду и во всем. Однако куда бы не обращал он свой взор, там были только следы смерти.

Но однажды ему во сне явился ангел и дал совет, как сделать музыкальный инструмент кобыз. «Коркут, – сказал он, – возьми голень шестилетнего верблюда, обтяни его кожей одногорбого верблюда, установи вверху подставку из рога темно-рыжего козла и натяни струны из нескрученного конского волоса от жеребца-пятилетки и тогда ты будешь обладать дивным инструментом».

Коркут выслушал совет: из дерева ширгай он выдолбил первый кобыз, натянул на него и на смычок струны и заиграл. Чудные звуки созданного им инструмента пленили сердца даже самых зачерствелых людей. Они разбудили в них нечто доброе, высокое. С тех пор по земле и стал странствовать кобыз. А имя Коркута обрело бессмертие. Оно навечно осталось в сердцах людей.

В толпе с кобызом пели и с домброй...

Абай, 1887.

Поэзия Абая, можно сказать, сравнима с судьбой Коркута и с историей кобыза, потому что с древних времен поэты и поэзия были особопочитаемы на Востоке. Но все-таки в музыкальной культуре казахов более широко распространена и более любима домбра. Изготовление ее тоже не менее оригинально и доступно в условиях степного быта. Струны для домбры обычно готовились из кишок коз или баранов. Однако лучшие, более певучие, издающие чистый звук, изготавливались из кишок сибирского козла – тау-теке.

Домбра, как инструмент, пришла к кочевнику со времен распространения тогда шаманизма, когда главенствовал бубен – дангара. Название частей домбры сравнимы с одушевленными существами. Видимо, потому, что древними домбра не только почиталась, но и одушевлялась. Поэтому в ней многое, соответственно, есть от человека, например, грудь, шея, уши... За истекшие века инструмент прошел разные этапы своего совершенства, пока не стал таким, каким мы его теперь знаем. Однако стало известно, что наряду с привычной и самой распространенной двухструнной домброй были и домбры трехструнные. Естественно, исполнение музыкальных произведений на таком инструменте требовало совершенно других навыков. Трехструнная домбра – очень большая редкость. Всего-то известно их две или три, и вот одна – на стене в доме Абая.

«Корпус» домбры обычно выдалбливался из цельного куска дерева. В 1885 году в одной из пещер Абай и его друг Н. Долгополов вместе с такими инструментами, как кылкобыз и асатаяк, обнаружили «трехструнку». И вот эта редкая находка висит на стене. И всюду вещи, к которым прикасались руки Абая. Дух старины витал в каждой комнате, в каждом углу. У стен стоят деревянные кровати, головки и боковины которых инкрустированы резной костью. Тут же украшенные серебряной чеканкой и драгоценными камнями дорогие женские седла, которыми пользовались жены Абая. Другие украшения отражали не только роскошь в доме, но и мастерство и вкус того времени.

В этот холодный осенний вечер нам будто пришлось побывать в старинной сказке: увидеть и прикоснуться к тому, чем жил Абай.

АЙТЫС

Если уж пришлось говорить о национальных, народных инструментах, кстати бы и вспомнить о наиболее распространенном самобытном творчестве, присущем казахской степи. Речь пойдет о древнем музыкально-поэтическом искусстве казахов – «айтыс», который многие столетия назад имел место в творче-

стве тюркоязычных народов. Чтобы получить представление об этом виде широкораспространенных в жизни народа состязаний, нужно самому побывать на них и своими глазами увидеть и услышать, как это происходит, когда становишься свидетелем необычно горячих, летучих схваток, сжигающих немало сил и требующих таланта, который, подобно короткому замыканию, бьшует между акынами. Акын – не просто певец: в одном лице сразу состязаются поэт, музыкант, импровизатор, острослов; он же, как часто бывает, критикан и дерзкий циник с душой глубокого лирика, полной нежности и невыразимой любви.

Без турниров, в которых участвуют поэты и музыканты, представляющие особый сплав, дающий право называться «акыном», нельзя и представить ни одного народного праздника или торжества. Без айтыса казах, как без домбры, как всадник без тулпара. В кипящей крови кочевника всегда жила мечта о полете, о красоте, о справедливости и силе, и тогда приручил он сокола, долгие месяцы и годы для охоты, для полета души воспитывал орла. И только потом обзавелся семьей и юртой. Древний кочевник, что волк морской, он – странник. Степь его, как море, где мыслям – простор и вольному – воля. Здесь зарождались его удаль и лихость, а с ними пришла песня. И вот, закусив удила,

быстрее ветра мчался всадник на тулпаре, и от восторга полета, от силы и скорости рождалась песня, которая рвалась из груди, как птица, а вырвавшись, кружила, летела над степью. Каждый надеялся на удаль, на скорость коня. Такова, как кажется, природа казаха. Весь мир – это степь его, а сам, как перекасти-поле, в постоянных кочевьях, потому что рожден под звездой вечного странствия. Степь же была и оставалась его радостью и проклятьем. Потому он кочевник, что не было у него постоянного дома, а были степь и могилы предков, оставленные на древних путях, одинокие в ее безмерности...

Отсутствие архивных летописей культурного наследия казахов на долгие годы оказалось под снежком забвения, что наводило на мысль о бездуховной жизни степного народа. Однако все народное, и творчество тоже, неистребимо: подобно траве весенней, оно обновлялось, с каждым поколением передавалось из уст в уста. А у народа память очень крепка. И что бы не выдумывали фальсификаторы от истории, как бы не изошрялись, не старались ее стереть с полотен истории, народ хранил и будет хранить наследие прошлого. Потому и остались жить до нашего времени эпосы, кюи, жырау...

По крупнице, по зернышку народный фольклор восстанавливается заново. И один из них – айтыс. В домбровой культуре казахов исторически сложились две исполнительские линии – на западе Казахстана господствует «токпе-кюй», у нас на востоке – «шертпе-кюй». В первом внимание уделяется состоянию души человека, окружающей его природе. В Восточно-Казахстанском крае господствует еще и другое исполнение «шертпе-кюй» – «эн-кюй». Однако с давних времен самым любимым остается «желдирме-кюй» Абая Кунанбаева:

*Песня умная нежно ласкает, как пух,
Песня глупая режет мучительно слух.
Есть мелодия, что, как слова мудреца,
Пробуждает и лечит возвышенный дух.*
Абай, 1896.

Исполнение акынов всегда оригинально и самобытно: сопровождается оно пением в сочетании с поэтикой народных песен, эмоциональным взрывом громких междометий и поддерживающих восклицаний со стороны слушателей, очарованных или разгневанных исполнителем:

*Если песнь хороша и взволнует тебя,
Сразу жизнь засверкает зарей золотой!
Абай, 1896.*

Благодаря преемственности искусство этого жанра не исчезло, как у других народов. Как известно, в фольклорном творчестве хорошо поставлена тема любовной лирики, сердечных переживаний, благодаря которым были созданы настоящие музыкальные шедевры. Отсюда и объемное понятие «акын» – исполнитель возвышенной поэзии, создатель орнаментально-музыкального полотна. «Акын» можно перевести как «чистая интонация, чистый голос, гармония возвышенных слов и музыки или благородная речь...».

*Если эти слова озадачат тупиц,
То обрадуют, верится мне, – знатоков,
И любому, таящему пламя в груди,
Будет ясным значение сказанных слов.
Абай, 1896.*

Айтыс, как вид состязаний, напрягал народную память, вызывал к удали и сноровке, к моментальной реакции на событийность. Главное же его слова и душа направлены на сердечные слова о родной степи, о подвигах предков, о событиях, связанных с жизнью племен.

Нередко было и так, что этот вид народного творчества был направлен на достижение личных целей, поэтому Абай в своих стихах осуждает таких акынов:

*Стих – это возждь среди слов, ценнейший их
убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова равны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.*

.....
*Стих под домбру они певали в час ночной
 И к каждому его стремили с похвалой.
 Свой вес от этого утратили слова,
 Став средством клянчить хлеб пред праздною
 толпой.
 Абай, 1887.*

Акыны были, они остаются властелинами устного творчества, носителями преданий, проводниками музыкального наследия, хранителями истории народа.

Жанр айтыс – удивительное по красоте и самобытности лицевое действо, дающее раздолье характеру степняка, его страстной душе. Он же прародитель дастана – поэм, народного эпоса. Песни благодаря акынам веками передавались от старого к малому, летели от юрты к юрте, от земли к звездам, к вечному.

Под кипящий торопливый аккомпанемент домбры, выразительницы состояния души казаха, светлокрылыми птицами кружили над ширью степной дастаны, эпосы, песни...

Что же важнее? Мелодия? Поэтичность? Смысл? Все едино! И поэтому каждое слово способно развивать силу поэтического звучания, оставляя в сердце глубокий след.

Есть у казахов поэзия – жырау, в которой рассказывается о героических эпосах, батырах, о военных походах... Все это глубоко народное, без фальши и снобизма принял Абай и еще более оживил поэтическую степь мощью интеллекта.

На степных просторах нужно было уметь точно выразить мысль, чтоб она звенела, как удила разгоряченного скакуна, прозвучала, как выстрел по белым лебедям. Слово поэта в старой степи, как на Востоке, было страшнее стрелы... Поэтому особой популярностью пользовались айтысы и, естественно, их сочинители. Музыкализация воспринималась как духовный праздник, а акыны оставались особоблюбимыми и почитаемыми. Абай не только обожал эти состязания, он сам знал многие старинные произведения, сам сочинил более двух десятков мелодий. Среди них наиболее популярным стал его кюй «Желдирме».

На востоке Казахстана известно, что творческий задор региональных южан из Зайсана и Тарбагатая зажигал огнем соперничества соплеменников северных кочевий. И часто случалось, что споры и распри между собой решали только на айтысах. Поэтому выступали самые авторитетные акыны, которые, как говорится, в карман за словом не полезут: у каждого в запасе дерзкое слово и лестное сравнение для соплеменника и для соперника... Соперник же часто слушает иронические штучки о себе как «неумехе», о родственниках – никчемных, трусливых... Все это до предела раскаляло атмосферу праздничных схваток. Если вслушаться в голос, мелодию, интонации и слова акына, они, подобно стае серебристых птиц, парят высоко в поднебесье... Либо это мелодия ручья, либо жаркая скороговорка, как песня джурбая над весенней степью:

*Птицы – песни во всех направленьях летят,
Коль певец многообразной думой богат.*

Песня – тень от пленительной думы такой.

Пусть же ритм и мелодия слух покорят!

Абай, 1896.

Исполнителя, как ведется, толпа подбадривает дружными выкриками «Ай!», «Ой!». Что еще больше разжигает поющего импровизатора? Противник – в нетерпеливом ожидании выступления. Он горячится, он распален, топчется ретивым конем, а сердце, как пойманная птица, рвется на свободу и бьется. Сам он, что сокол, наметивший жертву: готов сорваться и бить с разлета прямо в воздухе.

Поющий не промах: заметил смятение и гнев соперника... Еще горячее слова его... Но вдруг он замолкает и за него говорит лишь домбра. Он выдохся, он устал... Но нет и нет: снова пошел в распев. На единой и долгой ноте голос набирает силу и звучит, как растревоженная струна, раскаляя праздничный воздух. Вены на шее певца вздуваются, сила его слов и голоса переливается в сердца его слушателей. И вот акын, прикрыв глаза, понизив до предела голос, далекой сиреной заморозил его, остановил на выдохе. И голос его птицей летит над разбуженной степью:

*Песня, ввысь устремленная, льется струей,
Увлекая могучей своей красотой
Беспокойное сердце и жаждущий ум.
Но ее не поймет тугоухий, глухой!*

*Песнь летит и рождает порывы в сердцах,
И чудесны ее переливы в сердцах –
Радость, скорбь. Убаюкает сердце она,
Укачает его, как дитя, на руках.*

Абай, 1896.

И вот наступила развязка: акын умолкает. Слышатся возгласы одобрения и, кажется, он уступает место сопернику. Но он снова и снова с огневой силой устремляет свой голос под самые облака. И ждешь, что вот-вот иссякнут последние силы, исчезнет дыхание. И все! Упадет певец без дыхания, раненым соколом рухнет сгоревший до тла. Но не-ет, не тут-то было: оживает певец и переходит на скоропалительную непрерывную «словесность», будто за отпущенный последний миг его жизни он решается рассказать всем обо всем сразу...

*Песня, нотой высокой начавшись, парит
И как будто бы «слушай меня» говорит.
И тогда не услышишь ты звуков иных...
Вникни в музыку, сердцем с мелодией слит!*

Абай, 1896.

Проходит минута-другая: не умолкает акын, домбра в его руках захлебывается... И вот, уже измученный собственной страстью, сейчас остановится, сорвется... И он умолкает. Остальное за него договаривает домбра... Но раздается взрывной восторженный возглас «Ай!...». А каждому бойцу этого и надо: набрав полную грудь воздуха, голос его вновь, словно вынырнув из глубин усталости, оживает и все повторяется. И снова голос его соколом мчится над родными просторами.

Наконец певец умолкает... Отступает с круга. Выходит его соперник... Плачет другая домбра, сначала тихая и робкая. Кажется, в глубоком раздумье находится и сам исполнитель. Но с

каждым ударом по струнам мелодия набирает разгон и дыхание. И над степью уже другой дуэт певца и домбры – чистый, высокий... Не зная границ, он властвует миром. Знает степь кочевая: не запоет домбра в руках раба или труса она, как конь его верный, слушается только бойца. А домбра раскалилась – она хохочет и плачет... Свежий акын, ущемленный и гневный, полон «отмщенья». За обиды, за насмешки готов драться: то глазом он хищно сверкнет, то стонет в лукавом прищуре, успевает и подмигнуть он своим: «Вот, мол, как я его...»:

Взглянет он зорче степного орла.

От горя мирского лицом помрачнев,

Против неправды, насилия, зла

Он обращает высокий свой гнев.

Абай, 1896.

Акын прикрывает пухлые веки, но жаркий огонь его глаз все равно прожигает противника. Выгнув ли упругую бровь, дернув ли усом, иль колко и хитро зыркнув, он показывает, как в нем все кипит и он полон дерзости достойно «мстить». Каждое слово меткое и удачное, талантливое или «смешно»... И слышатся возгласы одобрения толпы, но уже с другой стороны.

Не уступая и слова, акыны уступают друг другу лишь место в кругу. И кажется, не домбра, не акын, а степь сама смеется и плачет... Айтыс в разгаре... и песнь зовет в седую безмерную даль... В пылу и накале акын ядовит и ядовито ему подпевает домбра. Оба они «издеваются», отпуская колкости, упреки, и жалят словами, как стрелами. И снова дружной волной гремит: «Ай! Дурус!» – «Все правильно!». Айтыс продолжается...

«ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

«Чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы».

А. Букейханов, 1905.

Стояла глубокая осень... Но была и весна... Нельзя не вспомнить о ней в этот хмурый и ветренный день. Также говоря о сти-

хах Абая, было бы плохо не сказать о цикле «Четыре времени года». Они имеют самое прямое отношение к затронутой теме нашего разговора, к самой жизни. Такого и быть не могло, чтобы поэт, настроенный на лирическую волну, виртуоз игры на инструменте поэзии, раскрывающей душу и мысль, и чтобы не сказал о весне. Весна, что любовь, проходит сквозь сердце, оставляет свой след. Естественно, поэтику весны не обошел и Абай. И есть у него своя песнь об этом времени года:

*Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля.
Все живое обласкано солнцем степным,
Пестроцветным ковром зацветает земля.*

*И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи – не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.*
«Весна». Абай, 1890.

И еще четверостишие из этого произведения, отражающее праздник Жизни, торжественное ее гудение:

*Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы. В кустах птичий гомон встает,
Мотыльки – над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.*
«Весна». Абай, 1890.

Тонкая поэтическая кисть Абая, по образности соизмеримая разве что с описаниями природы в поэзии Тютчева, Никитина... Как время года, весна его оставляет свой след, свое биение вблизи степных озер. Наше время уже трудно сопоставимо с абаевским. Степи в сравнении опустели: в небе стал редким орел или сокол. Степи, насколько хватает глаз, выжжены до последнего камня и черны, и печальны... Но каждый знает слова «Экология», «Красная книга», которые, к сожалению, заменяют праздник Жизни и время, когда приходит весна, когда на озере Оспан просыпается жизнь:

*Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку – и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь – смотришь, как спущенный
сокол ручной
Из-под облака лебедя бьет на лету...
«Весна». Абай, 1890.*

Естественно, за весной следует лето, и Абай также высветил мгновения летящего времени года.

*Летом, когда тенисты деревья
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья.*

*Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва...*

.....
*Гусей и уток крикливых стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криком оглашая
Степной простор далеко вокруг.*

.....
*А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительно беркут ввысь взовьется
И крупного селезня схватит вдруг...
«Лето». Абай, 1886.*

Но есть еще осень. В степи – это самое грустное время. Осень – носитель особого состояния. Вся печаль ее тонко уловлена и воспе-та поэтами и художниками. Не было бы осени, не рождались бы поэты. Всякий мало-мальский лирик начинается с осени или весны, как начинается первая песня с любви. Если весна – настоящее чувство «половодья», то осень – время тонких душевных переживаний. Она есть пора зрелости и непростых раздумий. Поэт аллегорически подводит черту под пройденной уже жизнью. И это время

называет «осенью». Но возраст его по современной демографической ситуации еще не осень. Абаю не было и пятидесяти, а он говорил, что осень его уже на пороге! Еще ему бы творить да творить, ведь осень – пора настоящих поэтов:

*Вот и осень моя подошла...
Абай, 1894.*

Еще более грустно продолжает он песнь, рассказывая об осени, поселившейся в сердце:

*Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.
Абай, 1895.*

О грустном времени года у поэта свои представления. Фигурные прописи его душевных переживаний, настроения создают, как мы знаем, при переводах неодолимые трудности. Это почти то же самое, если бы мы попытались передать в звуках голос поющей степи или дыхание осенней розы. Невозможным оказалось передать и многие нюансы, мысли, все тонкости его лирики. Мне жаль: не способен я сам прочитать Абая в подлиннике. При переводах утрачивается некий шарм национально-языкового восприятия. Абай в этом смысле автор особо «трудный», порог его смысловых нюансов труден, порой же неодолим и невозможен, что сравнимо с птицей, стремящейся своим крылом прикрыть солнечный свет:

*Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
Толь от сытости, толь чтоб согреться,
резвась,
Стригунка догоняет в степи стригунок.*

*И косяком потянулись на юг журавли,
Караваны верблюдов за ними прошли.
В аулах – уныние и тишина.
Смех, веселые игры остались вдали.*

*Дуют ветры, становится все холодней.
Стужа мучает стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков костей.*
Абай, 1888.

Наконец, последняя тема в его цикле «Времена года» – зима. Она занимает особое положение. Совершенно неожиданно оказалось то, что я услышал от директора музея-мечети им. Абая, построенной его отцом в городке Каркаралы. Еще в детстве Абай посещал эти райские места Казахстана, а потом после посещения райского уголка Казахстана в городе Каркаралинске по воспоминаниям написал стихотворение «Зима». «Зима» как поэтическое произведение пронизано метафоричностью и особой силой образов, связанных с этим временем года.

Мне тоже удалось побывать в благодатных местах, чтобы увидеть и ближе познакомиться с замечательным уголком нашей республики.

ОСТРОВНОЙ КАРКАРАЛИНСК

Прежде чем рассказать о том, как ребенком Абай попал в Каркаралинск, напомним, что его отец Кунанбай, находясь в должности волостного бия или султана, по служебным делам бывал в отдаленных селениях края дабы навести и утвердить надлежащий порядок, чтобы знали в лицо того, кому вверена власть на этих землях. Жестокий по характеру, он обладал волей и даром мудрого и дальновидного человека. Как каждый мусульманин, Кунанбай был глубоко верующим.

Каркаралы – край дерзкий по красоте. Удивляет тем, что подобно громадному острову встал он среди необъятных степей и равнин, следуя от Караганды на юг, где Сары-Арка малоизменчива со своей идеально штилевой поверхностью, лишь на какое-то время ее равнины сменяют низкие холмы. И снова наплывающая ширь, и снова где-то вдаль показываются и исчезают плоские сопки или вытянутые в гряды невысокие горы. На протяжении многих часов при приличной скорости перед глаза-

ми проплывают дали с пятнами типчака, обгоревшие в пламени первых заморозков полыни, и золотистые «пучки» чия. Всюду в понижениях темнели заросли спиреи, над ними – бесконечное пустое небо. Осень в тот год стояла поздняя – выпадали снега, ветры сдирали их с равнин, оставляя косые полоски наносов. Сюда редко приходят облака, чтобы поглядеться в степные чаши редких озер. Над озерами с весны и до поздней стоит свист птичьих крыльев.

Зимой погода более переменчива, бураны и снежные метели резвятся почти постоянно. Такова пресловутая Сары-Арка – «Золотая земля», простирающаяся через Казахстан на север, на юг от лесистых гор Кокшетау до пустынных берегов Балхаша. Название Сары-Арка пошло, возможно, от рода казахов, некогда здесь кочевавших. Но скорее всего слово «Сары» выступает в значении «широкий», а в переводе для этой части Казахстана означает «приподнятую полосу» или же «распростертую арку или хребет».

После трехчасовой езды на горизонте – мираж: из глубин равнины встали островерхие горы, напоминающие остророгую причудливую корону. Горы действительно удивительны: что ни гора, то башня или замок. Другие напоминают руины доисторической крепости. Это, оказывается, были Каркаралинские горы. На подъезде к ним вокруг, на сколько хватало глаз, разбегалась укрытая снегом холмистая степь с угорами на полотнах равнин. Вскоре к трассе все смелее и смелее подбегали небольшие горюшки: они, как ребятишки, завидевшие некое «чудо». Среди них переростками выглядывали макушки тех, которые были выше... И вот все, как по команде, дружно разбежались, оставив после себя крупные глыбы гранитов и россыпи. И вот уже с разных сторон наступают ордами невысокие горы, подножья которых усыпаны хаосом россыпей и все тех же громадных кусков дикого камня. Между ними усталые от ветра и зноя стояли искривленные до уродства сосенки-одиночки. По мере углубления дороги в горы они стремительно «обрастали» лесами. Ландшафт становился живописным... А вскоре пошли сплошные массивы боров, рассыпанных по скалам, в долинах, разостланных почти черным пологом между каменистых вершин.

Вскоре со всех сторон по горизонту торчали и выглядывали самые высокие вершины. Издали они походили на сделанные руками человека пирамиды, на башни и терема. Стены их были уступчатые, в дырах, пещерах, в складках и трещинах, с козырьками, прилавками и ступенями... Некоторые стороны были отвесные, как стены, и совсем неприступные. Картины природы очень напоминали подобные края Казахской земли: Калбинского нагорья, Баян-Аула и такого же чудесного Кокчетавского массива, и вот еще прекрасные Каркаралинские горы. Все названные горные уголки не более как братья и сестры, рожденные одновременно, одинаковыми силами природы.

В переводе с казахского Каркаралы означает «имеющий каркару». А еще название этого замечательного уголка связано со старинной легендой, лишней раз подчеркивающей очарование этой земли. Горный массив сравнивается с девичьей шапкой, украшенной перьями. Шапка эта согласно легенде оказалась забытой среди необъятной степи. Есть и другая интерпретация на «Каркару»: означает она еще и «Высокую горную гряду». Тем более, что на кыргызском языке «Каркара» звучит как «Каркыра», то есть головной убор, украшенный пушистыми перьями филина. Возможно, так и есть: каменная шапка тоже украшена зеленоперыми соснами.

Каркары можно бы назвать каменным сердцем Великой Сары-Арки. Горный массив смотрится причудливым островом в степном океане. По геологической природе он представлен выходами из земных глубин коренных пород. Серые граниты вознеслись и застыли на значительных высотах над долинами, огибающими их пьедесталы.

Чтобы сполна оценить первозданный хаос местных красот, нужно пройти извивами троп, уступами меж громадных, некогда упавших скал. И только тогда осознаешь, что весь этот каменный хаос не что иное, как истинная красота этих гор.

Некоторые сопки, как Жирен-Сакал, что переводится как «Рыжая борода», Шанкоз, Коктюбе, возвышаются на 400-600 м над прилежащими долинами. А пока на пути справа и слева, и там, вдали, маяками стоят крутобокие замки с отвесными стена-

ми, островерхие терема. Глазастые тупорылые морды скал смотрят в упор с громадных полуразрушенных башен, отороченных зубчатыми гребнями или столбами. В скалах – пещеры, провалы, каньоны и разного рода нагромождения. На ноздреватых, шершавых гранитах, облепленных накипными лишайниками, белели свежие шапки снега. И всюду по скалам и склонам толпами и поодиночке золотостволовые, зеленокрылые сосны. Ближе к озерам темный полог сосновых лесов словно белыми нитями прошит стволами берез. По берегам, у воды оподолья озер заросли сплошными березняками. Среди них кое-где темнели пушистые сосны, как медведи в белоснежной степи. Много здесь чистых, в оправе серого камня, округлых чашин озер. Наиболее известны из них Шайтанколь – «Чертово озеро», Бассейн, Пашино...

Край издревле обжит, облюбован. Давно постарели предания и легенды о нем. О каждом озере тоже сложены легенды. По одной из них, как уже говорилось, в стародавние времена девушкой Баян был забыт головной убор – «каркараль». С тех самых пор и пошло название гор и одноименного города Каркаралинска.

У городка, окруженного сопками и скальными башнями, покрытых сосновым лесом, найдены три пещеры со следами стоянок древнего человека. Одна из них – Маоликсай. В свое время, в XIX-XX веках, здесь побывали выдающийся ученый-путешественник Григорий Потанин, писатель Михаил Пришвин, инженер-путешественник П. Амосов и другие известные лица.

Не мог обойти вниманием замечательную Каркаралы, жемчужную корону Сары-Арки, известный писатель-драматург Сабит Муканов. В своей поэме «Сулушаш», посвященной казахским Ромео и Джульетте, он писал:

*Подняв гранитную с водою чашу,
Веками озеро хранит гора,
Оно в народе Чертовым зовется
На берег плещущего серебра.*

Но вся прелюдия о красоте края сказана не ради того, чтобы рассказать о красоте этого острова в бескрайних степях, а пото-

му, что этот край также связан с Абаем, его поэзией. Со слов музейных работников исторического музейного комплекса Каргалинска следует, что будучи волостным судьей – султаном края, Кунанбай в эти края совершал наезды. Для личного удобства он выделил средства купцу первой гильдии Бекметову, роду татарского, и тот недалеко от названной мечети построил прекрасный купеческий дом. Архитектурные украшения фасада, окрашенные в яркие цвета, издали привлекают внимание. Но кроме этого дома, тоже ставшего музеем, в городке много богатых и красивых деревянных и каменных домов. Здесь даже есть улица, на которой жила местная аристократия и купцы. В старинных домах обязательны просторные залы с высокими потолками, покоящихся на тройных опорных перекрытиях. В комнатах поставлены «модные» по тем временам «голландские» печи. В этих залах проводились вечера, правили балы...

В частности, в доме у Бекметова постоянно останавливался Кунанбай и потому, как правоверный мусульманин, решил построить недалеко от этого дома, в двухстах-трехстах метрах, деревянную мечеть. В 1851 году она была закончена. Под крышей с зеленой башней, увенчанной полумесяцем, три светлых просторных помещения. Стены из дерева, без отделки и краски. Надо заметить, что дерево создавало особый уют и тепло, даже некоторую роскошь и опрятность. На полах расстелены ковры и в переднем углу – минбэр... Мечеть действующая.

В доме же, где жил купец Бекметов, работает музыкальная школа, есть классы сценического искусства.

КАРКАРАЛИНСКАЯ ЗИМА...

У входа в мечеть на стене висит мемориальная доска с надписью о том, что в 1849 и 1853 годах ее посетил Абай. Судя по датам, следует полагать, что отец Абая Кунанбай привозил Ибрагима совсем еще маленьким, а мечети и в помине не было. Она была построена позднее, в 1851 году. В 1849-м году Абаю было всего четыре года, и следует понимать, что его привозил с собой отец. В этот же год Кунанбай, видимо, и приступил к ее

строительству. А вот в 1853-м году Абай побывал здесь вторично в возрасте 8-ми лет. Конечно, многое, что увидел впечатлительный мальчик во время этой поездки по дороге, когда ехали (видимо, зимой) в Каркаралы, и послужило ему позднее темой для некоторых его стихов. Эта поездка стала своего рода открытием географического мира родного края. Главное – он увидел впервые лес на горах – сосновый бор на причудливых скалистых вершинах, и лес в зимнем убранстве. Почему «зимой»? Ответ прост: Абай после посещения Каркаралинских гор, долгие годы находясь под впечатлением от этих мест, впоследствии написал свою «Зиму».

Мечеть и другие дома Каркаралинска, построенные в XVIII веке, объявлены архитектурными памятниками. В этот комплекс входят и мечеть, и купеческий дом Бекметова, а также дом известного контрреволюционера адмирала Корнилова. Дом его стоит в ряду с другими стародавними купеческими особняками, которые тоже сохранены как памятники архитектуры. Генерал Лаврентий Георгиевич Корнилов руководил контрреволюционным движением как верховный главнокомандующий организованной им белогвардейской добровольческой армии.

Известно, Абай, как поэт, заявил о себе только после сорока лет. Так, по крайней мере, принято считать... Однако стихи он писал с юности, точнее с 13-ти лет, но об этом мало кто знал. И лишь в зрелом возрасте он сказал свои вечные «Слова» и в полную силу своего таланта заявил о себе в поэзии.

Западный свет угасал. Резко холодало: сосны, степные ковыли опалил седой куржак. Наступал вечер и над спящими горами с утесами и куполами, с рассыпанными по скалам соснами, оживляя картины прошлого, которые видел юный Абай. Для природы сто лет вовсе не время... Она, как всегда, жила теми же законами. И вот ускользящее за гребнистый горизонт солнце последним лучом, как золотой косой, резануло по вершинам скал. Опаленные его сиянием, они порозовели, стали сиреневыми... Чем ниже опускалось солнце, тем густели фиолетовые краски леса, присыпанного снегом.

Картина вечера менялась, наполняя особым звучанием тишину; скучнели горы, чернее становился лес. Но вдруг малиновым соком засветился западный угол неба. Это был тот самый, особый час печального торжества уходящего дня. Таким запомнился вечер в день первого знакомства с замечательным краем.

Наконец погасли и исчезли жаркие краски облаков и над горами встало чистое, пронзительно-голубое небо. На нем не было ни единой складки облаков. В льдистое его пространство врезались вершины скал, укрытых серебряными накидками первых снегов. По склонам с разных сторон стояли и о чем-то шептались совсем почерневшие сосны. Тишина и тихая скорбь разлилась повсюду. Мир погрузился в состояние глубокого инопланетного сна и неземной задумчивости. Тайны, великие и малые, хранило молчание спящих гор.

Глядя на все, склоняешься к мысли о том, что абаевский образ «Зимы» и Деда Мороза, написанный с привкусом сказочности, чего не так уж много в его философской поэзии, создан под впечатлением такого вот вечера, каким увидел, думаю, его юный Абай. Детский восторг, удивление, подкрепленные воображением художника, дали жизнь «степному» и «лесному» Деду Морозу:

*В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем. С серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.*

«Зима». Абай, 1888.

В этот час на зеленом куполе, взлетевшим над мечетью, над городком играл и переливался искусственный полумесяц. А над ним, излучая божественное сияние, плыл настоящий, золотистый, остророгий осколок Луны.

Казалось, вместе с ночью опустилась на землю зимняя сказка. И совершенно естественно: природное окружение Каркаралы произвело особое впечатление на мальчишку, приехавшего из бескрайних, безлесных степей:

*Старый сват, белый дед, натворил много бед,
От дыханья его – стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя. Разукрашен, румян.
«Зима». Абай, 1888.*

Погода степного пространства всегда непредсказуема. Недолгое затишье сменил снова ветер. Утром за окнами снова кружились снежные вихри, грозно шумели проснувшиеся сосны. Мутное небо сыпало и сыпало снегом. Под небом бесновался буран.

Не стало сказки, и сосны сбросили пушистое одеяние, исчезло царственное величие бора. Горы тоже помутнели, отошли, отделились куда-то в метельные снега...

*Брови грозно нависли – нахмуренный вид;
Головою тряхнет – скучный снег повалит.
Злится он, словно бешенный старый верблюд,
И тогда шестистворная юрта дрожит.
«Зима». Абай, 1888.*

Сказка природы неистребима. Поэтому вечно будут жить «зимние» строки Абая, как сама степь с ее небом, с жилищем кочевника – юртой, с подругой-домброй, и с восторгом, который испытывал охотник, держа на руке ловчую птицу.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

После поездки в Каркаралинск вернемся в степи Жидебая...

На следующее утро, как только показалось солнце и лучи позолотили даль, янтарные саваны одели белые шатры мавзолея. Ветер громыхал и неистовствовал, с остервенением рвал чистое полотно неба, сгибал упругие стебли чия.

Мы ехали по проселку. Из высоких трав поднимались стайки черных жаворонков. В это время самцы приоделись в угольные фраки с пестрыми накидками на плечах. Пугаясь машины, жаворонки дружно взмывали и устремлялись в ветреную даль. Низко «пригибаясь» к пожелтевшей степи, они летели против ветра и долго-долго были видны, пока не обращались в точки.

Черный жаворонок, по-казахски караторгай, – истинный и вечный спутник кочевника. Каждый здесь с малых лет и до седых волос видит этих замечательных птиц Казахстана. Черный жаворонок – эндемик этих степей, древнейший их старожил. Нигде в мире его не найти: ни в саваннах, ни прериях, ни в горах, ни в пустынях других континентов. С весны и до поздней осени он остается ее единственным певцом. Поет он много и страстно. Это он, мрачный и грациозный, впорхнул в самое сердце поэта, а музыка пришла от народа, и тогда родилась одна из самых печальных песен – «Караторгай». Строгий очаровательный певец, оказавшись и сейчас на студеном ветру, вершит свои воздушные танцы под собственную песнь. Развернув широкие крылья, черной бабочкой он плавно машет, замирает и, сделав крылья «лодочкой», планирует, не замолкая ни на миг. Черный жаворонок – олицетворение красоты, нележкой, но вольной судьбы ее сыновей. Вот поэтому и песня «Караторгай» – самая любимая и душевная. Повествует она о любви, о бедности, о печали...

Пернатый черный принц вопреки другим пернатым этих широт не покидает степей своих. Он остается на зиму. Один из немногих способен он пережить многодневные морозы, снежные бури, сражаться с метелями и побеждать их. Он может, он утвердился в постоянстве. Он побуждает к лирике и стоичности, рождая в сердцах, жаждущих любви и счастья, самые светлые чувства. Он есть настоящий друг и постоянный спутник кочевника. Он один достоин стать символом великих степей Казахстана.

Глазами провожаем стайку за стайкой. Наблюдаем, как какая-нибудь из птиц вдруг отстает, останавливается и, плавно взмахивая, «стоит» на одном месте, не уступая напору ветра. Другой птицы, которая исполняла бы песню весны в глубокую осень, не знаю. Певец догоняет собратьев или ныряет в шумящие травы. Черный его силуэт не исчезает: он перед глазами... И вновь вспоминается мелодия «Караторгая».

Абай – тоже певец родной природы. Он тоже сравним с замечательной птицей, не похожей на серых его собратьев, также рожденных степью и этим небом. Как выразитель народной пе-

чали, такой же непокоренный и такой же неизменный сын и певец. Но поэт создан для души своего народа, а душа его и есть поэзия. А поэзия – это Абай!

Мы покидали степи. Со скоростью «джипа» к горизонту уплывали два одиноких беломраморных мавзолея. Зыбкая ветреная степь поглощала все, заслоняя собой.

«ОХОТА С БЕРКУТОМ»

*Но возникнет образ в сознании твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва:
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.
«Охота с беркутом». Абай, 1882.*

Осматривая дом Абая, я спросил у экскурсовода, есть ли фотография поэта. Показали...

Абай в кругу семьи, с сыновьями... И вдруг, не знаю, как это случилось, но время властно уносит в прошлое: портрет оживает, крупный и грузный, в длинном чепане, сходит поэт с фотографии... Скрипнули двери. Морозный воздух белым медведем встал у порога. И все, как обычно: Абай на коне, в малахае; за плечами берданка, с беркутом на руке. Взгляд горяч, но спокоен. Если говорят: «какой русский не любит быстрой езды», такой же правдой будет: «какой казах не любит охоты с беркутом?».

В тот год долго, с нетерпением ждал Абай первого снега. Хотелось с молодой обученной птицей выехать на лисиц. Все лето натаскивали его: учили, как брать рыжего зверя, как держать ... И вот наконец степь – в саване чистом... Охотник по первому снегу скачет в сторону гор Чингизтау:

*«Будет ловок – добудет лису в горах»
Охотник и конь, и напарник и беркут,
И снега нетронутого полоса,
И где-то в кустах, незаметная сверху
И снизу, встревоженная лиса.*

«Охота с беркутом». Абай, 1882.

Ослепленный колпачком, ловит беркут крыльями ветер. Не знает, но помнит, что взят был птенцом в этих горах. Чует его сердце, что рядом родные горы... Ждет он полета, поддерживая равновесие взмахами. А беркутчи уже замечает на свежем снегу:

*... лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.
Всадник с беркутом скачет во весь опор:
Направление следа заметил взор.*

И погнал он коня: угукнул, пришпорил. Конь тоже горяч, скачет туда, где кончается нарыск звериный...

Потом каждая строка в стихотворении «Охота с беркутом» станет столь же изящной, как на свежем снегу лисицей прописанный след. Как лисий узор на первом снегу, лягут строки поэта на белых страницах. А следы все бегут по пригоркам, в заросли, в скалы ...

Но вот уже метнулось что-то рыжее, метнулось и скрылось... «Лисица!» – екнуло сердце: поспешно поправил сбившийся малахай. Лоб в испарине – вытер. А сердце не слушается, рвется вон из груди, щеки, как яблоки...

«Вот она, вижу...». Рванул колпачок. Ослепленный сиянием снега, закрутил головой беркут – ищет глазами добычу, но только горы в снегу, черные скалы да карагайник в логах, по щелям...

*Охотник – вверху, а выжлятник –
в долине.*

*И видит в укрытьи звериный зрачок,
Как ловкий охотник на белой вершине
С глаз беркута стаскивает колпачок.*

Засвистела камча и летит уже Абай, где мелькнуло пятно, и ловит крыльями птица морозистый ветер, а в груди закипала дикая страсть. Конь! Он так медлителен, так неуклюж...

Заметив добычу, когтистыми лапами толкнулся пернатый батыр, расправил могучие крылья, взмахнул раз, другой, и поплыли горы под ним, впереди – высота...

*Беркут машет крыльями, смотрит в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» –
Так подумав, он взмлет к вершинам гор.*

Гикнул охотник, крутит камчой, и сам, как орел, уже летит, не разбирая дороги. В азарте конь грызет удила, рвет жилы, хрипит... Вокруг тишина, а сердце так громко стучит... Но послышались свист и жужжание крыльев орлиных...

*И беркут, прозрев, поднимается круто,
Крылом опираясь о небеса,
И смотрит глазами кровавыми люто,
Грозного беркута видит лиса.*

*Враги своей злобы и силы не прячут –
Победы по-своему каждый хотят.
И к месту сраженья охотники скачут,
Их кони, пластаясь по снегу, хряпят.*

«Будет зрелище! Ловчий нетерпелив», – напишет Абай о своих переживаниях. А сейчас ноги его шпорят коня...

Прошло сто шестьдесят, как написаны были поэтические строки. Но и сейчас за далью времени все, как прежде, и с каждой зимой горы Чингизтау надевают такой же наряд, все так же чисты и просторны поля. Остаются по-прежнему не приручены горы. Все так же мышкуют там лисы и по-старинке за ними охотятся беркутчи:

*Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков,
Зашумит он крылами и засвистит,
И стремглав понесется из облаков.*

Беркут – стрелой на добычу. Гудит и поет в крыльях воздух. Еще миг – и падает он с высоты. Закрывает лисицу широченными крыльями, у зверицы белый оскал...

*Кровавая битва не долго продлится.
Кому же победа отдаст ореол?
И – сорок ножей обнажает лисица.
И – восемь штыков выпускает орел.*

Азартнее гонит гнедого Абай. От бьющего встречного ветра на щеке заблестела слеза... Взор уперся в распадок, где держит беркут добычу...

*Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Тот – небесный дикарь, та – дикарь земной.
Захотел человек, и вот дикари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лисица красна... Смотри!*

Вовремя подоспел беркутчи к пернатому другу: под брюхом лисица... Завязалась борьба, – живая картина в контрастных цветах, и каждая грань в ней – совершенство правды жестокой:

*Как будто им нет подходящего места
На ослепительно белом перу,
Где черный жених с ярко-рыжей невестой
Затеяли смертную эту игру.*

Над Чингизтау слышится клекот... Дальше все просто... Соскочил с коня беркутчи, бросил мяса кусок и отнял у птицы лисицу: «Хороша караганка – красна и пушиста!». Цокнул, осматривая рыжую с разных сторон: будет хорош малахай!. Приторочил добычу к седлу, по крупу похлопал коня... Но это не все. Но не просто же взята лисица, что-то от правды суровой в сердце запало... И в этот же вечер на листах чистой бумаги пролился

восторг пережитого. И веками потом каждый, соприкоснувшись с абаевским «Беркутом», переживет с ним вместе чудно сотканную картину охоты:

*Беркут смял и свернул ее под себя.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
Шестьдесят две хитрости лисьи разбив,
Победители стать на отдых не прочь!*

Привычно надел он на беркута колпачок, подтянул ремешок на загривке, и, ловко поддев на руку птицу, юношей взлетел на коня. Охота закончилась: повернул коня на кыстау, где «в блеске зари» пушистым хвостом струился над одиноким жилищем сизый дымок.

В морозистом небе все сильнее распалаясь заря. Но потускнела, примолкла, притихла... Подсинило снега... Тоскливо торчали ветром потрепанные ковыли...

*И сердце твое удержаться не может,
В нем кровь вдохновенья, победа поет.
И мысли дурные тебя не тревожат,
И радость твой дух поднимает в полет.*

Счастлив охотник. Красива лисица, а в глазах все стоит миг тот счастливой охоты. Все видится миг «падения» беркута с высоты. Все хорошо! Степь родная прекрасна без музыки и без слов, свободная от забот и грехов ликовала и пела поэта душа:

*Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова,
Но возникнет образ в сознании твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва;
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.*

Заслышав скрип и храп коня, залаяли, кинулись навстречу собаки. Окинув взглядом вечернее небо, выплеснувшем прощальные краски пожара, Абай, подумав «быть ветру назавтра...», соскользнул с коня.

Ошетинив загривки, кругами ходили около зверя, рыча и повизгивая, собаки. Абай занес беркута в зимник, где на деревянных штырях хранилось заветренное подкопченное мясо; поставив берданку к стене, посадил на деревянный тогур любимую птицу. Снял колпачок, огладив бархатистые крылья, крикнул, чтоб накормили, как надо.

И в час, когда небо густо усыпали звезды и успокоились все домочадцы, в свете семилинейки поэт сидел у окна. И здесь, за столом, он снова «вернулся» в горы, в места удачной охоты, где, как он написал: «...в горах лисиц, что ягод в лесу...». На белоснежный лист упала тень от руки, из-под скрипящего гусяного пера побежали торопливые строки... Поэт заново пережил всю картину охоты ушедшего дня. Бежало перо, – колыхалась на стене тень от его головы... Время за полночь, а в белоснежной Великой степи, залитой звездным сиянием, долго-долго в окнах «Степного Гомера» мерцал огонек. И написаны были строки:

*В бренном мире нет мне занятья милей,
С беркутом я бы охотился всегда!*

Абай работал. Я же стоял около птицы; орел наслаждался покоем, чистил упругие крылья и время от времени шумно встряхивался. Он не видел меня – разного времени мы... Зоркая птица незряче глядела сквозь годы...

Снова смотрю на фотографию, где поэт в кругу семьи, и смотрит он уже совсем не печально. Будто никогда не оставлял своего места...

Теперь мы оба с ним знали великую тайну бывшей охоты...

КОЛОДЕЦ В СТЕПИ

*Солнце – звездный источник,
На воде, как челнок, луна.*

Абай, 1898.

Небо не бывает без птиц, человек – без души, а степь – без воды. Нет степного аула, кыстау без родника или колодца. Вок-

руг Жидебая – безволие. Есть, но далеко, Оспан – озеро. Но и здесь ее воды хватает. О близости грунтовых вод кричат обильные заросли чия. Растение знает, «чует» оно, где есть неглубокие воды. Жители этих мест тоже знают этот секрет: где растет чий, рой колодец. В этом лишний раз пришлось убедиться. На небольшом взгорке у дома Абая – колодец. По узенькой дорожке мы и поднялись. Откинув с простенького сруба дощатую крышку, почувствовал, как в чреве его дышала прохладой вода. Из глубины задумчивой воды золотым оком смотрело солнце. Внизу, в опрокинутой высоте, тенью мелькнул силуэт караторгая. Жаворонок, борясь с ветром, взмывая и падая к взволнованным травам, медленно таял вдали.

Что-то невысказанное, таинственное гнезилось в колодце. Он, как степь, как беркут на отдыхе после охоты, знал что-то и помнил. Теперь же осиротело и отрешенно смотрел темным рачком в сквозное, прошитое ветрами, небо, в котором горело недвижимое солнце.

Вспомнилась прошлая ночь – холодная, осенняя, какие бывают здесь в это время в пору постоянного ветра. В колодце вместо солнца искрились далекие звезды – ими особенно богато местное небо.

Как это красиво! Абай, наверное, также всматривался в усыпанные алмазами и жемчугами ночи, сжатые вот так же в округлое оконце на дне сруба... Может, отсюда черпал поэт Вселенскую мудрость?

«Вверху и внизу глубина».

Абай, 1898.

Хотелось увидеть на дне его не собственный образ, а Его, которого знал и помнил колодец в степи.

В КРУГУ ВЕЛИКИХ

*Стих – узор словесный, стих – что кружева.
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, –
Не отвергнуть песни, песня ввек жива!*
Абай, 1888.

Во время поездки нужно было встретиться с творческой интеллигенцией райцентра Абайского района – села Караул. Встречу организовали с участием заместителя акима района, местных поэтов и молодежи. Читальный зал библиотеки оказался набитым школьниками. Присутствие подростков, как показалось, было традиционным при подобных «сборищах», чтобы выгнать пустоту и заполнить места.

После представления моих спутников, пояснивших цели и задачи нашего журнала «Ақ Ертіс – Иртыш», первым выступил Серик Габдуллин. Собравшаяся аудитория проявляла неподдельный интерес к журналу, и главное к поэзии.

В заключение начальник районного управления культуры Оразалин Эльдар обратился к Габдуллину прочитать его последние стихотворения. Известно, поэты – народ горячий, порой непредсказуемый: после того, как свои стихи прочитал гость, тут же на «эстраду» стали выходить и местные певцы Музы. Это были уже известные, убеленные сединами, акыны и поэты. Поэтическая атмосфера в зале быстро оживала и столь же быстро накалялась. Наконец поэт Булат Жумагалиев, довольно известный в республике, пригласил «на эстраду» школьников – своих учеников, учащихся 8-9-х классов. Без ложной скромности, организовано вышло около десятка тонкошеих подростков, среди них было и несколько «нескладных» еще девочек. Выступая по порядку, каждый из них, только что вышедший неуверенной походкой на «лобное место», читая собственные произведения, без излишней жестикуляции чеканил их с некоторой артистичностью. Надо была видеть восторг в глазах поэтов-аксакалов и слышать возгласы одобрения, как это бывает на айтысах. Юные

поэтессы нисколько не уступали мальчишкам. Выступление, казалось бы, неопытных школьников обратилось в настоящее шоу.

С интересом вглядываясь в лица юных, вслушивались в «голоса молодых», которые не по годам взвешенно и образно, со здоровой уверенностью, без сомнений и робости выплескивали поэтическое видение мира. Глядя на вдохновенные лица, казалось, что портреты знаменитых предков земли этой, что висели на стенах, ожили: суровый и властный взгляд Кунанбая смягчился. В уголках жестких глаз его обозначился влажный блеск. Источали скрытый восторг всегда грустные глаза Абая. Даже мученическое лицо Шакарима светилось, озаренное скрытым восторгом. Он больше, казалось, свел брови, внемля голосам потомков. Даже лицо знаменитого волостного судьи Кенгир-бия, осененное от природы мудростью и принципиальностью, выражало некоторое почтение к этим мальчишкам и девчонкам. На портретах любимых сыновей Абая – Акылбая, Абдрахмана и самого младшего – Магавьи, что-то изменилось: их лица выражали откровенное удовлетворение.

Поэтическое слово – что пущенная стрела: оно летит во времени в будущее, но, подобно отраженному лучу, озаряет прошлое. Если не так, чего бы на портретах близких людей Абая «играли эмоции»...

– Это уже настоящие поэты, – сказал потом Серик Габуллин. – Они молодые, но стихи их не хуже, чем у взрослых, даже опытных наших мастеров.

По окончании поэтического импровизированного шоу наставник юных Булат Жумагалиев сказал: «Мои ребята являются призерами не только областного состязания поэтов – майшуры, они также стали призерами республиканского конкурса молодых...».

Не без гордости выступил и Эльдар Оразалин: «Мы гордимся землей, на которой живем! Прилагаем много сил, чтобы не утратить авторитет нашей земли, на которой жили и творили наши великие предки – триединое созвездие земляков – Абай, Шакарим, Ауэзов... Нас признали третьим поэтическим очагом в республике после Алматы и Астаны. Наверно, так и должно

быть, потому что не только наши великие земляки, но и наше географическое положение обязывает нас быть такими: мы находимся, если посмотреть на карту, точно между нашими столицами...».

Тогда и подумалось: хорошо, что есть достойные продолжатели поэтической звездности, созданной талантом Абая и Шакарима, силами Ауэзова. И, наверное, так будет всегда, коль есть такие наставники и такие ребята.

В ГОСТЯХ У КЛАССИКА

В каждом отдаленном от городов поселке трудно жить незамеченным, труднее еще быть незамеченным в ауле. Всюду в степи работает пресловутый «узун-кулак». Телеграфная оперативность степного «телефона», под стать самому Интернету, всегда удивляла и восхищала. Емкое слово «узун-кулак» вошло даже в русский лексикон. Удивительнее еще то, что появление каждого свежего человека из центра в каждом отдаленном селении известно жителям села или аула заранее. Словно в этой системе работает кто-то ясновидящий. И главным осведомителем был и остается «узун-кулак». Так было и на этот раз. В первый же вечер, как только приехали мы в Караул, нас пригласил в гости известный писатель, классик казахской литературы Орзалиев Камен.

Стоило только войти в громадный дом, обменяться рукопожатиями, по-восточному обменяться несколькими словами взаимного приветствия, не забывая попутно осведомиться о здоровье близких, как нам подали полотенца...

Главе семейства, известному писателю Камену Оразалину, уже без «четверти» сто – восемьдесят пять. Он свеж и весел, с тонким прищуром внимательных и улыбчивых глаз. Короткая молодежная стрижка под «ерша» еще более молодила и без того свежее, моложавое лицо. Но эти с прищуром смешливые глаза, кажется, прожигали, и если в чем-то помыслы собеседника лицемерны, глаза его видят насквозь и поэтому обычно смеются. Сам же Камен будто знает что-то такое, что веселит его, а душа

его, смотрящая сквозь окна сероватых глаз тайно, чему-то смеется. «Вижу насквозь... Не утаишь ни одной мысли, друг мой, но я промолчу...».

Началось застолье... Камен, как писатель, разговор начал с Абая... Рассказывал о последней своей книге, посвященной великому земляку. Вспоминал о войнах, в которых участвовал: начал с финской, потом о второй... Смеющиеся его глаза, когда говорил о войне, делались строгими, и тихая боль едва уловимой тенью проплывала сквозь них.

Никто, пожалуй, не знает столько о жизни и творчестве Абая, сколько Оразалин. Более пятидесяти лет живет и работает Камен в Карауле и, как бессменный, настоящий солдат, все годы сознательной жизни бывший учитель служит этой теме. Этому служению, как любви своей, отдал лучшие годы творческой жизни. За дастарханом говорили о литературе, лидерах художественной литературы бывшего Союза и Казахстана. Конечно, разговор коснулся славной, воспетой десятками поэтов, казахской степи, раскинувшейся у гор Чингизтау.

Как обязательно гостеприимство каждого степняка, в застолье также обязательны тосты, которые говорят друзья. И здесь каждый тост заканчивался теплыми словами, адресованными гостеприимным хозяевам, процветанию нашего народа, пожеланиями мира и дружбы между народами. Каждый из нас, как чувствовал, как мог и как умел, выражал лучшие свои пожелания.

Тост у казаха, хватившего слегка градусов, больше, чем доклад любого чиновника. Но главное — искренность обновленных чувств. Конечно, мы также желали, как принято, здоровья друг другу, успехов в «каждодневных» делах, и обязательно в творчестве. Желали, чтобы этот дом никогда не оставляло богатство и гостеприимство, как сейчас, чтобы были счастливы в нем старики и внуки... Произносимые тосты не отличались особой изысканностью. Все, как обычно, даже банально, но говорилось все от души и чистого сердца. И каждый тост затягивался, подкрашенный воспоминаниями, но что делать: когда встречаются дру-

зья, когда наступает момент вспомнить о тех, кого уже нет с нами, когда есть что сказать друг другу... Не сразу же чокаться...

У Камена Оразалина более двух десятков книг-романов... А он уже в той возрастной стадии, когда есть кого вспомнить – старых его писателей и наших друзей, и просто известных. Много хороших слов он сказал и о моем духовном наставнике и друге Максиме Звереве, которого также считал своим близким «тамыром». И снова в глазах с хитроватым прищуром совсем нетемных глаз горит огонь воспоминаний. И снова глаза как бы говорят: «Да, брат, лучше уж помолчи. Куда правдивее твое молчание, чем слова...».

На прощание Камен подарил очередную, только что изданную книгу, конечно, об Абая.

Станный он человек. Другой бы, оказавшись на вершине славы, принял предложение оставить родной Караул и переехать в Алма-Ату. Но Камен остался верен родине Абая. Наверное, он поступил правильно, потому что здесь каждый камень и каждый ручеек согревали его душу, и потому всю жизнь этот человек творил шедевры на родной земле именитых предшественников. Так и прожил здесь, занимаясь любимым делом. Вырастил детей и внуков, и мы видели его в окружении уже правнуков.

Над гостеприимным домом классика всю ночь, не переставая, пели поминальные песни неусыпные ветры. Феерическое сияние ослепительных звезд наполнило чистейшее небо. И здесь, под этим небом, всю жизнь Камен считывал чистую правду жизни, которую прожил когда-то Абай.

Особое впечатление произвел его сын Эльдар. Ему чуть более тридцати. Учтивый и талантливый, много работающий над собой: он – музыкант, поэт, и по природе своей очень энергичный. Эльдар приветлив и внимателен ко всем. Энергии в нем – сколько хватило бы на десяток других. Даже в разговоре его шуточно прозвучало: «Эх, мне бы еще таких четыре, как я, сделал бы все, что задумал...». И это правда: талант его, как творческой личности, помноженный на постоянный труд и энергию, уже нашли предназначение. Мы познакомились с его трудами – уникальными архитектурными проектами, воплощенными в

гражданском строительстве; слушали стихи его, но жаль, не было времени прослушать его как музыканта, владеющего самыми различными музыкальными инструментами. Не пришлось послушать и песен, написанных им же (слова и музыка тоже его).

Он может, он умеет многое...

ПОЛЮС КОНТИНЕНТА

На Евразийском континенте наряду с громадными лесистыми просторами столь же широкое развитие получили степные ландшафты. Это одна из наиболее важных на земле растительных формаций. Она была и остается главной природной цитаделью поддержания жизни человечества. Она сформировала кочевую часть всемирной цивилизации: потратила века, но приобщила своих сынов к труду животновода и мудрости землепашца...

Есть степи Таврические, Кубанские, Приволжские и Оренбургские. За Уралом – Тургайские, Алтайские, Тувинские и наши – Казахстанские. Каждая из названных повлияла по-своему на культуру проживающих там народов, на их традиции. Свои особенности и у наших, казахстанских степей. Но есть одна уникальная для наших, Восточно-Казахстанских степей особенность: находятся они в самом центре Евразийского континента. Здесь же находится его официальная пуповина. Об этом наш разговор.

Поверить в это можно не сразу, остается только удивляться, что именно в Жидебае мы оказались в уникальной точке планеты, где «начинаются», «сходятся», «пересекаются» «особенные» меридианы и параллели Евразийского плацдарма... Мне до сих пор приходилось лишь слышать, что где-то под Семипалатинском находится такое место и там установлен обелиск центра гигантской Евразии. И вот он сюрприз: метрах в пятидесяти от дома-музея мы наткнулись на знаменитый обелиск Земли. На круглом гранитном постаменте, составленном из четырех частей, символизирующих стороны света, около метра высотой воз-

вышается четырехгранный из красноватого гранита монолит, напоминающий кристалл, с направленным вверх острием.

Обходим, оглядывая, поглаживаем руками географический символ, что находится у самого «порога» дома Абая. В торцовой части этого круга – надписи, сообщающие, что это и есть центр Евразии. По торцу читаем надписи на арабском, русском, японском и английском языках. «Это место, – как пояснил гид, – было определено при помощи электронной техники с японского спутника».

Все просто и вместе с тем не верится, что это и есть полюс самого громадного континента, центра земной цивилизации. Но факт остается фактом, и точка находится там же, где формировался один из стержней казахской духовности. Данный полюс на континенте сравним с Полярной звездой в звездной степи Северного полушария, вокруг которой вращается весь звездный мир.

Все это интересно, на грани мистики: совпадений оказалось «многовато» для Жидебая как мизерного местечка в необъятных просторах Сары-Арки. Только представить: в бескрайних степях между Каспием и Алтаем вычислен центр всей части суши, и он оказался именно здесь – у дома, у мавзолея поэта. Из этого вытекает и другое: здесь проходит условная ось, не имеющая равных по масштабам Старого Света. Как этому не удивляться? Напомню, что это означает: данная точка отдалена на одинаковое расстояние от берегов всех четырех океанов, омывающих Евразию. Она точно посередине между Северным Ледовитым и его «антиподом» – Индийским океанами. В столь же равной отдаленности находится и от берегов других великих океанов – Тихого и Атлантического. Центр один в сухой неприглядной степи, в краю, который в середине прошлого века разбудил рокот ядерного полигона, прервавший вековечную нить тишины и забвенья. Это был миг, когда остановилась, замерла, подстреленной на лету птицей оборвалась песнь степняка, а эхо безумства горьким вздохом отозвалось в сердце старой домбры. Так однажды в степи о себе заявил XX век, где судьбоносной нитью истории проходил Великий Шелковый путь, над которым зеркальным отражением стоит, блистая мириадами звезд,

«Дорога Богов» – Великий Млечный путь. Отсюда, от Жидебая, до звездной дороги, кажется, ближе, чем до синих полотен дальних морей. И тогда начинаешь осознавать особую исключительность и значимость этого обелиска Земли.

У полюса, как у Северного или Южного, стоит сделать всего один шаг, как удаляешься в другую часть света: шаг к северу – и центр позади, а за ним уже половина Евразии; шаг к востоку – центр на западе. Где еще есть такое место? На Востоке, Западе, в Индии или Китае? В Европе? Сколько угодно можно называть разные части и страны, а центр – один, и он у «подножья» кыстау.

Значение его еще многими из нас не осознанно. Оно столь же велико, как если бы оказаться на вершине Эвереста в Гималаях или подняться к африканским «Снегам Килиманджаро». Это почти тоже самое, что побывать на вершине двуглавой царицы Алтая Белухи, куда стремятся тысячи и тысячи туристов-паломников Шамбалы. Во всем этом, вероятно, есть определенный смысл, свое предназначение, открывшее тайну величия центростремительной силы степей, разбудивших философскую поэтику, мощь и силу художественного слова в литературе, каковыми были Абай, Шакарим, Мухтар Ауэзов, Павел Васильев, Оралхан Бокеев и ряд других великих русских и украинских писателей: Гоголь, Чехов, Паустовский, Тарас Шевченко, Валериан Правдухин...

И стоять бы здесь не маленькому «кристаллу» гранита, а воздвигнутому общими силами народов континента целому гостиничному (географическому) комплексу, где были бы отражены стиль и традиции жилищ старой Европы, Азии, Индии... Если бы в каждой части света напротив граней символа центра стояли постройки, типичные для трансграничных территорий Запада и Востока, Юга и Севера... В центре – юрта, севернее – чум, южнее – индийская чапри или бунгало, на востоке – рубленая изба русского первопроходца, на крайнем западе – сакля или каменное жилище древних викингов, или даже Стоун-Хэндж... Несомненно, тогда бы здесь захотелось побывать разным туристам и прочим «бродягам», чтобы не только поклонить-

ся гению наших земляков, но и престижно было бы «отметиться» на полюсе родного континента. А так как это место находится под углом 48° с.ш., у многих появилось бы желание, чтобы и эта космическая деталь была отражена на уникальном фотокadre. Стоять почти точно под звездой, вокруг которой «вращается» видимая в северном полушарии часть Вселенной, тоже «престижно».

А национальные сувениры из центра Континента, из Великих степей – на туманный Запад, в далекую Австралию, на суровый Север, в Японию, Турцию и Францию...

Есть магическое предназначение «у порога» дома Абая. Если бы он знал об этом, обязательно что-то бы сказал... Но скажут еще поэты... Скажут о том, что в годы холодной войны между Союзом и Западом за 40 лет здесь прогремело 472 атомных взрыва...

– Может быть, Абай был великим гуманистом и интернационалистом потому еще, что постоянно приходилось уходить от центра в какую-нибудь часть света начиная от собственного кыстау до джайляу? А это уже разные части «света» на Евразийском континенте.

– Конечно, – добавил Серик, – Абай – поэт Евразийского масштаба. У нас, на Востоке, было два таких – Абай и Павел Васильев... Кого еще можно назвать, кого еще поставить рядом?

КОШТАСУ – МЕСТО ДОБРЫХ ПОЖЕЛАНИЙ

«Джип» наш взял обратный курс от этого «Вселенского» уголка домой. Слева и справа вновь поплыла безграничная степь. Колесными спицами блистали стебли упругого чия. Не зная покая, волновались на ветру ковыльные шали... И снова взлетали, пригибаясь к самой земле, удалялись черные жаворонки. Медленно уменьшались купола белеющих мавзолеев.

Свернув с проселка на главное шоссе, мы увидели стремительно настигающую нас белую «Волгу». Сигнал! Из окна высунулась рука с жезлом и властно указала, чтобы мы остановились. Водитель притормозил.

– Давай за нами! – послышался из репродуктора строгий голос.

Мы тут же повернули с трассы, следуя за «Волгой». Водителю нашему пришлось повиноваться... Метров через пятьдесят мы остановилась на небольшом каменистом взгорке. Из автомашины вышли двое улыбающихся «волжанина».

Конечно, это были наши друзья – начальник управления культуры Абайского района Оразалин Эльдар и начальник ГАИ Абайского района Каирханов Серик.

– Вы нарушаете наши традиции! Так нельзя, – сказал Эльдар и стал открывать капот багажника. – Традиции нельзя нарушать, – продолжал он. – Это место у нас называется «Горка добрых пожеланий» или «Горка прощания» – «Коштасу». Так что хотите или нет, а подчиниться Вам придется... Традиции нужно уважать!

– Правила дорожного движения тоже, – дополнил, взяв такой же тон, начальник ГАИ.

– Это давние правила уважаемых предков, – сказал Эльдар. – По-русски это как бы на посошок...

Естественно, если уж положено... Мы выпили по импровизированной чарке за этот благодатный край, за наше знакомство, за прошлое, которое живет в настоящем...

Прощаясь, мы произносили благословенные речи и нас, наконец, слышали тени великих поэтов, облаченные в белый мрамор одежд, над которыми шумели ветры, над которыми в грусти великой склонились века.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За время трехдневной поездки на родину Абая я в своем путевом дневнике пытался отразить свое восприятие, личное состояние погружения в прошлое этого края. Мне кажется, это вовсе не просто субъективные переживания, которые выплеснуты на страницы, а объективное освещение темы, мало еще затронутой в критической литературе, освещающей поэтику жизни на фоне природы этой земли. Краеведческий подход к пути от Усть-Каменогорска до Жидебая, где бывал Абай, автору представляется еще одной тропинкой в прошлое жизни Степи и ее Поэта, крепко-накрепко связанное с настоящим. Я вполне удовлетворен, что имею право на воспоминания о родине поэта, которую также полюбил. Родина Абая – моя Родина, которая стала много ближе и дороже. Поэт об этой земле рассказывал сердцем, воплотив слова и мысли в бессмертные стихи. Я же – только о своих переживаниях на пути, которым следовал сто лет назад Абай.

Разделяет наше время со временем Абая почти целый век. Много утекло воды за это время, что связано с поколениями. Но в природе все несколько иначе: хотя она также стремительна в переменах, для нас эти изменения почти незаметны.

И все на этом пути, что виделось Абаю, упакованное в целое столетие, по-прежнему свежо и живо, и все подкреплено четкими и точными четверостишиями поэта. Его летучие слова – о нашей общей родине.

Каждый раз стоит мне лишь прикрыть глаза, как я там, в необъятных просторах Сары-Арки, в «кругу» волнистых горизонтов и романтических, окрашенных в голубые цвета, хребтов крайнего Востока Казахстана. А еще перед глазами – громадина, устремленная в сердце степей могучего Тарбагатая; на юге, подпирая Вселенную, гордый профиль небесного Тянь-Шаня... Потом – низкая, темная гряда Чингизтайских гор, что режет надвое степную даль, и она же, гранитным рубцом стянувшая серебристые крылья ковыльной степи – восточное и западное... Все, как было, так и осталось, как в прошлом и позапрошлом веках. По-прежнему в самом сердце Великой Азии, охраняя безлюдье степей, обвенчанных с небесами, воспетых с чудною силой народами разных времен, стоят вечные стражи романтических гор. И покуда на этой земле будет жить красота, до тех пор будет процветать и поэзия великого земляка...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Иртыш – всему голова	8
Признание «Степного Гомера»	13
В честь великого Земляка	19
«Вершина Абая»	20
Вдоль Великой реки	23
Каждый о своем... ..	25
Октябрь – время поэтов	27
Снова раздумья... ..	29
Дубагалы	33
Стихия, стихи и поэты... ..	39
Вдоль прежнего Иртыша	40
«Реликтовое пространство»	42
Степей дыхание – тузун	45
Город на Иртыше	47
«Чертова песочница»	48
Внимание – СОС-ны!	50
У «святого» ключа Кушюкбай	53
Мимо родины Ауэзова	58
Воспоминания о прошлом	61
Памятник любви и жестокости	67
О чем они, ночные ветры?	71
Орда!	75
Долина Жидебай	82
Жидебай – планета Абая	85
У мавзолея	86
Жидебай – место на земле грустное	90
Мавзолей «Диогена»	91

В сиянии первой звезды	97
Четыреста шагов	99
Дом в степи	102
Атрибуты кочевника	105
Айтыс	107
«Четыре времени года»	114
Островной Каркаралинск	118
Каркаралинская зима... ..	122
День последний	125
«Охота с беркутом»	127
Колодец в степи	132
В кругу великих	134
В гостях у классика	136
Полюс континента	139
Коштасу – место добрых пожеланий	142
Послесловие	144

300-007

Борис Васильевич Щербаков

ПУТЬ К АБАЮ

Путевые заметки

Ответственный за выпуск, редактор *Н.К. Сагымбаева*

Технический редактор *Х.Ж. Рахметуллин*

Художественный редактор *Ю.Б. Еришова*

Подписано в печать 19.09.2005. Формат 60x84/16 Усл.-печ. л. 8,6
Уч.-изд. л. 8,8 Тираж 300 экз. Заказ 450 Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»

070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»

Щербаков Борис Васильевич

– кандидат биологических наук, член Союза писателей СССР с 1985 г., с 1992 г. – Республики Казахстан, лауреат премии акима Восточно-Казахстанской области «За вклад в развитие культуры и искусства», отличник просвещения РК, почетный гражданин г. Усть-Каменогорска и г. Хошимина (Вьетнам).

Награжден юбилейной медалью «10-летие Конституции Казахстана».

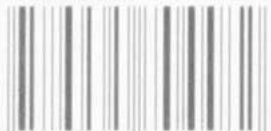
В течение 10-ти лет возглавлял Восточно-Казахстанское област-

ное литературное объединение и 8-ми лет – Восточно-Казахстанское отделение Союза писателей РК.

Непосредственный инициатор организации Маркакольского, Западно-Алтайского заповедников и некоторых заказников на востоке Казахстана. Имеет около 100 научных публикаций по фаунистике, миграциям, биологии, экологии пресмыкающихся птиц, млекопитающих, по ботанике, педагогике; автор 17 научно-художественных и научно-популярных книг; соавтор книг «Феномен неизвестного континента», «Восточный Казахстан» (2 издания), «Культура, душа и память народа».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕДИА-АЛЬЯНС»

ISBN 9965-704-48-1

9 789965 704482